

А.Д. РАЙХШТЕЙН

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ
НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ

А.Д. РАЙХШТЕЙН

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ
НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ

(для институтов и факультетов
иностранных языков)

*Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2103 «Иностранные языки»*

ББК 81.2 Нем
Р 18

Рецензенты: кафедра немецкого языка Калининского государственного университета; доктор филол. наук проф. Л. М. Михайлов.

Райхштейн А. Д.
Р 18 Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии/для ин-тов и фак. иностр. яз. — Учеб. пособие. — М.: Высш. школа, 1980 — 143 с.
35 к.

Пособие посвящено одному из сложнейших и интереснейших аспектов изучения иностранного языка — фразеологии. Оно является первой работой в области сопоставления фразеологических систем русского и немецкого языков. Теоретическая часть работы предлагает новое решение ряда проблем фразеологии, а ее практическая часть систематизирует ценный языковой материал.

Р $\frac{70104-342}{001(01)-80}$ 186—80

4602010000

ББК 81.2 Нем
4И (Нем)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интенсивное развитие фразеологии как лингвистической дисциплины за последние годы характеризуется постепенной дифференциацией предмета исследования и методики его изучения, а также вовлечением в сферу научного поиска все новых проблем и аспектов, которые опираются на сложившиеся в советском языкознании теоретические основы фразеологии. Этому процессу соответствует и общая тенденция развития лингвистической теории от простых, первичных и фундаментальных к более сложным, производным уровням, методам и направлениям изучения языка. К последним, несомненно, относится сопоставительный анализ различных языков, результаты которого важны и для теоретического, и для прикладного языкознания. Применение сопоставительного анализа к изучению фразеологических составов пар (групп) языков образует особый раздел фразеологической теории — сопоставительную фразеологию, находящуюся на стадии становления, но вызывающую все больший интерес исследователей. Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой первый и, естественно, несовершенный опыт системно-структурного сопоставления немецкой и русской фразеологии. Можно однако полагать, что используемые в настоящей книге приемы и методы анализа, а также полученные выводы отчасти приложимы к сопоставительному изучению и других языков.

Автор будет благодарен за все критические замечания и предложения, направленные на усовершенствование данной работы, а также принесит искреннюю благодарность официальным рецензентам — кафедре немецкого языка Калининского государственного университета, доктору филологических наук профессору Л. М. Михайлову и кандидату филологических наук доценту В. И. Зимину, оказавшим серьезную помощь при подготовке рукописи к печати.

Глава I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

1. СОПОСТАВЛЕНИЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Современное лингвистическое исследование немислимо без сопоставления изучаемых объектов. Взаимное соотнесение, сравнение и противопоставление единиц, форм, категорий, разрядов и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого из них, установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конституирования объединяющих их микросистем, субсистем и систем. Основной элемент лингвистического сопоставления — выявление тождественных (интегративных) и различающихся (дифференциальных) признаков сравниваемых фактов языка. Постулат о тождествах и различиях в языке, сформулированный Ф. де Соссюром и освобожденный от релятивистских трактовок, лежит в основе ряда важнейших методов языкового анализа — оппозитивного, полевого, трансформационного, компонентного и др. В результате формального и смыслового сопоставления и противопоставления выделяются члены языковых систем любого масштаба — грамматических парадигм, лексико-семантических групп, синонимических рядов, антонимических пар и т. п. И наоборот, исчерпывающее описание любого отдельного языкового явления предполагает выделение в нем набора разнообразных аспектов, форм, значений, реализаций и других различий (при совокупном тождестве явления в целом), а с другой стороны, — включение этого явления в различные общности на базе какого-либо тождества — формального, семантического, функционального и т. п. (при прочих отличиях от других элементов таких общностей).

Сказанное полностью относится и к исследованию устойчивых словесных комплексов (далее — УСК) и, в частности, фразеологических единиц (далее — ФЕ). Можно даже утверждать, что в сфере фразеологического исследования потребность в сопоставлении внутри одного языка выше, чем на других уровнях анализа. Так, долгое время велелся сопоставление различных разрядов УСК, чтобы установить, образуют ли они вообще некоторую общность и тем самым объект особой лингвистической дисциплины — фразеологии (см. Кунин, IV). Особое положение ФЕ в языке побуждает постоянно сопоставлять

их не только с другими ФЕ, но и с образованиями иных уровней — лексемами, регулярными сочетаниями слов, структурно-синтаксическими схемами и т. п. Не менее распространено сопоставительное рассмотрение фразеологии и лексики (ср., напр., Вопросы фразеологии, III, V).

Всякое внутриязыковое сопоставление требует выполнения, по крайней мере, следующих основных условий:

а) должна наличествовать база сопоставления, т. е. определенное принципиальное тождество, на фоне которого рассматриваются как более частные сходства, так и различия сопоставляемых объектов;

б) должна применяться единая теория, единый метод и единый понятийный и терминологический аппарат при описании всех сопоставляемых объектов.

Отношения тождества и различия характерны не только для всевозможных явлений, находящихся в системной связи внутри одного языка, но и для аналогичных явлений в разных языках. Сами механизмы этих отношений внутри языка и между языками во многом сходны. Так, на межъязыковом уровне обнаруживаются те же семантические отношения, которые свойственны лексическим, фразеологическим и другим единицам внутри языка — синонимические, антонимические и др. (ср. Гатиатуллина; Olschanski). Например, между нем. ФЕ *jmdm. stehen die Haare zu Berge* и *jmdm. sträuben sich die Haare* такие же отношения семантического тождества, как и между любой из этих ФЕ и русским фразеологизмом *у кого-л. волосы встают дыбом*.

Однако цели и роль межъязыкового сопоставления существенно иные, так как сопоставляются единицы, формы, категории и т. п., не дополняющие друг друга и не составляющие в своей совокупности какой-либо единой реально функционирующей системы. Поэтому в результате межъязыкового сопоставления отдельных языковых явлений не может быть выявлена их системная значимость, а также осуществлена их группировка в определенные реализуемые в коммуникации парадигматические общности. Зато обобщение системы используемых языковых средств, а также набора семантических категорий, получающих регулярное выражение в различных, в том числе неродственных языках, позволяет дать типологическую характеристику их строя, т. е. показать наиболее важные явления всех языков (универсалии), а на их фоне — специфические для больших языковых групп черты, объединяющие языки в различные типы.

Для родственных языков (напр., славянских или германских) сопоставление ведет также к установлению исторической языковой общности, проявляющейся не только в структурной и семантической, но и в материальной близости сопоставляемых единиц (сравнительно-историческая лингвистика — компаративистика).

Наконец, между единицами сопоставляемых языков может существовать в речи функциональное отношение перекодирования, устанавливающееся при переводе текстов с одного языка на другой, а также при обучении иностранному языку на базе родного. Этим опре-

деляются основные направления прикладной разработки межъязыковых сопоставлений:

а) теория перевода (в том числе машинного), занимающаяся установлением регулярных закономерных функционально-семантических тождеств между отдельными единицами двух языков;

б) контрастивная лингвистика, стремящаяся выявить, в первую очередь, существенные для методики обучения иностранному языку отличия последнего от родного языка.

Сюда же относится двуязычная и многоязычная лексикография, фиксирующая конкретные регулярные соответствия в лексике и фразеологии и ориентирующаяся как на переводческие, так и на методические потребности.

Таким образом, межъязыковое сопоставление (сравнение, конфронтация) составляет основу различных теоретических и прикладных направлений современных лингвистических исследований — типологического, сравнительно-исторического, трансляционного, контрастивного и лексикографического (ср. Helbig). Каждое из этих направлений имеет свои частные особенности — задачи, основной материал, правила и приемы анализа и т. п. В то же время сопоставление конкретных языковых единиц в отдельных языковых парах, характерное для прикладных направлений сопоставительного анализа, дает важный материал для более широких типологических обобщений, которые, в свою очередь, позволяют выделить самые глубокие сходства и различия между языками, проявляющиеся, в частности, и в конкретных соответствиях. Поэтому безотносительно к более узким и специализированным направлениям можно, очевидно, говорить об общем разделе языкознания, разрабатывающем принципы и методы сопоставления языков, — о сопоставительной или конфронтативной лингвистике.

Сопоставительная лингвистика дифференцируется по сравниваемым языкам (два или более; родственные, отдаленно родственные, неродственные), по подсистемам языка (сопоставительная лексикология, грамматика, фразеология и т. п.), а также по названным выше направлениям анализа (типологическое, контрастивное, трансляционное и т. п.).

В ряде работ рассматриваются общие принципы и проблемы сопоставления языков (ср. Аракин; Будагов; Гак, II—IV; Колшанский и Сухова; Макаев; Принципы описания языков мира; Синхронно-сопоставительный анализ; Смирницкий; Солнцев; Сятковский; Федоров и др.; Ярцева, I—IV; Akhmanova, Melenčuk; Beiträge zur konfrontierenden Sprachwissenschaft; Filipce, I, II; Helbig; Jäger, I, II; Probleme des Sprachvergleichs; Ružička; Trends in kontrastiver Linguistik; Wandruszka).

Дифференцированные сопоставительные характеристики конкретных пар и групп языков лишь начинают создаваться в последние десятилетия (ср. Балли; Гак, IV—V; Leisi; Burgschmidt und Götz; Сопоставительное исследование русского и украинского языков и др.). Сопоставлению немецкого и русского языков посвящены монографические очерки по отдельным проблемам грамматики и словообра-

зования (Крушельницкая; Федоров и др.), а также ряд статей и диссертаций, в том числе очень немногие по сопоставлению немецкой и русской лексико-семантических систем (см. Акуленко; Зоммерфельдт и Аудэм; Минина, I; Щемелева; Crome; Eichler; Olschanski; Ščemeleva и др.) и фразеологии (краткий обзор работ по конфронтативной фразеологии дается ниже).

В большинстве общих и частных работ по сопоставительному анализу указывается на его трудности и намечаются пути преодоления этих трудностей. Тем самым выкристаллизовываются некоторые принципы межъязыкового сопоставительного анализа, применимые к любым парам (группам) языков и любым уровням сопоставления:

1. Первичность внутриязыкового описания относительно межъязыкового: изучение отдельных языков должно предшествовать их сопоставлению как в целом, так и на каждом отдельном этапе (масштаб которого, впрочем, может быть весьма различным).

2. Примат тождеств над различиями в исследовании: сопоставительный анализ базируется на объективном сходстве между сопоставляемыми единицами (явлениями, системами, языками и т. п.); соответственно установление тождеств должно предшествовать установлению различий. При этом в изложении удельный вес того и другого может быть различным — в зависимости от направления исследования.

3. Сопоставимость внутриязыковых описаний: изучение отдельных языков должно вестись на базе единой теории, едиными методами и с помощью единого понятийно-терминологического аппарата.

4. Одностороннее или двустороннее сопоставление: сама процедура сопоставления, а также изложение его результатов могут быть односторонними (описание особенностей языка А относительно языка Б или наоборот; обычно это описание иностранного языка на базе родного), либо двусторонними (параллельное описание языков А и Б относительно предварительно установленного в этих языках набора структурных, семантических и функциональных явлений). Прикладные аспекты конфронтативной лингвистики тяготеют к одностороннему сопоставлению, типологический анализ — к двустороннему (многостороннему).

5. Сопоставительный анализ может идти от языковой формы к содержанию (семасиологический подход) или, наоборот, от содержания к способу его выражения в языках (ономасиологический, или контентивный подход). В развернутом сопоставительном исследовании оба пути обычно взаимодействуют.

6. Сопоставительное исследование может быть синхронно-сопоставительным либо диахронно-сопоставительным (сопоставительное-историческим).

7. Источники сопоставительного анализа: сопоставляемые явления могут изучаться независимо в каждом отдельном языке и речевых произведениях на этом языке, либо в речевых произведениях, находящихся в отношениях перекодирования (оригинал и перевод, два перевода с оригинала на третьем языке). Оба пути удачно дополняют друг друга, причем исследование речевого функционирования сопо-

ставляемых явлений позволяет получить важные качественные и особенно количественные характеристики (относительная употребительность и т. п.).

Настоящее исследование ориентировано на синхронно-сопоставительное двустороннее (параллельное) описание фразеологии немецкого и русского языков как системы (речевое функционирование в основном не рассматривается); базой двустороннего описания служат основные понятия лингвистической и, в частности, фразеологической теории. По сугубо практическим соображениям (книга предназначена в первую очередь для лиц, изучающих немецкий язык как иностранный) конкретные нем. ФЕ характеризуются несколько подробнее, чем русские, которые в большинстве случаев, очевидно, знакомы читателю.

2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

1. Основные направления сопоставительно-фразеологических исследований.

Синхронно-сопоставительное изучение фразеологического состава различных языков как самостоятельное направление фразеологических исследований находится еще в стадии становления. Первая общая работа по этой тематике появилась в середине 60-х годов (Ройзензон, Авалиани). В ней были намечены некоторые важные аспекты синхронного конфронтационного изучения фразеологии:

а) сравнительный, анализирующий сходные фразеологические факты в родственных языках (напр., славянских);

б) сопоставительный, имеющий дело с неродственными языками и устанавливающий фразеологические эквиваленты для перевода с одного языка на другой и для преподавания неродного языка, а также предполагающий сопоставительное изучение фразеологии по семантическим группам;

в) структурно-типологический, направленный на исследование особенностей построения фразеологических образов как в родственных, так и в неродственных языках, т. е. на выявление общих закономерностей и факторов образного переосмысления словесных комплексов, в том числе роли отдельных лексических компонентов в формировании определенных фразеологических значений;

г) ареальный аспект, рассматривающий взаимодействие и сближение фразеологии ряда языков, образующих географическую, языковую (генетическую или постепенно складывающуюся) и культурно-историческую общность, напр., европейский фразеологический ареал, среднеазиатский фразеологический ареал и т. п.

Очевидно, что намеченные аспекты конфронтативной фразеологии нечетко противопоставлены друг другу и отчасти пересекаются, а их предполагаемое содержание изложено весьма фрагментарно (это и естественно на начальном этапе разработки данной проблемы). Тем не менее, конкретные направления анализа, предложенные Л. И. Ройзензоном и Ю. Ю. Авалиани, несомненно, актуальны и перспектив-

ны и в настоящее время. Это подтверждается рядом частных исследований, выполненных за истекшие годы в конфронтативном плане на самом разнообразном фразеологическом материале и значительно расширивших первоначально намечавшийся круг проблем. Эти исследования, осуществленные почти исключительно в Советском Союзе, могут быть обобщены по следующим линиям*.

1. По характеру и числу сопоставляемых языков:

а) родственные (группы и пары), напр., славянские языки, восточно-славянские, русский и украинский, русский и белорусский, русский и польский, русский и чешский, немецкий, английский и шведский;

б) отдаленно родственные (в основном пары), напр., русский и немецкий, украинский и немецкий, чешский и немецкий, русский и английский, русский и французский;

в) неродственные (пары, ряды и группы), напр., русский и эстонский, немецкий и грузинский, индоевропейские и тюркские, германские и тюркские;

г) смешанные ряды, напр., немецкий — русский — узбекский, молдавский — русский — французский.

2. По характеру сопоставляемых ФЕ:

а) группа ФЕ с однотипной структурой и функцией, напр., глагольно-именные, компаративные, тавтологические, пословицы;

б) группы ФЕ, включающие семантически однотипный компонент, напр., прилагательное цвета, глагол движения, имя-соматизм, имя-зооним, имя собственное;

в) группы ФЕ с однотипным сигнификативным значением (фразеосемантические группы или поля), напр., ФЕ со значением «очень много» и «очень мало»; «бить, избивать, наказывать»;

г) группы ФЕ с одинаковой лексико-грамматической организацией и совокупной семантикой в разных языках, напр., ФЕ с компонентом общего происхождения, ФЕ-кальки, ФЕ-полные эквиваленты, ФЕ-формальные заимствования.

3. По характеру сопоставляемых явлений:

а) грамматические свойства ФЕ, напр., их структурно-синтаксические типы, морфологический состав, порядок следования компонентов, грамматическая вариантность, грамматическая дистрибуция;

б) лексический (компонентный) состав ФЕ, напр., наиболее употребительные компоненты, лексическая вариантность;

в) фразеологическая семантика и семантические отношения во

* Не имея возможности назвать здесь всех авторов соответствующих работ, отсылаем читателей к библиографическим справочникам по фразеологии (Ройзензон и Бушуй; Ройзензон, Бушуй и Ройзензон; Бушуй, II).

фразеологической системе, напр., характер образности; фразеологическая синонимия, антонимия, полисемия; организация фразеосемантических микросистем (полей, групп и т. п.); семантическая членимость ФЕ;

г) стилистические характеристики и явления во фразеологии, напр., механизмы стилистического преобразования ФЕ; стилистические особенности функционирования отдельных фразеологических групп и разрядов;

д) количественные характеристики фразеологии, напр., употребительность в речи, число компонентов в ФЕ и др.

Как видно из этого краткого и, вероятно, неполного перечня, для современных исследований по конфронтативной фразеологии наиболее характерно сопоставление на уровнях конкретных ФЕ (установление межъязыковых фразеологических эквивалентов, синонимов, вариантов, омонимов и т. п.), разрядов и групп ФЕ (структурно-семантических, лексико-грамматических, семантических и т. п.) и фразеологических явлений и категорий (формальные, формально-смысловые и семантические характеристики ФЕ). Отметим, с одной стороны, появление излюбленных объектов сопоставления (напр., компаративные ФЕ, соматические ФЕ), рассмотренных в ряде работ, в том числе по одним и тем же языкам, а с другой, многочисленные исследовательские лакуны в частной и особенно общей проблематике сопоставительной фразеологии. В целом разработанность сопоставительной фразеологии снижается в направлении от уровня конкретных ФЕ (межъязыковые соотношения которых неплохо описаны, например, в немецко-русской лексикографии, хотя и не получили исчерпывающего теоретического объяснения) к более абстрактным уровням анализа. Так, по отдельным парам и группам языков имеются сопоставительные характеристики лишь некоторых фразеологических разрядов (групп) и категорий (явлений). И, главное, до сих пор почти не предпринималось попыток дать развернутую и обобщенную характеристику каких-либо двух языков на уровне всей фразеологической системы в целом. В существующих работах по сопоставлению русской фразеологии с индонезийской (Агус Салим), с монгольской (Доржийн Дашдаваа), с вьетнамской (Чьонг Донг Сан) и с чувашской (Орлова) в основном устанавливается тождество главных разрядов и категорий фразеологии на материале сопоставляемых языков; выявить существенные различия общего типа оказалось значительно труднее.

Сопоставление целых фразеологических систем должно, по-видимому, дать ответ, по крайней мере, на следующие вопросы: в чем заключаются наиболее существенные и глубинные сходства и различия между фразеологическими системами двух (или более) языков; как они проявляются в основных аспектах языка — функциональном, семантическом, формально-смысловом, структурном; какими внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами они обуславливаются. Одна из задач данной книги — ответить в какой-то степени на эти вопросы применительно к немецкому и русскому языкам.

2. Труды по сопоставлению немецкой и русской фразеологии.

В довольно широкой, пестрой и фрагментарной картине кон- фронтативно-фразеологических исследований труды, посвященные собственно сопоставлению русской и немецкой фразеологии, исчисляются единицами и не образуют в своей совокупности какой-либо цельной системы ни по методике описания, ни по изучаемому объекту. Наибольшее внимание уделяется вопросу межкультурной фразеологической эквивалентности конкретных ФЕ — преимущественно в работах по теории перевода и с точки зрения выделения различных типов фразеологической эквивалентности (Федоров; Райхштейн, I; Траутман; Heesch; Kade). Из структурно-семантических разрядов немецкой и русской фразеологии сопоставлялись компаративные ФЕ (Ротт, I; Неведомская; Schade), устойчивые парные сочетания и их фразеосхемы (Милехина), субстантивные фразеологические единства (Чеснокова) и некоторые другие. Кроме того, исследовались в сопоставительном плане немецкая и русская фразеосемантические группы «мышление» (Куркова), соматические ФЕ немецкого, английского и русского языков (Долгополов), немецкие и русские ФЕ с компонентом-именем собственным (Гарифулин, Антонова), а также на широком языковом материале, включающем немецкий и русский языки, семантическая роль компонентов в совокупном фразеологическом значении (Авалиани, II, IV), тавтологические устойчивые сочетания (Бушуй, I).

Объектом наиболее общей из имеющихся сопоставительно-типологических характеристик русской и немецкой фразеологии является синтаксическая структура немецких и русских ФЕ (Ротт, II), понимаемая автором, впрочем, только в синтагматическом плане (способы синтаксической связи между компонентами ФЕ). Более подробно на проблематике этой и некоторых других упомянутых работ мы остановимся в соответствующих разделах книги.

В целом исследования по конфронтативной фразеологии содействовали как созданию определенной теоретической базы, на которую опирается данная книга, так и получению конкретных сведений, которые отчасти в ней использованы. И все же ее основными теоретическими источниками являются многочисленные труды по общей фразеологии и по фразеологии каждого из сопоставляемых языков в отдельности, в особенности известные работы по общей и русской фразеологии В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. Л. Архангельского, Л. И. Ройзензона, Ю. Ю. Авалиани, А. М. Бабкина, С. Г. Гаврина, Ю. А. Гвоздарева, В. П. Жукова, М. М. Копыленко, В. М. Мокиенко, А. И. Молоткова, Р. Н. Попова, З. Д. Поповой, Н. М. Шанского и др., а также по общей фразеологии и фразеологии германских языков Н. Н. Амосовой, А. В. Кунина, И. И. Чернышевой, Х. Бургера и Х. Якше, Й. Хойзермана и др.

3. Особенности сопоставительного изучения фразеологического состава.

Специфика изучения объекта в любых его аспектах определяется особенностями самого объекта. Применительно к фразеологии эта

специфика обусловлена прежде всего категориальными признаками устойчивых словесных комплексов, выделяющими их из других языковых единиц, и особенно положением фразеологической системы среди других языковых систем.

Фразеологизмы — единицы вторичного образования, отличающиеся от обычных словесных комплексов низкой регулярностью языковой (формально-смысловой) организации (устойчивость, идиоматичность), базирующейся на семантическом сдвиге того или иного типа и ведущей к обязательной воспроизводимости ФЕ и слабой предсказуемости их плана содержания относительно плана выражения, и наоборот. По своей формальной структуре ФЕ — словесные комплексы (словосочетания или предложения). Функционально-семантически ФЕ соотносятся со словесными комплексами или со словами. Сверхсловный, раздельнооформленный характер ФЕ означает, что в составе фразеологизма всегда имеются лексические компоненты (соотносящиеся, как правило, с самостоятельными лексемами), а также формально-синтаксическая схема (соотносящаяся, как правило, с определенными синтаксическими моделями переменных словесных комплексов). Кроме того, ФЕ всегда имеют функционально-синтаксическую характеристику и соответствующие морфологические признаки.

Таким образом, фразеологическая система базируется на средствах других уровней языка и строится из них. В первую очередь, это лексические и грамматические средства (фонетические автоматически входят в них как конститuenty и лишь изредка приобретают самостоятельную значимость во фразеологической системе).

Из структурной вторичности (производности) фразеологической системы проистекает ее важная черта — во фразеологии каждого языка отражаются в большей или меньшей степени все основные особенности его прочих уровней (но не механически, см. ниже), и это обстоятельство в значительной мере определяет специфику фразеологических систем в разных языках (ср. Гак, IV, 262). Отсюда главная особенность конфронтативного фразеологического анализа — необходимость учета данных первичных, «подстилающих» систем — лексической и грамматической, а также специфики их проявления во фразеологии, т. е. усложненный, «многоэтажный» характер сопоставления. Так, глагольная категория вида представлена в русском языке и русской фразеологии, но отсутствует в немецком языке и немецкой фразеологии, ср., напр.: *den Stier bei den Hörnern packen* — брать/взять быка за рога; *jmdm. den Kopf verdrehen* — крутить/закрутить кому-л. голову.

В свою очередь, в русском языке (и в том числе в русской фразеологии) нет грамматической категории определенности—неопределенности существительного, выражаемой системой артиклей, ср., напр.: *jmdm. blutet das Herz* — у кого-л. сердце кровью обливается; *ein Wolf im Schafspelz* — волк в овечьей шкуре.

При сопоставлении двух разных фразеологических систем следует далее иметь в виду, что даже сходные категории, формы и средства других языковых уровней обычно обладают различной значимостью

в системе языка. Следовательно, обнаруживаемое непосредственным наблюдением тождество может при системном подходе оказаться различием, и наоборот.

Иноуровневые средства не механически воспроизводятся во фразеологической системе, а подвергаются сложной переработке. Во-первых, входя в состав УСК, лексемы, синтаксические схемы и морфологические средства претерпевают более или менее существенные ограничения своей регулярной парадигматической и синтагматической изменяемости (трансформирования, функционирования, связей и т. п.). Возникают дополнительные трудности, поскольку у различных ФЕ (групп ФЕ) эти ограничения оказываются неодинаковыми, ср., напр., наличие соотносительных видовых пар у большинства русских глагольных ФЕ, но отсутствие таковых у отдельных ФЕ, ср.: *чуужими руками жар загребать, мерить на свой аршин, приклонить голову*; фиксированность артикля при имени — зависимом компоненте нем. ФЕ, напр.: *den Wald vor lauter Bäumen nicht sehen, arm wie eine Kirchenmaus*, но возможность его регулярной замены в отдельных ФЕ, напр.: *ein/die Klippe umschiffen; -/die Luftschlösser bauen*.

Степень фразеологического отклонения от регулярного функционирования у разных языковых средств и категорий различна, т. е. неодинакова их фразеологическая специфичность в данном языке, важная и при сопоставлении фразеологических систем. Там, где такой специфичности нет (т. е. во фразеологической системе без существенных изменений продолжают «работать» средства других уровней), соответствующими явлениями можно пренебречь при сопоставительном анализе фразеологии, полностью отнеся их к сопоставительной фонетике, грамматике и т. п. И, наоборот, чем своеобразнее преломляется во фразеологии та или иная иноуровневая особенность, тем она существеннее для сопоставительной фразеологии.

Во-вторых, помимо прямых отражений, иноуровневые влияния могут иметь косвенный, но очень глубокий и существенный характер. Так, склонность немецкого языка к глагольности и двусоставности предложения (наличие в нем подлежащего и сказуемого в глагольной форме) ведет к заметному превышению удельного веса немецких глагольных ФЕ над русскими; соответственно в рус. языке гораздо больше именных предикативных ФЕ типа *в природе вещей; без царя в голове; золотые руки*, а также безглагольных оборотов типа *хоть бы хны; всё трын-трава* и бессубъектных устойчивых фраз типа *ничего не попишешь; без меня меня женили*. Ниже будет сделана попытка показать, к каким важным последствиям для обеих фразеологических систем ведут глубинные различия между обоими языками в сфере словообразования и синтаксиса.

В-третьих, фразеологическая значимость иноуровневых явлений необязательно связана с их специфичностью для данного языка в целом. Так, аббревиатуры (буквенные сокращения) широко распространены и в нем., и в рус. языке, в частности, для замены лексических единств типа *Sowjet Экономической Взаимопомощи — СЭВ* и *Rat für Gegenseitige Wirtschaftshilfe — RGW*. В то же время в немецкой разговорно-просторечной фразеологии популярны аббревиатуры типа

m. w. — machen wir!, *knif — kommt nicht in Frage*, тогда как в русской их практически нет.

Следующая особенность сопоставительного анализа во фразеологии также вытекает из структурной вторичности (производности) ФЕ: они сложнее своих конstituентов-лексем и по структуре, включающей не менее двух лексических компонентов, и по значению, как и вообще всякое производное обычно сложнее производящей базы. Эта сложность усугубляется низкой регулярностью соотношения «форма — смысл» (идиоматичностью), характерной для конкретных ФЕ и являющейся основной причиной часто подчеркиваемой высокой национальной специфичности фразеологии. Отсюда и дополнительное усложнение конфронтативного анализа.

Наряду со структурной и генетической вторичностью фразеологической системы, следует отметить и ее функциональную зависимость от единиц других уровней. Семантические сферы, в которых активно функционируют те или иные разряды УСК, обслуживаются одновременно также и другими средствами номинации и коммуникации, т. е. словами и переменными словесными комплексами. Соответственно развитость и распространенность УСК определенного разряда в каждом языке находятся в зависимости от развитости и распространенности параллельных, «конкурирующих» средств выражения в данной семантической сфере (хотя, как будет показано ниже, эта зависимость может иметь различный характер).

Одним из специфических проявлений вторичности фразеологической системы является также определенная зависимость ее черт не только от системно-языковых свойств лексик и синтаксиса, но и от речевых характеристик этих уровней. Эта зависимость обусловлена тем, что языковые единицы-фразеологизмы формируются на базе речевых образований — переменных словесных комплексов, повторяя их некоторые чисто речевые особенности. Так, чрезвычайно высокая речевая употребительность немецких глаголов широкой семантики (*sein, haben, machen, bringen* и др.) оборачивается для немецкой фразеологической системы участием названных глаголов в огромном количестве ФЕ со всеми вытекающими отсюда последствиями (см. гл. IV).

Наконец, нужно упомянуть о специфике сопоставления фразеологии отдаленно родственных языков, в том числе немецкого и русского, на уровне конкретных единиц. Их межъязыковые отношения, как правило, не базируются на материальном тождестве сопоставляемых единиц. В этом их важное отличие от близко родственных языков. При сопоставлении, например, русских и украинских ФЕ мы в большинстве случаев констатируем ту или иную степень материального тождества или сходства наряду с той или иной степенью структурно-семантической близости, ср., напр.: *из рук в руки — з рук у руки; быть в контрах — бути у контрах; лить воду на мельницу — лити воду на млин; в знак согласия — на знак згоди* и т. п.

Для отдаленно родственных языков межъязыковое материальное тождество ФЕ оказывается редким явлением, связанным с прямым заимствованием фразеологизмов или входящих в них лексем из од-

ного сопоставляемого языка в другой или из какого-либо третьего языка в оба сопоставляемые. Это наименее распространенный способ пополнения фразеологического состава, напр.: *jmdm. Pfeffer geben* — *задать пфеферу*; *Brüderschaft trinken* — *пить на брудершафт*; *über Bord werfen* — *(вы)бросить за борт*; *eine Rolle spielen* — *играть роль*; *va banque spielen* — *идти ва-банк*; ср. также используемые в обоих языках в иноязычной форме УСК типа латинских *ab ovo, in spe, deus ex machina*, английского *time is money*, французского *c'est la vie* и т. п. Что же касается генетического родства отдельных лексем в составе рус. и нем. ФЕ, напр.: *голодный как волк* — *hungrig wie ein Wolf, до гроба* — *bis über das Grab hinaus*, то для синхронно-сопоставительного анализа им вполне можно пренебречь, тем более что число таких случаев относительно невелико, материальное сходство практически едва ли воспринимается, а также трудно доказать, что сами ФЕ восходят к единому индоевропейскому или славяно-германскому фразеологизму. Поэтому в дальнейшем изложении эти случаи рассматриваются в общей массе рус. и нем. ФЕ, межъязыковые отношения между которыми проявляются, за единичными исключениями, только как структурно-семантические и устанавливаются не непосредственным, а косвенным сопоставлением — через план содержания соответствующих комплексов в их фразеологическом и в их регулярном употреблении, ср., напр., фразеологизмы *подливать масло в огонь* и *Öl ins Feuer gießen*, у которых семантически тождественны (а точнее — близки) отдельные соотнесенные компоненты: *масло* — *Öl*, *огонь* — *Feuer*, *подливать* — *gießen*, *в* — *in*, а также совпадает совокупное фразеологическое значение нем. ФЕ и одной из семем рус. ФЕ («обострять отношения, усугублять какие-л. настроения, чаще отрицательные»).

Перечисленные особенности сопоставительно-фразеологического исследования сводятся, таким образом, к его усложненности, опосредованности и многоплановости*. С этим общим свойством связана еще одна черта — некоторая аппроксимативность (приблизительность) анализа и его результатов. Строгое понятие тождества вообще вряд ли применимо к сопоставляемым фразеологическим фактам, каждый из которых занимает в системе своего языка специфическое место и имеет особую значимость, которая не повторяется в неизменном виде в иноязычной системе для соотносительного факта. Практически речь идет не об абсолютном, а об относительном тождестве, касающемся основных функциональных и семантических характеристик ФЕ в целом, а также ее конститuentов, парадигматических и синтагматических связей. Отсюда необходимость пренебречь частными, второстепенными, периферийными различиями и сконцентрировать внимание лишь на существенных расхождениях, затрагивающих принципиальные качественные и количественные свойства объектов

* Здесь уместно напомнить высказывание Л. И. Ройзензона о том, что «из всех творений языкового гения человека фразеология — наиболее самобытное, сложное и компликативное явление» (Ройзензон, III, 116).

соответствующего уровня анализа — конкретных ФЕ, фразеологических разрядов, групп, категорий и, наконец, целых фразеологических систем. В противном случае мы рискуем потонуть в море любопытных деталей, которыми изобилует фразеология и которые представляют теоретический интерес лишь в той мере, в которой поддаются обобщению.

4. Источники сопоставительного анализа фразеологии.

Из трех основных групп источников, возможных при сопоставительном анализе — теоретических, лексикографических и текстовых — в настоящей книге использованы в основном первые две группы. Соответственно вопросы речевого функционирования ФЕ нем. и рус. языков, подлежащие изучению на материале речевых произведений (устных и письменных, оригинальных и переводных и т. п.), в данной работе не рассматриваются, в центре внимания здесь стоят системные межъязыковые отношения нем. и рус. фразеологии. Ко всем видам источников предъявляются требования достаточного охвата языкового материала, адекватного вычленения и характеристики анализируемых единиц, а также сопоставимости полученных данных. Соблюдение этих требований встречается с определенными трудностями. При критическом анализе теоретических работ по русской и немецкой фразеологии необходимо четко разграничивать реальные различия в объекте анализа и привнесенные исследователями различия в способе его описания. Так, многие специалисты по фразеологии рус. языка не включают пословицы, поговорки и другие устойчивые фразы в состав фразеологии (напр., Бабкин; Жуков, I, III; Молотков, I). Фразеологи-германисты по преимуществу склонны считать единицы названных разрядов (полностью или частично) фразеологизмами (Кунин, IV; Чернышева, II). Однако за этими расхождениями во взглядах отнюдь не стоят какие-либо существенные различия между самими разрядами нем. и рус. пословиц, нем. и рус. поговорок и т. п.

Приведем еще один пример. Ряд русских фразеологов ограничивает структуру устойчивых сравнений союзом *как* (*словно*, *будто*) и одним знаменательным компонентом, напр.: *как лунь*; *как зеницу ока*; *как угорелый* (Шанский, 115—116; Котелова; Огольцев) и относят к собственно ФЕ только наиболее лексикализованные из них (т. е. утратившие значение сравнения). В исследованиях по соответствующим немецким УСК, как правило, все узуальные сравнительные обороты в двухкомпонентном составе $V/N + \text{wie} + N$ зачисляются в разряд фразеологических единств (Чернышева, II; Глазырин; Неведомская и др.). Однако и здесь мы сталкиваемся лишь с различиями в описании, которые ничего не говорят о подлинных различиях между нем. и рус. устойчивыми сравнениями (тем более, что многие фразеологи-русисты солидарны с германистами в подходе к этому разряду ФЕ (ср. Ройзензон, III). В подобных случаях унификация модели описания осуществлялась в настоящей работе путем выбора или разработки точки зрения, обеспечивающей максимальный охват фразеологической теорией языкового материала (т. е. класса УСК) и максимальную дифференциацию этого материала внутри класса по

структурным, семантическим и функциональным признакам (по принципу — как можно меньше априорно исключать из анализа и как можно меньше априорно отождествлять). В соответствии с этим принципом и пословицы, и устойчивые сравнительные обороты отнесены к УСК (фразеологии в широком смысле), однако отнюдь не отождествляются с другими разрядами УСК и сами не образуют качественно однородных во всех отношениях разрядов.

Сложнее обстоит дело с теми различиями в описании, которые отражают в той или иной степени фактические различия между фразеологическими системами. Исторический приоритет изысканий по фразеологии русского языка привел к многочисленным попыткам приложить классификационные схемы и другие элементы русской фразеологической теории без существенных изменений к фразеологическому составу других языков, в том числе и немецкого. Последующие исследования показали необходимость уточнения этой схемы в рус. языке и ее критического пересмотра в других языках. В этой связи следует прежде всего упомянуть о семантической классификации рус. ФЕ, восходящей к В. В. Виноградову и усовершенствованной Н. М. Шанским, и ее видоизменениях применительно к нем. языку (см. Чернышева, II, 20—23). Разрядам рус. фразеологических сращений и фразеологических единств в нем. фразеологии соответствует, по И. И. Чернышевой, один разряд фразеологических единств — не только по сугубо теоретическим соображениям (несущественность и трудность объективного установления меры демотивированности ФЕ), но и ввиду того, что нем. ФЕ, характеризующиеся значительно большей вариантностью компонентного состава, не достигают той высшей степени устойчивости, которая, по В. В. Виноградову, свойственна рус. фразеологическим сращениям (Чернышева, II, 21). Последнее наблюдение, несомненно, отражает реальное межъязыковое расхождение (в отличие от проблемы демотивированности ФЕ, общей для этих двух, а также для других фразеологических систем). Наиболее значимы для сопоставительного анализа расхождения во взглядах на разряд «фразеологических сочетаний». Русская фразеологическая традиция относит к нему все словосочетания, в которых один компонент выступает в свободном, а другой во «фразеологически связанном» значении (Виноградов, II), которое реализуется только в сочетании с узуально ограниченным кругом лексем (от одной до 5—7) и может быть как единственным, так и производным, переносным значением компонента фразеологического сочетания, напр.: *окладистая борода; скалить зубы; мертвый сезон; травить душу*. В структурно-семантической классификации немецкого фразеологического состава, разработанной на базе комплекса признаков (синтаксическая структура, характер сочетаемости компонентов, наличие или отсутствие переосмысления компонентов), к разряду фразеологических сочетаний отнесены лишь УСК с синтаксической структурой словосочетания, характеризующиеся переосмыслением одного из компонентов и их единичной сочетаемостью, напр., *blinder Passagier; schwarzer Markt* (Чернышева, II, 47). Впрочем, ряд авторов критически относится к выделению этой группы как мало типичной для немецкого

языка вообще (Burger, 20; Häusermann, 23).⁷ Словосочетания с одним переосмысленным компонентом, обладающим серийной узуально-ограниченной сочетаемостью, образуют, по И. И. Чернышевой, разряд «фразеологизованных образований», лежащих за пределами собственно фразеологических единиц, напр., *jmdm. Achtung, Anerkennung, Bewunderung, Dank, Teilnahme zollen* (Чернышева, II, 63). Нетрудно заметить, что в этой классификации вообще нет разряда (группы) сочетаний, соответствующего тем довольно многочисленным русским фразеологическим сочетаниям, которые строятся на базе непереосмысленных лексем, выступающих только во фразеологически связанном значении (с единичной или малосерийной сочетаемостью), напр.: *проселочная дорога, проливной дождь; воздеть руки; зажмурить глаза; корчить рожу (grimасу); взъерошить шерсть (волосы); вперить взор (взгляд, глаза); огнестрельное оружие (орудие, рана)* (Гвоздарев, III).

И в этом случае разница в способе описания отражает не только расхождения в общетеоретических воззрениях авторов (является ли единичная сочетаемость обязательным признаком ФЕ), но и существенное межъязыковое различие, состоящее в том, что в нем. языке очень слабо развиты сочетания описанного выше типа.

При столь значительно различающихся объектах сопоставление в настоящей работе осуществляется способом «приведения к общему знаменателю»; при этом явления, известные и установленные в одном языке, прослеживаются и в другом языке, и наоборот; полученные результаты обобщаются и интерпретируются внутри фразеологической системы и за ее пределами (по существу, а не по терминологической отнесенности).

Аналогичные трудности, связанные с различиями фразеологических концепций, проявляются и при работе с лексикографическими источниками нем. и рус. языков. Неодинаковый подход составителей словарей к методике отбора ФЕ для включения в словарь, обусловленный теоретическими и практическими соображениями, усугубляется не всегда последовательной реализацией собственных принципов. Особенно отражаются субъективные авторские установки на периферийных и спорных разрядах УСК, ср. например, число пословиц в некоторых словарях немецкого языка:

Словарь	Общая число УСК	Число пословиц
Duden, Stilwörterbuch, 1963	ок. 8000	1050
Duden, Stilwörterbuch, 1971	ок. 6500	450
W. Friederich, Moderne deutsche Idiomatik, 1966	ок. 8000	нет
L. Mackensen, Zitate, Redensarten, Sprichwörter, 1973	ок. 10000	1850
Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. Немецко-русский фразеологический словарь, 1975	ок. 14000	450

Сходную картину демонстрируют данные по крылатым выражениям, глагольным аналитическим конструкциям и др.

Русская фразеография представляет фразеологический состав рус. языка в количественном отношении также неравномерно. Пока вообще не создано достаточно полных фразеологических словарей русского языка. В специализированных словарях и сборниках А. И. Молоткова, В. П. Жукова, Н. С. и М. С. Ашукиных зафиксирована, очевидно, лишь небольшая часть фразеологического богатства рус. языка. Наименее полно представлены широко употребительные современные просторечно-разговорные и газетно-публицистические фразеологические единства и сочетания (т. е. наиболее динамичные пласт русской фразеологической системы). Это же касается периферийных разрядов УСК типа устойчивых речевых формул, шуточных УСК, лексических единств и др. Не полон в этом отношении и огромный «Словарь современного русского литературного языка», включающий около 30 000 ФЕ (ср. Ройзензон, II, 171—172, 182).

В данной работе в основу большинства конкретных сопоставительных исследований, охватывающих фразеологический состав нем. и рус. языков в целом, положены «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, М., 1967 (далее — ФСРЯ) и словарь W. Friederich. *Moderne deutsche Idiomatik*. München, 1966 (далее — FMDI). Оба словаря вышли в свет почти одновременно, и подход их составителей к отбору единиц, включаемых в словарь, к определению границ их состава и окружения, а также к построению словарных статей в основном совпадает. Приходится лишь учитывать количественные различия (FMDI включает ок. 8000 ФЕ, ФСРЯ — ок. 4500 ФЕ) и отдельные расхождения в частных трактовках.

Из этих же двух словарей заимствованы используемые при анализе примеры и дефиниции (толкования) значений ФЕ (если специально не указан иной источник). В соответствии с материалом названных лексикографических источников в центре сопоставления находятся русские и немецкие фразеологические единства и сращения; остальные разряды привлекаются эпизодически (устойчивые фразы, фразеологические сочетания, нефразеологические классы УСК).

Ограниченный объем книги, а также слабая разработанность синхронно-сопоставительной фразеологии вообще (ср. Копыленко, Попова, 126) побудили выбрать из широкого круга вопросов те, которые представляются автору наиболее актуальными для данного этапа, т. е. позволяют обобщить уже проведенные исследования, в какой-то степени продвинуть их вперед и содействовать дальнейшим изысканиям в этой области. Книга содержит три исследовательские главы (II—IV), соответствующие основным уровням сопоставительного анализа во фразеологии — сопоставлению конкретных ФЕ, сопоставлению фразеологических групп и разрядов, сопоставлению фразеологических систем нем. и рус. языков в целом. В главе II рассматриваются типы межъязыковых отношений между конкретными ФЕ, фразеологическая эквивалентность и ее виды, а также факторы межъязыковой фразеологической эквивалентности. Глава III посвящена сопоставительному описанию семантического членения фразео-

логического состава обоих языков и вопросам сопоставительного структурно-семантического моделирования фразеосемантических групп. Наконец, в главе IV предпринята попытка проанализировать и обобщить наиболее существенные сходства и различия, типичные для сопоставляемых фразеологических систем в целом. Сюда относится сопоставление основных функциональных и семантических характеристик немецких и русских УСК, их конституирующих аспектов — лексического и структурно-синтаксического, их внутренних семантических и формально-семантических свойств, а также самых общих типологических факторов и тенденций, определяющих специфику обеих фразеологических систем.

Глава II

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Изучение сходств и различий между конкретными ФЕ двух языков — наиболее известный и разработанный вид сопоставительного анализа во фразеологии. Установление межъязыковых фразеологических эквивалентов разных типов служило и служит потребностям перевода и обучения иностранным языкам, а сами эквиваленты фиксируются в двуязычных словарях (общих и фразеологических), которые иногда содержат также некоторую информацию о мере эквивалентности ФЕ и характере расхождений между ними. Такая информация особенно необходима в учебных словарях и других пособиях, так как без нее невозможно обеспечить усвоение и корректное употребление иноязычных ФЕ в речи.

Двуязычная фразеография в возрастающей степени пользуется результатами конкретных сопоставительных изысканий и фиксирует их в словарях, хотя и не преподносит их пока в достаточно развернутом и полном виде.

Сопоставление конкретных ФЕ дало исследователям материал для обобщений в различных направлениях:

а) в теории перевода это систематизация основных типов регулярных фразеологических и нефразеологических иноязычных соответствий фразеологических единиц, а также способов адекватной передачи плана содержания ФЕ на другом языке (ср. Кунин, I—III; Федоров; Heesch; Kade и др.);

б) в теории фразеографии это разработка методики выявления границ фразеологической эквивалентности в языковой системе, а также конкретных приемов словарного описания семантической, стилистической и грамматической специфики иноязычных фразеологических эквивалентов (ср. Мальцева; Умарходжаев; Шанский и Быстрова);

в) в сопоставительно-типологических исследованиях это характеристика однотипных фразеологических разрядов и микросистем двух языков с точки зрения меры межъязыковой эквивалентности входящих в их состав ФЕ, причем подчас сопоставление всего разряда (микросистемы) сводится к выявлению видов эквивалентности

и их количественной характеристике (ср. Агус Салим; Глазырин; Долгополов; Исаев; Неведомская; Сопоставительное исследование русского и украинского языков).

В основе всех этих изысканий лежат различные стороны одного и того же явления — межъязыковой соотнесенности конкретных ФЕ, т. е. тождества (сходства) их смысловой или формально-смысловой организации. Отсутствие межъязыковой соотнесенности ФЕ означает их полное различие.

Наряду с отношениями полного тождества и полного различия существуют, естественно, и промежуточные ступени, которые могут быть обобщены как отношения неполного (частичного) тождества, с дополнительной дифференциацией в случае необходимости. Названные виды межъязыковых отношений — тождества, неполного тождества и различия — обнаруживаются при сопоставлении немецких и русских ФЕ:

а) в отдельных аспектах их формально-смысловой организации, главным образом лексическом и структурно-синтаксическом (аспектная соотнесенность);

б) в их совокупном содержании, т. е. сигнификативно-денотативном и коннотативно-прагматическом значении (функционально-смысловая соотнесенность).

Кроме того, сопоставительная характеристика ФЕ имеет и количественный аспект — число эквивалентов у конкретной ФЕ, их сравнительная употребительность, удельный вес эквивалентов различного типа во фразеологических составах сопоставляемых языков.

Рассмотрим названные виды межъязыковой соотнесенности ФЕ более подробно.

1. Аспектная соотнесенность.

Аспектная соотнесенность ФЕ, т. е. соотнесенность их компонентного состава и грамматической организации, имеет для нем. и рус. языков, как уже говорилось, только косвенный, структурно-семантический характер, так как для отдаленно родственных языков непосредственное материальное тождество лексических компонентов и грамматических структур нетипично.* В основном речь идет о семантическом тождестве или различии компонентов или структур ФЕ в их нефразеологическом, регулярном значении, т. е. о большей или меньшей фразообразовательной аналогии.

Так, ФЕ *(no)stroiten auf Sande* и *auf Sand bauen* обладают тождественной аспектной организацией, так как их синтаксические структуры и лексические компоненты, взятые в отдельности и вне фразеологического употребления, полностью эквивалентны (глагол + предлог + существительное: *bauen* — *строить*; *auf* — *на*; *Sand* — *песок*). Во фразеологической паре *ящик Пандоры* — *die Büchse der Pandora*

* В словаре А. М. Бабкина и В. В. Шендеева насчитывается несколько сот немецких выражений, встречающихся в русской литературе без перевода, однако основная их масса не употребительна в современной русской речи (ср.: *Die blaue Blume. Das ist eine alte Geschichte. Ding an sich u. a.*).

обнаруживается тождество структурно-синтаксического аспекта и неполное тождество лексического аспекта (*ящик* \neq *Büchse*); в паре *im Adamskostüm* — *в костюме Адама* полное лексическое и неполное структурное тождество. Наконец, ФЕ *кто-л. с жиру бесится* и *jmdn. sticht der Hafer* полностью различны в лексическом аспекте при неполном тождестве синтаксической организации. Что же касается совокупного содержания сопоставляемых ФЕ, то оно может быть тождественным или близким к тождественному (как в приведенных примерах), а может и более или менее существенно расходиться (см. ниже).

Об аспектном тождестве ФЕ можно говорить и тогда, когда семантически тождественны не столько отдельные компоненты, сколько целые словосочетания в их исходном, нефразеологическом значении, ср., напр.: *подставить ногу/ножку* — *ein Bein stellen*; *двигать горами, сдвинуть горы* — *Berge versetzen*; *наводить мосты* — *Brücken schlagen*.

2. Функционально-смысловая соотнесенность.

Функционально-смысловая соотнесенность фразеологических единиц разных языков означает в идеале тождество семного состава и дополнительных коннотаций в совокупном содержании сопоставляемых ФЕ, т. е. полное совпадение их сигнификативного и прагматического значения. Такое совпадение, как правило, имеет место при аспектном тождестве, т. е. при аналогичной лексической и структурной организации фразеологизмов в обоих языках. Комбинация аспектного и функционально-смыслового тождества дает полные (абсолютные) межъязыковые фразеологические эквиваленты, напр.: *книга за семью печатями* — *ein Buch mit sieben Siegeln*; *поклоняться золотому/златому тельцу* — *das goldene Kalb anbeten*; *подливать масла в огонь* — *Öl ins Feuer gießen*; *таскать каштаны из огня* — *Kastanien aus dem Feuer holen*; *между Сциллой и Харибдой* — *zwischen Scylla und Charybdis*; *перейти Рубикон* — *den Rubikon überschreiten*; *привести к общему знаменателю* — *auf einen gemeinsamen Nenner bringen*; *чи-л. акции поднимаются* — *jmds. Aktien steigen*; *играть с огнем* — *mit dem Feuer spielen*; *только через мой труп* — *nur über meine Leiche*.

Однако совокупное смысловое тождество разноязычных ФЕ подчас сохраняется и при их неполном аспектном тождестве. Дело в том, что не все аспектные явления одинаково существенны для совокупного содержания ФЕ и тем самым для ее межъязыковой функционально-смысловой соотнесенности. Так, мало значимы в семантическом и прагматическом плане все внутренние структурные свойства ФЕ, характеризующие способ соединения ее компонентов (но не синтаксические свойства ФЕ в целом), напр., частные виды структурной организации именных ФЕ ($A + S$; $S + S_g$; $S_g + S$; $S + \text{von} + S$), ср.: *Колумбово яйцо* — *das Ei des Kolumbus*; *Бурданов осел* — *Buridans Esel*; *иерихонская труба* — *Posaunen von Jericho*; *буря в стакане воды* — *ein Sturm im Wasserglas*.

Этим же объясняется полное смысловое тождество многих немецких композит и русских именных ФЕ, построенных из семантиче-

ски тождественных компонентов, ср., напр.: *Strohwitwe* — соломенная вдова; *Adamsapfel* — адамово яблоко; *Schlußakkord* — заключительный аккорд; *Damoklesschwert/Schwert des Damokles* — Дамоклов меч.

Невысока значимость и тех компонентных различий, которые не нарушают конкретного образа ФЕ. Имеется в виду наличие у обеих сопоставляемых ФЕ единой образной основы. Так, *jmdm. den Kopf waschen* и *намылить кому-л. голову*, в сущности, базируются на образном осмыслении одного и того же объективного процесса. При этом именные компоненты семантически тождественны, а глагольные весьма близки («намыливать» — «мыть»). Ср. аналогично: *сделать из кого-л. котлету* — *aus jmdm. Hackfleisch machen*.

Часто единая образная модель (см. гл. III) имеет более абстрактно-обобщенный характер; в таких случаях структурно соотносительные компоненты семантически не тождественны и лишь обычно относятся к одной семантической группе, ср., напр.: *zavariť kašu* — *die Suppe einbrocken*; (это) особь статья — *(das ist) ein Kapitel für sich*.

Наконец, распространены межъязыковые (как, впрочем, и внутриязыковые) пары ФЕ, у которых в основу семантического сдвига положена сема, наличествующая не у отдельных компонентов, а лишь у данного их сочетания, т. е. вытекающая из всей обозначаемой переменным сочетанием ситуации, ср., напр.: *у кого-л. рыльце в пуху* — *jmd. hat Dreck am Stecken*, где в основу переосмысления положена сема (набор сем): «у кого-то на чем-то следы грязной, неприглядной деятельности», дающая совокупное фразеологическое значение «кто-л. причастен к неблагоприятному поступку, действию, событию». В таких случаях аспектная соотносительность нем. и рус. ФЕ на уровне конкретных составляющих уже практически отсутствует.

Если нем. и рус. ФЕ объединяет лишь абстрактная образная модель, то их совокупная функционально-смысловая соотносительность как правило, утрачивает характер 1:1, так как по такой абстрактной модели может формироваться ряд ФЕ со сходным значением, число которых в нем. и рус. языках может, к тому же, не совпадать. Ср. напр., образную модель «у кого-то чего-то не хватает» → «кто-то психически ненормален, чрезвычайно глуп»:

не все дома у кого-л., шариков / винтиков не хватает у кого-л.

nicht alle Tassen im Schrank haben; nicht alle auf dem Kasten haben; nicht alle beisammen haben; bei jmdm. fehlt ein Rad / ein Rädchen / eine Schraube / ein Dachziegel.

Понятно, что при совпадении лишь абстрактной образной модели функционально-смысловая соотносительность ФЕ обычно оказывается неполной, так как всякое более или менее существенное расхождение в аспектной организации ведет к определенным различиям в образности ФЕ и тем самым к некоторым (пусть минимальным) семантическим и/или стилистическим различиям их совокупных значений.

3. Взаимодействие аспектной и функционально-смысловой соотнесенности.

В целом межъязыковая аспектная соотнесенность ФЕ и их функционально-смысловая соотнесенность не находятся в прямой зависимости друг от друга. Подобно тому, как отсутствие аспектного тождества не обязательно означает отсутствие совокупного функционально-смыслового тождества (сходства) сопоставляемых ФЕ (ср. *разделать под орех* и *jmdm. den Rost runtermachen*), возможно и обратное явление, когда больший и меньший отход от функционально-смыслового тождества обнаруживается на фоне полного или почти полного аспектного тождества.

Другими словами, на взаимосвязь аспектной организации ФЕ и их совокупного содержания распространяется общее положение об ассиметрии означающего и означаемого языкового знака (в осложненном, фразеологическом варианте). Различия в совокупном фразеологическом значении при аспектном тождестве сопоставляемых нем. и рус. ФЕ могут быть результатом разнонаправленного переосмысления регулярных словесных комплексов в обоих языках, т. е. изначального развития далеких фразеологических значений у аспектно тождественных комплексов (процесс, наблюдаемый также внутри одного языка и порождающий многозначные ФЕ, а также ФЕ-омонимы), ср. напр., рус. ФЕ *у кого-л. каша в голове* — «кто-л. путано мыслит, у кого-л. нет ясности в понимании, в осознании чего-л.» и три нем. ФЕ с близким аспектным составом и совершенно различными совокупными значениями: *jmd. hat Grütze im Kopf* — „jmd. ist gescheit“; *jmd. hat große Graupen im Kopf* — „jmd. trägt sich mit hochfliegenden Plänen“ (R.); *jmd. hat Pudding unter der Glatze* — „jmd. ist dumm“ (R.).

Другой причиной может быть появление дополнительных смысловых оттенков на фоне тождественного общего значения. В этих случаях межъязыковые семантико-стилистические различия менее заметны, ср. напр.: *бросать/выбрасывать за борт* — «отвергать, устранять как что-то ненужное, непригодное» (обычно с отрицательной оценкой объекта) и *über Bord werfen* — „(Bedenken, Vorurteile, Ansichten, Erinnerungen usw.) ablegen, sich davon lösen; (Vorsicht, Vernunft) beiseite lassen“ (с любой оценкой объекта).

Подобные пары ФЕ с более или менее расходящимися, а подчас и противоположными значениями выступают как «ложные друзья переводчика» в сфере фразеологии. Несмотря на отсутствие прямого материального тождества, они представляют собой серьезную практическую трудность (см. Девкин, 265—266; Траутманн). Приведем поэтому еще несколько пар ФЕ этого типа:

aus der Haut fahren — „sehr zornig sein“ (М.)

из кожи (вон) лезть — «усердствовать, стараться изо всех сил»

weißes Gold — „Meißner Porzellan“

белое золото — «хлопок»

sich auf die Lippen beißen — „etw. nicht sagen, was man fast gesagt hätte“

jmdm. einen Stein in den Garten werfen — „jmdm. Schaden zufügen, jmdm. eine Gefälligkeit erwidern“ (iron.)

im eigenen Saft schmoren — „in der selbstverschuldeten schlechten Situation bleiben“

auf Augenbrauen gehen — „völlig erschöpft sein“ (K.)

jmdm. auf dem Nacken sitzen — „jmdn. bedrängen“

jmdm. auf die Fersen treten — „jmdn. kränken“

jmdm. eins auf den Hut geben — „jmdm. einen Schlag geben; jmdn. zurechtweisen, schelten“

auf dem Teppich sein — „eine günstige Gelegenheit zu nutzen wissen“

jmdm. das Messer an die Kehle / Gurgel setzen — „jmdn. mit (besonders wirtschaftlicher) Vernichtung bedrohen“

aus den/ allen Nähten platzen — „дicker werden; рäumlich sehr beschränkt sein“

jmdm. klebt die Zunge am Gaumen — „jmd. ist sehr, sehr дурstig“

кусать губы — «испытывать досаду»

бросать / кидать камешки / камень в чей-л. огород — «намекать на кого-л. в разговоре, в письме и т. п., отзываясь о нем неодобительно, иронически, насмешливо»

вариться в собственном соку — «не выходить за пределы своей ограниченной какими-л. узкими интересами жизни; работать без общения с другими»

прийти на бровях — «явиться совершенно пьяным»

сидеть на шее у кого-л. — «быть на содержании, иждивении, попечении, обременяя кого-л.»

наступать на пятки кому-л. — «догонять, настигать кого-л.»

давать по шапке кому-л. — «выгонять, прогонять откуда-л.; увольнять, снимать с должности»

быть на ковре у кого-л. — «получать нагоняй от начальства»

пристать с ножом к горлу — «настойчиво, неотступно потребовать» (СРЯ)

трещать по (всем) швам — «быть под угрозой краха, развала, распада; рушиться»
язык прилип к гортани у кого-л. — «кто-л. замолчал от удивления, неожиданности, страха и т. п.»

Однако в большинстве случаев аспектная соотносительность нем. и рус. ФЕ сопровождается функционально-смысловой (обратное неверно), и функционально-смысловые расхождения нарастают вместе с увеличением аспектных различий. Описанная выше асимметрия представляет собой отклонение от этого принципиального соответствия, а не его полное отсутствие.

Таким образом, межъязыковая аспектная и функционально-смысловая соотносительность ФЕ — относительно автономные явления. На

их взаимодействии основывается типология межъязыковых фразеологических эквивалентов, среди которых выделяются структурно-семантические (сочетающие аспектную и функционально-смысловую соотнесенность, т. е. представляющие фразеобразовательные аналоги) и функционально-смысловые (только функционально-смысловая соотнесенность). Полными или абсолютными фразеологическими эквивалентами является, строго говоря, лишь меньшая часть структурно-семантических эквивалентов; в остальных случаях эквивалентность неполная, т. е. имеют место те или иные сигнификативно-денотативные или коннотативно-прагматические различия. В таблице (стр. 29) представлены в самом общем виде основные типы межъязыковых отношений между конкретными ФЕ.

<div>Характер функционально-смысловой соотнесенности \ Характер аспектной соотнесенности</div>	Тождество	Неполное тождество	Различие
Тождество	Структурно-семантические эквиваленты		—
	Полные	Неполные	
Неполное тождество	Неполные		Функционально смысловые эквиваленты
Различие	Псевдоэквиваленты («ложные друзья переводчика»)		Не соотнесенные ФЕ

При более дифференцированном анализе аспектной и функционально-смысловой соотнесенности между конкретными ФЕ (фразеосемантическими вариантами) немецкого и русского языков обнаруживаются следующие качественные типы межъязыковых отношений:

а) тождество, т. е. полное совпадение аспектной организации и совокупного смысла, напр., *играть роль* — *eine Rolle spielen*;

б) лексическая вариантность или структурная синонимия, т. е. полное совпадение совокупного смысла и синтаксической организации при неполном тождестве компонентного состава, напр., *намылить голову* — *den Kopf waschen*;

в) идеографическая синонимия, т. е. безотносительно к аспектному тождеству неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счет наличия особых семантических признаков у обеих ФЕ, напр., *рубить сплеча* — «высказываться откровенно, резко, часто необдуманно» и *kein Blatt vor den Mund nehmen* — «высказываться откровенно, ничего не приукрашивая»;

г) гиперо-гипонимия, т. е. безотносительно к аспектному тождеству неполное тождество совокупного сигнификативного

значения за счет наличия у одной из сопоставляемых ФЕ дополнительных, конкретизирующих семантических признаков, напр.: *мелкая рыбешка* (только о людях) — *kleine Fische* (о людях, вещах и делах); *дело табак* (о конкретных лицах и ситуации вообще) — *jmdm. steht das Wasser bis an den Hals* (только о конкретных лицах);

д) стилистическая синонимия, т. е. неполное тождество совокупного смысла за счет различий в стилистическом значении, напр.: *кому-л. море по колено* (обиходно-разговорное) — *jmd. fürchtet weder Tod noch Teufel* (нейтральное);

е) омонимия и полисемия, т. е. тождество аспектной организации при больших или меньших различиях в совокупном смысле, напр.: *язык прилип к гортани* — *jmdm. klebt die Zunge am Gaumen* (см. примеры выше);

ж) энантиосемия, т. е. тождество аспектной организации при противоположности совокупного смысла, напр.: *у кого-л. каша в голове* — «кто-л. путано мыслит, плохо соображает» и *jmd. hat Grütle im Kopf* — «кто-л. хорошо соображает, умен».

Таким образом, между ФЕ нем. и рус. языков устанавливаются все те же качественные семантические и формально-семантические отношения, которые существуют внутри каждого отдельного языка (ср. Зимин), с тем однако немаловажным различием, что вместо прямого материального тождества компонентов и структуры имеет место косвенное тождество (их регулярных значений).

Сказанное выше о качественной структурно-семантической соотнесенности нем. и рус. ФЕ нуждается в дополнительном уточнении. Если ФЕ многозначна (что в обоих языках гораздо менее типично, чем полисемия слов), то в соответствующие отношения вступает, в первую очередь, каждое значение, каждый фразеосемантический вариант в отдельности, ср. напр.:

<i>wie ein Fisch im Wasser</i>	<i>как рыба в воде</i>
1. „sehr wohl (sich fühlen)“ =	«свободно, непринужденно, хорошо (чувствовать себя где-л.)»
2. „völlig gesund (sein)“	ср.: как бык, как огурчик (здоров)

Межъязыковая соотнесенность многозначной ФЕ в целом, естественно, имеет усложненный характер и представляет собой совокупность межъязыковых отношений всех ее фразеосемантических вариантов, ср. напр.:

<i>бездонная бочка</i>	<i>ein Faß ohne Boden</i>
1. «человек, который может выпить много спиртного, не хмелея»	1. „eine Angelegenheit ohne Ende“
2. «что-л. требующее неоднократных и некупающихся затрат» (СРЯ)	2. „etw. (jmd.), dem man vergeblich immer wieder Geld gibt“

Обе ФЕ близки по аспектному составу и, как видно из словарных определений, совпадают в одном из значений (втором).

Нем. и рус. многозначные ФЕ, представляющие аспектное и функционально-смысловое тождество во всех своих значениях, — редкое явление, ср. напр.:

sich das Genick brechen — *сломать (себе) шею*

1. «потерпеть неудачу в чем-л.»;
2. «погубить себя из-за чего-л.»;
3. «разбиться, искалечиться, погибнуть»;

Schulter an Schulter — *плечом к плечу*

1. «в непосредственной близости, рядом, один возле другого (идти, ехать, сидеть и т. п.)»;
2. «вместе (жить, работать, бороться и т. п.)».

В заключение следует упомянуть, что для описания межъязыковых различий на уровне конкретных словосочетаний подчас используется понятие идиоматичности (межъязыковой идиоматичности), восходящее к Бар-Хиллелу и сводящееся фактически к нерегулярному характеру межъязыковых отношений между соответствующими компонентами семантически эквивалентных словесных комплексов; межъязыковая идиоматичность оказывается в этой трактовке не чем иным, как невозможностью стандартного, «обычного» перевода данной лексемы в данном сочетании; максимум идиоматичности достигается при уникальном характере соответствия компонентов, ср. напр., идиоматичную по компоненту «вести»/ableiten пару сочетаний: «вести родословную» и *Herkunft ableiten* (см. Пеклер, 10, 13; также: Копыленко, Беркетова). Подобные наблюдения отчасти содействуют изучению проблемы межъязыковой фразеологической эквивалентности, так как позволяют дифференцированно рассмотреть виды и степень неполной лексической, т. е. аспектной соотнесенности при тождестве совокупного смысла УСК двух сопоставляемых языков. Однако в целом «межъязыковая идиоматичность» в изложенном понимании характеризует не словесный комплекс, а отдельные его компоненты и преимущественно должна быть отнесена к теории межъязыковых лексических (а не фразеологических!) соответствий в ее синтагматическом аспекте (особенности перевода слов в их связанных значениях и т. п.).

4. Количественные характеристики межъязыковой соотнесенности фразеологических единиц.

Количественный аспект межъязыковой фразеологической соотнесенности включает следующие существенные характеристики:

- 1) сравнительную употребительность соотнесенных ФЕ в нем. и рус. языках;

- 2) число ФЕ-эквивалентов в обоих языках для выражения того или иного значения;

- 3) число ФЕ-эквивалентов и их удельный вес в отдельных фразеологических группах, разрядах, а также во фразеологических системах сопоставляемых языков в целом.

Рассмотрим эти характеристики.

1) Мера речевой употребительности (стандартности) ФЕ — количественный признак, отражающий относительную частотность данной ФЕ по сравнению со средней частотностью всех ФЕ данного языка в речи; достаточно различать высоко-, средне- и низкочастотные ФЕ (тем более, что соответствующие детальные подсчеты на фразеологическом материале не производились). Понятно, что межъязыковая фразеологическая эквивалентность предполагает хотя бы приблизительно одинаковую речевую стандартность (употребительность) ФЕ. Резкий контраст в мере употребительности нарушает эквивалентность. Именно поэтому основным функциональным эквивалентом русской ФЕ *смотреть сквозь пальцы* является не тождественная в структурно-семантическом отношении, но редко употребляющаяся нем. ФЕ *jmdm. durch die Finger sehen*, а *ein Augel/beide Augen zudrücken*. Ср. также высокоупотребительную ФЕ *иметь зуб на кого-л.* и малоупотребительную *einen Zahn auf jmdn. haben/jmdn. auf dem Zahn haben*; ср. также ФЕ *jmdm. den Kopf waschen*, которой соответствуют устаревший, малоупотребительный полный структурно-семантический эквивалент *мыть голову* и высокоупотребительный неполный структурно-семантический эквивалент *(на)мылить голову/шею*.

2) У каждой ФЕ, как правило, бывает не более одного полного структурно-семантического эквивалента в сопоставляемом языке; что же касается числа неполных структурно-семантических эквивалентов и функционально-смысловых эквивалентов, то оно колеблется в довольно широком диапазоне. Если учитывать все виды фразеологических эквивалентов, то можно наметить следующие количественные соотношения между сопоставляемыми эквивалентами ФЕ:

а) одно-однозначное соответствие, когда нем. ФЕ соответствует одна определенная рус. ФЕ, и наоборот; это так называемые моноэквиваленты (Кунин, I—III); обычно они являются полными или неполными структурно-семантическими эквивалентами*, ср., напр., *hinter den Kulissen* — *за кулисами*; *jmdm. eine Szene machen* — *устраивать сцену кому-л.*; *den Ton angeben* — *задавать тон*; *der ungläubige Thomas* — *Фома неверный*; *der verlorene Sohn* — *блудный сын*; *das tofgeborene Kind* — *мертворожденное дитя*; *den Ast absägen, auf dem man sitzt* — *рубить сук, на котором сидишь*; *den Bock zum Gärtner machen* — *пустить козла в огород*;

б) неоднозначное соответствие, когда даже при наличии полного структурно-семантического эквивалента в одном или в обоих языках обнаруживаются параллельные эквиваленты других типов (неполные структурно-семантические и функционально-смысловые).

* Моноэквивалентные отношения, не связанные с тождеством аспектной организации, наблюдаются в разрядах УСК с сугубо номинативной функцией и значением терминологического характера; переосмысление компонентного состава для них нетипично — это не собственно фразеологизмы, а лексические единства типа *spanisches Grün* — *ярь-медянка*; *Schön- und Widerdruck* — *двусторонняя печать*, а также устойчивые фразы-сигналы типа *Перехожу на прием!* — *Bitte kommen!* (радиосвязь).

Неоднозначные соответствия особенно характерны для ФЕ, образующих в обоих языках большие синонимические ряды фразеологизмов. Между нем. и рус. синонимическими фразеологическими рядами с однотипной семантикой устанавливаются совокупные отношения функционально-семантической эквивалентности. Конкретные ФЕ внутри ряда характеризуются эквивалентностью разного типа. Приведем в качестве примера параллельные синонимические ряды с общим значением «влюбиться»: *отдать сердце кому-л., потерять сердце; воспылать любовью/страстью к кому-л.; влюбиться/врезаться по уши; положить глаз на кого-л.; стрела Амура пронзила кого-л.; sein Herz an jmdn. verlieren/verschenken/hingeben; in Liebe entbrennen/erglügen; Feuer fangen; bis über die Ohren verliebt sein; sein Auge auf jmdn. werfen; Amors Pfeil hat jmdn. getroffen; jmdm. zu tief ins Auge/in die Augen gesehen/geschaut haben.*

При отсутствии полных структурно-семантических эквивалентов между синонимическими ФЕ обоих рядов обнаруживаются более или менее равноправные полнэквивалентные отношения — каждой ФЕ одного языка соответствует весь синонимический ряд ФЕ другого языка. Это особенно типично для многочисленных эмоционально-модальных ФЕ, несущих весьма общие значения «удивление», «возмущение», «радость», «несогласие», «отказ» и т. п., ср., напр., синонимические ряды ФЕ с семантикой «изумление, возмущение»: *Вот так петрушка!; Ну, что ты будешь делать!; Вот так так!; Вот те(бе) и на!; Тыфу ты пропасть!; Ну (и) дела!; Не было печали!; Скажи на милость!; С ума сойти!; Вот так штука!; Schreck laß nach!; Mach mich nicht schwach!; Da schlag einer lang hin!; Du kriegst die Moten (ins Gebein)!; Du kriegst die Tür nicht zu!; Da brat mir einer 'nen Storch!; Da/nu soll mich doch gleich!*

3) Данные об удельном весе немецко-русских (русско-немецких) фразеологических эквивалентов различных типов во фразеологии обоих языков представляются важными общими сопоставительными характеристиками нем. и рус. фразеологических систем. Однако поскольку они могут быть получены путем суммирования данных о межъязыковых отношениях конкретных ФЕ нем. и рус. языков, целесообразно рассмотреть их в этой главе, учитывая не только основные типы фразеологической эквивалентности — полную и неполную структурно-семантическую, а также функционально-смысловую, но и те случаи, когда ФЕ имеет устойчивое иноязычное лексическое соответствие и, наконец, только соответствие в виде переменного словесного комплекса (описательное). Материалом для подсчетов служила случайная выборка общим объемом в 3650 ФЕ (25% корпуса НРФС). При подсчете всякий раз принималось во внимание только русское соответствие «высшего» типа, т. е. неполные эквиваленты учитывались только в том случае, если не было полных структурно-семантических эквивалентов, функционально-смысловые — если не было структурно-семантических эквивалентов, лексические соответствия — если не было никаких фразеологических эквивалентов и, наконец, перемен-

ные словесные комплексы — лишь при отсутствии фразеологических и лексических соответствий.

<div> <div>Тип соответствий</div> <div>Характер величин</div> </div>	Фразеологические				Лексические	Переменные словесные комплексы	Всего
	Полные структурно-семантические	Неполные структурно-семантические	Функционально-смысловые	Всего фразеологических эквивалентов			
Абсолютные величины	382	625	1212	2219	661	770	3650
Проценты	10,5	17,1	33,2	60,8	18,1	21,1	100

Как видно из таблицы, около 60% нем. ФЕ имеют более или менее регулярные рус. фразеологические соответствия (хотя характер и степень их эквивалентности могут быть различными); остальные 40% делятся на две почти равные группы, у одной из которых существуют рус. лексические соответствия, а с другой соотносятся только рус. переменные словесные комплексы. Внутри группы фразеологических соответствий удельный вес подгрупп находится в обратной зависимости от меры их структурно-семантической эквивалентности — меньше всего полных структурно-семантических, а больше всего — функционально-смысловых фразеологических эквивалентов. Если не вводить «рангового» ограничения при подсчете (см. выше), то картина существенно изменится, так как значительная часть ФЕ может быть идентифицирована иноязычной лексемой, и в сем ФЕ может быть приписано соответствие в виде переменного словесного комплекса. В таком случае замечание об обратной зависимости распространенности типа соответствия от его структурно-семантической близости к иноязычным ФЕ примет всеобщий характер.

Эти наблюдения хорошо согласуются с общим положением сопоставительной лексикологии о том, что частичные межъязыковые эквиваленты значительно превосходят в количественном отношении полные эквиваленты (Filipcs, I, 221). Подобные дифференцированные данные об удельном весе межъязыковых фразеологических эквивалентов различных типов позволяют, кроме того, создать более точное представление о мере тождества и различия немецкого и русского фразеологических составов на уровне конкретных ФЕ. Это тем более необходимо, что в отдельных работах иногда подчеркивается либо только национально-специфический характер фразеологии (Lewkowskaja, 150—151; Назарян, 40—44), либо только значительная близость ФЕ разных языков (Iskos и. Lenkova, 198).

Данные, полученные на материале НРФС, были проверены по русско-немецкому фразеологическому словарю (ШФС). Удельный вес полных и неполных структурно-семантических эквивалентов составляет в этом источнике около 27% (в том числе около 10% полных),

т. е. практически совпадает с приведенными выше величинами. Это дает основание считать их в первом приближении показателем немецко-русской (русско-немецкой) фразеологической эквивалентности вообще.

Таким образом, в нем. и рус. языках максимум конкретного фразеобразовательного сходства обнаруживается у минимума ФЕ (и наоборот). Другими словами, для рассматриваемых языков сходство конкретных фразеобразовательных характеристик значительно ниже сходства конкретных функционально-смысловых характеристик. Дальнейшие исследования должны показать, насколько универсально такое соотношение и в какой степени колеблются приведенные показатели в зависимости от генетической и ареальной близости языков.

2. ФАКТОРЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ - ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Наметив основные типы межъязыковой фразеологической эквивалентности, уместно рассмотреть явления, существующие во фразеологическом составе каждого из сопоставляемых языков и позволяющие с определенной вероятностью предсказать наличие или, наоборот, отсутствие у данных ФЕ фразеологических эквивалентов в другом языке. Такие явления (черты, признаки и т. п.) устанавливаются эмпирически — путем наблюдения за охватываемым этим явлением участком фразеологического состава — и интерпретируются как факторы межъязыковой фразеологической эквивалентности, если подсчеты показывают, что с данным явлением связана резко отличающаяся от средней величины мера межъязыковой фразеологической эквивалентности (т. е. относительно высокая или относительно низкая). Эти факторы (подлежащие, конечно, последующему обобщению) имеют двоякую направленность — они могут обуславливать а) наличие или отсутствие межъязыковых фразеологических эквивалентов вообще, т. е. ФЕ любой организации, несущих то же содержание, которое и в другом языке выражается с помощью ФЕ; б) наличие или отсутствие структурно-семантических фразеологических эквивалентов, т. е. ФЕ, не только выражающих то же содержание, что и ФЕ сопоставляемого языка, но и обладающих фразеобразовательным сходством, т. е. тождественной или близкой аспектной организацией — компонентным составом и синтаксической структурой.

Начнем со второй, более конкретной стороны вопроса. Наличие или отсутствие структурно-семантических эквивалентов (фразеобразовательных аналогов) в сопоставляемых языках может быть прогнозировано с определенной вероятностью по некоторым характеристикам самих ФЕ исходного языка (хотя в их основе лежат, в конечном счете, межъязыковые отношения). Эти характеристики касаются компонентного состава, синтаксической структуры, семантического и формального механизма фразеологичности и совокупных стилистических свойств ФЕ.

1. Компонентный состав фразеологических единиц.

Семантическая принадлежность компонентов к той или иной тематической группе в целом слабо отражается на мере межъязыковой (нем.-рус./рус.-нем.) эквивалентности ФЕ. Так, группы немецких ФЕ, объединенные семантической общностью компонентов в их прямых значениях (по FMDI), обнаруживают в рус. языке от 20% до 35% полных и неполных структурно-семантических эквивалентов (при средней мере нем.-рус. фразеологической структурно-семантической эквивалентности — 27%) — величины, недостаточно выразительные, чтобы с какой-либо уверенностью прогнозировать по семантике компонентов наличие или отсутствие структурно-семантических эквивалентов в русском языке. Исключение составляют лишь небольшие группы ФЕ:

1) Повышенной структурно-семантической эквивалентностью обладают ФЕ с компонентами-именами реалий и именами собственными не немецкого и не русского происхождения; это ФЕ-интернационализмы, т. е. кальки, восходящие к античности, библейским сказаниям и вообще к источникам на каком-либо третьем языке, ср., напр.: *вычистить овчевы конюшни* — *den Augiasstall reinigen/ausfegen*; *между Сциллой и Харибдой* — *zwischen Szylla und Charybdis*; *оседлать Пегаса* — *den Pegasus satteln/besteigen*; *Гордиев узел* — *der Gordische Knoten*; *троянский конь* — *das Trojanische Pferd*; *Бурдиданов осел* — *Buridans Esel*; *в костюме Евы* — *im Evakostüm*; *вавилонское столпотворение* — *babylonische Verwirrung*; *ни на юму* — *(um) kein Jota*; *зарыть свой талант (в землю)* — *sein Pfund vergraben*; *имя им легион* — *ihre Zahl ist Legion*; *поклоняться золотому тельцу* — *das goldene Kalb anbeten*; *связее папы римского* — *päpstlicher als der Papst selbst*.

2) Наоборот, близка к нулю структурно-семантическая эквивалентность нем. и рус. ФЕ, включающих национальные имена собственные и наименования национальных реалий (в том числе исторических); при этом реалии необязательно должны быть национальными в узком смысле слова, достаточно, чтобы они были чужды народу-носителю сопоставляемого языка, ср., напр.: *Ни в городе Иван, ни в селе Селифан*; *тришкин кафтан*; *демянова уха*; *филькина грамота*; *Иван не помнящий родства*; *как сидорову козу*; *как на маланьину свадьбу*; *куда Макар телят не гонял*; *валять ваньку*; *показать кузькину мать*; *вот тебе, бабушка, и Юрьев день*; *казанская сирота*; *коломенская верста*; *во всю Ивановскую*; *в огороде бузина, а в Киеве дядька*; *вольный казак*; *бесструнная балалайка*; *развесистая клюква*; *кукиш с маслом*; *как банный лист*; *не лаптем щи хлебаем*; *водит хлеб-соль*; *на ять*; *ни аза*; *прописать ижицу*; *семь верст до небес*; *за семь верст киселя хлебать* и т. п.; *nach Adam Riese*; *rangehen wie Blücher*; *frech wie Oskar*; *das kannst du halten wie der Pfarrer Abmann*; *da kennen Sie Buchholzen schlecht*; *ein getreuer Eckart*; *seinen Friedrich-Wilhelm daruntersetzen*; *Hans Dampf in allen Gassen*; *Hinz und Kunz*; *die schnelle Kathrin haben*; *zu Tante Meier gehen*; *der Schwarze Peter*; *das ist ein Gedanke von Schiller*; *ein falscher Wilhelm*; *in Buxtehude*; *aus-*

gehen wie's Hornberger Schießen; ab nach Kassel!; der Nürnberger Trichter; seine Pappenheimer kennen; aussehen wie der Tod von Basel; jmdm. ein X für ein U vormachen; bis zum tz; an jmdm. ist Chrisam und Taufe verloren; bei jmdm. ist Hopfen und Malz verloren; einen Brandbrief schreiben (schicken); jmdm. Daumenschrauben anlegen; sein Dezem bekommen u. a.

3) Относительно низка структурно-семантическая эквивалентность у ФЕ, в состав которых входит просторечный компонент, ср. напр.: *отворачивать рыло; ни рожки ни кожи; чтоб кому-л. повылазило; переть на рожон; ни уха ни рыла; eine Anschaffe auf tun; ein Kackmeier sein; jmdm. geht die Muffe* (см. подробнее ниже).

4) Близка к нулю структурно-семантическая эквивалентность у ФЕ, содержащих некротизмы (компоненты, не встречающиеся вне ФЕ, т. е. не имеющие самостоятельного употребления как лексемы), ср., напр.: *ни зги; бить баклуши; точить ласы; не положить охулки на руку; карачун пришел; подпускать турысы (на колесах); задавать лататы; распуснуть нюни; mit jmdm. Schindluder treiben; da/dort ist Schmalhans Küchenmeister; Schmu machen; Maulaffen feilhalten; aus der Bredouille nicht herauskommen; nicht viel Federlesens machen; ins Fettnäpfchen treten; aus der Lamäng; Zeter und Mordio schreien.*

Строго говоря, ФЕ с некротизмами вообще не могут иметь полных структурно-семантических эквивалентов, так как некротизму не соответствует никакая определенная лексема в сопоставляемом языке; однако неполная эквивалентность все же изредка встречается, ср., напр.: *jmdm. reißt der Geduldsfaden — терпение лопается; an den Bettelstab kommen — дойти до сумы; vom Hörensagen kennen — знать понаслышке; aus Leibeskräften — изо всех сил.*

Таким образом, низкая структурно-семантическая фразеологическая эквивалентность характерна для ФЕ, включающих компоненты, соответствия которых либо вообще отсутствуют в лексико-семантической системе сопоставляемого языка, либо занимают в ней периферийное положение.

5) Несколько пониженная структурно-семантическая эквивалентность характерна также для ФЕ, построенных из компонентов со слабой фразообразовательной активностью (т. е. участвующих в малом числе ФЕ). Так, структурно-семантическая эквивалентность ФЕ, именной компонент которых входит только в одну (данную) ФЕ, не превышает 20% (в том числе 7% полных эквивалентов), ср., напр., лишённые русских структурно-семантических эквивалентов немецкие ФЕ этой группы: *etw. in die Esse schreiben; die letzte Feile legen; jmdm. einen Floh ins Ohr setzen; jmdm. die Flötentöne beibringen; von Format sein; es brennt jmdm. unter den Fingernägeln; Eisbeine kriegen.*

6) Можно предположить и наличие обратной зависимости. По предварительным наблюдениям, фразеологизмы, в основе которых лежат лексемы, наиболее частотные как в самостоятельном употреблении, так и по своей фразообразовательной активности (числу ФЕ, в которые они входят), обладают повышенной структурно-семантической эквивалентностью (ср. Пеклер, 15). Так, для ФЕ, включающих самые частотные в нем. и рус. языках именные фразео-

логические компоненты *Kopf/голова, Auge/глаз, Hand/рука*, немецко-русская структурно-семантическая эквивалентность составляет соответственно 46%, 43% и 40%, ср., напр.: *den Kopf hängenlassen* — повесить голову; *den Kopf hochhalten* — высоко держать голову; *sich den Kopf zerbrechen* — ломать себе голову; *jmdm. gehen die Augen auf* — глаза открываются у кого-л.; *jmdm. die Augen zudrücken* — закрыть глаза кому-л.; *die Hand gegen jmdn. heben* — поднимать руку на кого-л.; *aus erster Hand* — из первых рук.

Менее выраженный и качественно иной (односторонний) характер имеет зависимость меры структурно-семантической эквивалентности от количественного различия во фразеобразовательной активности соотносительных компонентов в нем. и рус. языках. Если в языке А компонент участвует в гораздо большем числе ФЕ, чем семантически соотнесенный компонент в языке Б, то в среднем мера структурно-семантической фразеологической эквивалентности для соответствующих ФЕ языка А оказывается существенно ниже, чем для фразеологизмов языка Б, ср., напр., довольно многочисленные нем. ФЕ с компонентом *Dach*, большинство из которых не имеет рус. структурно-семантических эквивалентов: *eins aufs Dach bekommen* — получить подзатыльник, взбучку; *jmdm. eins aufs Dach geben* — дать подзатыльник, взречь кого-л.; *jmdm. aufs Dach steigen* — задать жару, всыпать кому-л.; *bei jmdm. ist es unterm Dach nicht ganz richtig* — не все дома у кого-л.; *etw. unter Dach und Fach bringen* — закончить, завершить; *unter Dach und Fach sein* — быть завершенным, быть в безопасности.

С другой стороны, обе рус. ФЕ с компонентом *крыша* (жить под одной крышей; иметь крышу над головой) имеют структурно-семантические эквиваленты в нем. языке: *unter einem Dach wohnen/hausen mit jmdm.*; *ein Dach über dem Kopf haben*.

Следовательно, внутриязыковая и сравнительная межъязыковая фразеобразовательная активность компонентов также влияют на меру структурно-семантической эквивалентности нем. и рус. ФЕ.

2. Синтаксическая структура фразеологических единиц.

ФЕ, организованные по структурно-синтаксической схеме, не имеющей однозначного соответствия в сопоставляемом языке, характеризуются пониженной структурно-семантической фразеологической эквивалентностью. Для рус. языка это, например, следующие схемы:

«деепричастие соверш. вида + существительное», напр.: *сломя голову; чертя голову; скрепя сердце; спустя рукава;*

«хоть + (существительное) + глагол в повелительном наклонении», напр.: *хоть волком вой; хоть глаз выколи; хоть шаром покати; хоть убей; хоть караул кричи;*

«существительное + не + глагол во 2-м л. ед. ч.», напр.: *калачом не заманишь; на кривой не объедешь; пушкой не прошибешь; водой не разольешь;*

бессоюзные сочинительные пары, напр.: *печки-лавочки; худо-бедно; нежданно-негаданно; ищи-свищи; пятое-десятое; молодо-зелено; ни*

нашим ни вашим; ни сучка ни задоринки; ни встать ни сесть; ни шьет ни порет;

инфинитивные предложения, напр.: *раз плюнуть*; *за смертью посылать*; *далее ехать некуда*; *крыть нечем*; *деваться некуда*; *что и говорить*.

В немецком языке к таким специфическим структурным схемам относятся, в частности:

sein + zu + Infinitiv I: *jmd. ist nicht totzukriegen*; *etw. ist nicht auszudenken*; *etw. ist nicht auszumalen*;

haben + zu + Infinitiv I: *etw. hat nichts zu sagen*; *jmd. hat nichts zu versäumen*;

das/es ist, um ... zu + Infinitiv I: *es ist, um auf die Bäume zu klettern*.

Как правило, не имеют структурно-семантических соответствий также немногочисленные ФЕ каждого языка, построенные вообще не по стандартной схеме, ср., напр.: *разлюли малина*; *почем зря*; *чем свет*; *шутка сказать*; *стало быть*; *от нечего делать*; *была не была*; *хоть бы хны*; *наобум Лазаря*; *не разбери-бери*; *без никаких*; *наше вам с кисточкой*; *nicht (ganz) ohne sein*; *aus aller Herren Länder*; *zu guter Letzt*; *Gott befohlen*; *Karo trocken*; *drei Käse hoch*.

Далее, пониженная структурно-семантическая эквивалентность присуща ФЕ, построенным по структурно-семантической схеме, прямое иноязычное соответствие которой существует в синтаксисе сопоставляемого языка, но не встречается или редко встречается в его фразеологии (т. е. обладает низкой фразеобразовательной активностью), напр.:

а) русские императивные предложения не побудительного и не эмоционально-модального значения, напр.: *поминай как звали*; *пиши пропало*; *ищи ветра в поле*; *пришей кобыле хвост*; *хлебом не корми*; *кому-л. пальца в рот не клади*;

б) русские бесподлежащие простые предложения, напр.: *ума не приложу*; *до свадьбы заживет*; *без меня меня женили*; *не на такого напал*;

в) немецкие глагольные сочетания с наречием, напр.: *deutsch mit jmdm. reden*; *jmdn. kirre kriegen*; *klein beigegeben*; *jmdn. kurz halten*; *jmdn. matt setzen*; *jmdm. zu nahe treten*.

Таким образом, в сфере синтаксических структур действует фактор, аналогичный тому, который мы отметили для компонентного состава: низкая структурно-семантическая эквивалентность характерна для ФЕ, построенных по синтаксическим схемам, которые либо вообще отсутствуют в сопоставляемом языке, либо занимают в нем периферийное положение.

3. Разрядная принадлежность фразеологических единиц.

Принадлежность ФЕ к тому или иному лексико-грамматическому разряду (глагольных, адъективных, предикативных и т. п.) в общем не оказывает существенного влияния на удельный вес различных типов межъязыковых соответствий. Заметные отклонения от средних величин обнаруживаются только в разряде субстантивных ФЕ, для

которых характерна, с одной стороны, пониженная фразеологическая эквивалентность вообще (около 40% вместо 60% в среднем), а с другой — относительно высокий удельный вес полных структурно-семантических эквивалентов среди фразеологических соответствий. Первое обстоятельство связано со значительными формальными и смысловыми расхождениями между рус. и нем. ФЕ именно в сфере субстантивных образований (см. подробнее в гл. IV); второе объясняется большим числом фразеологических интернационализмов-калек субстантивной структуры (типа: *венец творения* — *die Krone der Schöpfung*; *последняя воля* — *der letzte Wille*; *мнимый больной* — *der eingebildete Kranke*; *запретный плод* — *verbotene Frucht*; *обетованная земля* — *das gelobte Land*; *последний из могикан* — *der letzte Mohikaner*). Меньше всего оказывается субстантивных фразеологизмов, независимо возникших в обоих языках для выражения аналогичного содержания; таким образом, за вычетом ФЕ-калек развитие субстантивной фразеологии в нем. и рус. языках, по-видимому, шло в основном разными путями и захватило неодинаковые значения (см. подробнее в п. 7 данного раздела). Указанные особенности субстантивных ФЕ представляют собой, впрочем, лишь определенные количественные предпочтения, к тому же ориентированные в двух качественно различных направлениях; поэтому применительно к конкретным ФЕ их прогнозирующая сила невелика.

Определенную роль играет и принадлежность ФЕ к структурно-семантическому разряду. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность при прочих равных условиях выше в тех структурно-семантических разрядах ФЕ, которые в обоих языках максимально сближаются по своим функциям, типовой семантике, характеру идиоматичности и устойчивости, механизму фразообразования, компонентной и структурно-синтаксической организации, стилистической характеристике и распространенности во фразеологической системе и в речи.

Примером такой разрядной близости могут служить нем. и рус. устойчивые сравнения (см. Неведомская; Ротт, I; Schade), примером ограниченного сходства — нем. и рус. устойчивые парные сочетания, которые слабее распространены в рус. языке (их число меньше, а употребление ограничено главным образом народно-поэтической речью), хотя и характеризуются здесь большим разнообразием синтаксических структур, чем в нем. языке (Милехина; Ротт, II). Наибольшие различия между структурно-семантическими разрядами, нем. и рус. ФЕ, несомненно, обнаруживаются у так называемых фразеологических сочетаний (по классификации В. В. Виноградова и Н. М. Шанского), которые включают в рус. языке сотни сочетаний с одним формально связанным компонентом типа *високосный год*; *заклятый враг*; *замогильный голос/бас*; *стяжать славу/известность*. В нем. языке подобные сочетания совершенно нетипичны и исчисляются единицами, напр.: *homerisches Gelächter*; *die Zähne fletschen*. Русским УСК указанной структуры, за единичными исключениями, соответствуют нем. переменные словосочетания, сложные существительные или фразеологические сочетания с одним переосмысленным ком-

понентом, ср., напр.: *Ruhm erwerben; Schaltjahr; geschworener Feind.*

Понятно, что резкие количественные различия означают сниженную межъязыковую структурно-семантическую эквивалентность у развитого разряда и повышенную у соответствующего слабо развитого разряда; поэтому почти все немногочисленные нем. фразеологические сочетания с формально связанным компонентом имеют структурно-семантические эквиваленты в рус. языке, тогда как у подавляющего большинства таких рус. УСК нет структурно-семантических эквивалентов в нем. языке. Существенные качественные различия между соотнесенными разрядами ведут к снижению как общей фразеологической, так и особенно полной структурно-семантической эквивалентности.

4. Сфера коммуникации и стилистическая характеристика фразеологических единиц.

Существенным фактором межъязыковой фразеологической эквивалентности являются функциональный и нормативный компоненты стилистического значения ФЕ. Наибольшей эквивалентностью отличаются ФЕ, характерные, для стилей публичного общения — газетно-публицистического, научно-технического, официально-делового, и наименьшей — ФЕ, употребление которых ограничено обиходно-разговорным стилем и особенно просторечием (ср. также Röhrich, 31). На крайних полюсах, несомненно, находятся газетно-публицистические и разговорно-просторечные ФЕ.

В рус. и нем. публицистике одинаковой идеологической и политической направленности и жанровой принадлежности (например, в общеполитических статьях газет «Правда» и «Нойес Дойчланд» за последние годы) удельный вес ФЕ, обладающих структурно-семантическими эквивалентами в сопоставляемых языках, достигает 40—45% (ср. средний показатель для всей нем. и рус. фразеологии — около 27%). Эта величина окажется еще выше, если изъять из рассмотрения ФЕ, не специфичные для публицистики (нейтральные, обиходно-разговорные), которые нередко встречаются в политических текстах.

Приведем некоторые примеры типично публицистических ФЕ в обоих языках: *пятая колонна — die fünfte Kolonne; невзирая на лица — ohne Ansehen der Person; за кулисами — hinter den Kulissen; повернуть вспять колесо истории — das Rad der Geschichte zurückdrehen; не выдерживать критики — keiner Kritik standhalten; дать старт — den Startschuß geben; наводить мосты — Brücken schlagen; проводить курс — den Kurs steuern; проложить/расчистить путь — den Weg ebnen; объявить войну кому-л., чему-л. — jmdm., etw. den Krieg erklären; сидеть на скамье подсудимых — auf der Anklagebank sitzen; стоять на повестке дня — an der Tagesordnung sein; раскрыть новую страницу — eine neue Seite aufschlagen; потрясать основы чего-л. — an den Grundpfeilern von etw. rütteln; стоять в первых рядах кого-л. — in den ersten Reihen von jmdm. stehen; бить тревогу — Alarm schlagen; отравлять (политическую) атмосферу — das (politische) Klima vergiften; быть в фокусе — im Brennpunkt stehen; закладывать фундамент — das Fundament legen.*

И наоборот — у просторечных ФЕ структурно-семантические эквиваленты очень редки; судя по фразеологическому материалу словаря Х. Кюппера, их менее 10%; те же данные получены путем анализа ШФС. Как правило, просторечная фразеология каждого языка имеет свою собственную оригинальную организацию, почти не имеющую прямых аналогов в сопоставляемых отдаленно родственных и неродственных языках, ср., напр.: *белены обѣлся; наводить тень на плетень; плюнуть и/да растереть; раз плюнуть; от ворот поворот; шиворот-навыворот; послать подальше; на козе не подѣдешь; (чтоб) кому-л. ни дна ни покрывки; поминай как звали; сбоку припека; брать на пушку; разуй глаза; вожжа/шлея под хвост попала; переть на рожон; ни уха ни рыла и др.; jmdn. durch den Kakao ziehen; die Radieschen von unten bekijken; angeben wie eine Tüte Mücken; auf die Palme klettern; jmdn. auf den Besen laden; der ganze Bims; daß die Heide wackelt; von hinten durch die Brust ins Auge; das ist unter allem Affen; mach dir keinen Fleck ins Hemd.*

Наличие в составе ФЕ просторечного компонента (ср. выше) свидетельствует о просторечности всей ФЕ и тем самым косвенно о низкой вероятности наличия у нее структурно-семантического эквивалента в сопоставляемом языке. Однако это лишь частный признак просторечной маркированности ФЕ, так как основная масса просторечных ФЕ состоит из нейтральных лексем.

Указанные расхождения между функциональными стилями по степени межъязыковой структурно-семантической фразеологической эквивалентности и, в частности, полярные характеристики газетно-публицистической и разговорно-просторечной фразеологии объясняются главным образом различными социальными условиями функционирования языка как средства коммуникации. Естественно, что культурный и идеологический обмен между народами, межъязыковые контакты, заимствование и калькирование лексических и фразеологических единиц и другие процессы взаимодействия культур и языков протекают с различной интенсивностью в различных сферах коммуникации. В современный период интернациональный характер политического, экономического и научно-технического развития наиболее непосредственно отражается в языке науки и публицистики, т. е. в научно-техническом и газетно-публицистическом стилях речи. Именно здесь самым активным образом передается через национальные границы и получает сходное языковое оформление во многих языках новая информация международного значения (ср. Шанский, 145). Кроме того, межъязыковые контакты не только наиболее интенсивно и оперативно реализуются через публицистику, но и именно в этой сфере они одновременно вызывают потребность в экспрессивно окрашенных, оценочных средствах номинации новых объективных явлений, в том числе с помощью ФЕ (в отличие от научно-технического или официально-делового стиля, для которых экспрессивность и оценочность менее типичны). Другими словами, газетно-публицистическая фразеология в большей степени, чем художественно-литературная, обиходно-разговорная,

просторечная и т. п., служит экспрессивно-оценочному наименованию нового.

Межъязыковая коммуникация, столь важная для науки, политики, идеологии, культуры, по-видимому, менее существенна для официально-деловой сферы и совсем не типична для непринужденной, неофициальной манеры общения, ограниченной узким кругом близко знакомых лиц, для которого только и характерен обиходно-разговорный стиль речи (тем более в его просторечном варианте). В названной последовательности убывает и мера межъязыковой фразеологической эквивалентности. Таким образом, сфера коммуникации и соответствующая функционально-стилевая и нормативно-стилевая характеристика речи оказываются важным фактором, регулирующим не только распространение УСК того или иного типа, но и меру их межъязыковой эквивалентности. Так, собственно фразеологизмы наиболее широко распространены в обиходно-разговорном стиле речи (подавляющее большинство ФЕ стилистически маркированы как разговорные или разговорно-просторечные), который наименее доступен иноязычному влиянию. Это обстоятельство объясняет ограниченную роль межъязыковых контактов в развитии эквивалентности собственно ФЕ. В то же время следует отметить, что фразеологическое калькирование в газетно-публицистическом стиле процветает и прогрессирует особенно там, где между носителями языков существуют не просто контакты, а активное идеологическое, политическое, культурное и экономическое содружество (например, между СССР и ГДР). Наконец, из публицистики ФЕ постепенно проникают в художественную литературу и в обиходную речь, повышая меру их межъязыковой фразеологической эквивалентности. В целом, по-видимому, можно говорить об определенной тенденции к интернационализации фразеологического состава литературных языков, особенно мировых языков (а к ним относится и русский, и, с некоторыми оговорками, немецкий), взаимодействие которых имеет сверхреальный характер и осуществляется во всемирном масштабе (см.: Костомаров; Гаврин, Крючкова).

5. Значение переменных словесных комплексов.

Поддающееся большинство собственно фразеологизмов возникло путем переосмысления переменных словесных комплексов (далее — ПСК) и существует в настоящее время наряду с соответствующими ПСК. Прямое значение, ощущаемое «на заднем плане» таких ФЕ, составляет не только их историческую деривационную базу, но и современную внутреннюю форму (образную мотивацию). Обычно признак, положенный в основу фразеологического наименования, совершенно ясен («прозрачный» образ), т. е. современным носителям языка, знающим совокупное значение ФЕ, понятна предметная ситуация, обозначаемая соответствующим ПСК, а также выделяемая в ПСК сема, на которой базируется переосмысление. Так, ФЕ *jmdm. ist die Butter vom Brot gefallen* — „jmd. ist bestürzt, betreten, entsetzt“ возникла из переменного сочетания того же состава и до сих пор семантически связана с ним, причем в качестве мотивирующей ФЕ

семы используются не какие-либо семантические признаки, отражающие предметную ситуацию, а значение сопутствующего ей неприятного переживания (эмоционального состояния) человека, у которого упало масло с хлеба.

Хорошо известно также, что существует и некоторое количество ФЕ в большей или меньшей степени демотивированных (с затемненной мотивацией, с неясным образом и т. п.), так называемых фразеологических сращений или идиом в узком смысле, у которых трудно выделить мотивирующую сему подчас даже с помощью этимологических изысканий, напр., ФЕ *einen Korb bekommen; einen Bock schießen*. Становление мотивирующей семы, т. е. направление семантического сдвига в ПСК, а также его конечный семантический результат — фразеологическое значение — весьма прихотливый процесс с высокой степенью случайности (Stepanova и. Černyševa, 211). Он детерминирован в общем и целом универсальными закономерностями отражения действительности в человеческом сознании и способами языкового обозначения (номинации). Однако выбор конкретных средств для вторичной (фразеологической) номинации определенных ситуаций, а также наличие и конкретный характер фразеологического значения у того или иного словесного комплекса, как правило, не могут быть прогнозированы с достаточной надежностью и демонстрируют внутри каждого языка и особенно от языка к языку значительное разнообразие и неопределенность, т. е. низкую предсказуемость содержания относительно формы и, особенно, наоборот*. Поэтому, в частности, структурно-семантически соотнесенные ПСК могут порождать фразеологизмы без какой-либо смысловой общности, напр.: *die Treppe hinauffallen* — „befördert werden (bes. unverdient)“ и *die Treppe hinuntergefallen sein* — „sich die Haare haben schneiden lassen“ (R.); ср. также: *наставить рога кому-л.* — *обломать рога кому-л.*; *auf dem Teppich sein* — „eine günstige Gelegenheit zu nützen wissen“ и *auf dem Teppich bleiben* — „sachlich bleiben, keinen Hirngespinnsten nachhängen, sich gesittet benehmen“; ср. рус. (быть) на ковре — «(быть) у начальства для нагоняя».

По тем же причинам аналогичные по составу фразеологизмы разных языков могут как совпадать, так и не совпадать по совокупному значению (см. разд. 1).

Тем не менее на фоне ярко выраженной у ФЕ асимметрии плана выражения и плана содержания можно выделить отдельные группы ФЕ с повышенной детерминированностью фразеологического значения прямым значением соответствующего ПСК. В наиболее общем и приближенном виде это обстоятельство отмечалось путем

* Это положение прекрасно иллюстрирует сцена из «Капитанской дочки», где генерал-немец читает рекомендательное письмо от Гринева-старшего: «Теперь о деле... К вам моего повесу...» гм... «держат в ежовых рукавицах...» Что такое ешовы рукавиц? Это, *должно быть, русска поговорк... Что такое «держат в ешовых рукавицах» ... — Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах. — Гм, понимаю... «и не давать ему воли...» нет, видно, ешовы рукавицы значит не то...» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Гл. II).

деления всех ФЕ на «натуральные», которые базируются на общих для всех людей ситуациях и потому могут возникать независимо друг от друга в разных языках с одинаковым значением и аналогичной деривационной базой, и «конвенциональные», которые связаны с историческими, культурными, социальными и другими особенностями развития данного народа, а потому не имеют аналогов в неблизкородственных языках (см. Skogupka, 124).

Это деление следует считать одним из факторов межъязыковой фразеологической эквивалентности лишь с существенными поправками. С одной стороны, между языковым родством и социально-исторической общностью народов нет жесткой связи. Это проявляется, в частности, в том, что и у народов — носителей неродственных или отдаленно родственных языков (напр., нем. и рус.) существует значительная социально-историческая, культурная и т. п. близость ареального характера. Совпадали многие конкретно-исторические формы материального производства, производственных отношений и надстроечных явлений (напр., государственного строя, армии, религии, суеверий, обычаев и т. п.), причем с течением времени эта общность проявляет явную тенденцию к возрастанию, особенно в социально-политической и научно-технической сферах.

Поэтому как раз в пределах «конвенциональных» ФЕ, наряду с национально-специфическими единицами, немало и имеющих аналоги в других языках, а также фразеологических интернационализмов, т. е. ФЕ, имеющих структурно-семантические эквиваленты во многих языках. Более того, основная масса фразеологических интернационализмов относится именно к группе конвенциональных.

С другой стороны, среди большинства «натуральных» ФЕ прослеживается лишь общая связь между типом предметной ситуации и направлением ее переосмысления, но не абсолютно тождественная взаимосвязь между прямым и фразеологическим значением определенного словесного комплекса. Так, многие ФЕ с компонентом *Kopf/голова* относятся к семантической группе «мышление», с компонентом *Auge/глаз* — к группе «восприятие», «внимание», с компонентом *Hand/рука* — к группам «деятельность», «владение» и т. п. (ср. Авалиани, IV).

Эта гносеологически и социально обусловленная тенденция ведет, как уже отмечалось, к повышенной структурно-семантической эквивалентности (полной и особенно неполной) в подобных группах ФЕ. Однако и здесь достаточно часто встречается разнонаправленное переосмысление, напр.: *die Hände beschmutzen* — „moralische Schuld haben“ (ср. рус. «запачкаться») и *pачкать руки* — «утруждать себя физической работой» (ср. нем. *sich nicht die Hände schmutzig machen wollen*).

Наиболее же распространено близкое, но не совпадающее по аспектному составу наименование сходных предметных ситуаций, ср.: *die Augen auf sich ziehen* — *обращать на себя взоры*; *jmd. bekam schwere Augen* — *чьи-л. веки отяжелели*; *jmdn. aus den Augen verlieren* — *потерять кого-л. из виду*.

И все же в каждом языке имеется определенное число ФЕ, построенных на образном переосмыслении национально-специфических (или хотя бы чуждых народу-носителю сопоставляемого языка) ситуаций, характерных для истории материального производства, надстроечных явлений, быта, суеверий и верований, паралингвистических знаков, фольклора и художественной литературы данного народа. Соответствующие словесные комплексы могут включать имена национальных реалий и т. п. (см. выше), но нередко состоят из обычных лексем, и лишь весь комплекс в его прямом значении служит для обозначения ситуации, типичной именно для данной национальной культуры. Такие ФЕ, естественно, лишены структурно-семантических эквивалентов в сопоставляемом языке, ср., напр., русские ФЕ: *тянуть лямку; ободрать как липку; всякое лыко в строку; забрить лоб; бить челом; поддать пару; играть в бирюльки; во все тяжкие; вбивать осиновый кол в могилу; кукиш с маслом; махнуть рукой; по щучьему веленью; у разбитого корыта*. Понятно, что в этом случае отсутствуют структурно-семантические эквиваленты, но иногда возможны функционально-смысловые, ср., напр.: *Кукиш с маслом! — Da hast du eine lange Nase!* (Graf, II); *ободрать как липку — jmdm. das Fell/die Haut über die Ohren ziehen* (РНС).

Связь между прямым и фразеологическим значением словесного комплекса обусловлена не только экстралингвистически (общечеловеческим, ареальным или национально-специфическим характером обозначаемых ситуаций), но и интралингвистически — характером семантического механизма фразеобразования, т. е. типом семантического сдвига (переосмысления) ПСК. Речь может идти, по крайней мере, о целостном переосмыслении (метафорическом или метонимическом), субъективно-модальном сдвиге, а также о различных механизмах супераспектной фразеологичности — семантической специализации, генерализации, иронизации и т. п. (см. Райхштейн, IV, 33 и сл.). Названные семантические механизмы фразеобразования различаются, в частности, и мерой обязательности (случайности), с которой данное фразеологическое значение формируется на базе того или иного ПСК. Понятно, что чем выше эта обязательность (чем ниже случайность), тем выше и вероятность параллельного возникновения структурно-эквивалентных ФЕ в ряде языков. Следовательно, максимума независимо возникшей в разных языках структурно-семантической фразеологической эквивалентности нужно ожидать там, где сочетаются оптимальные экстра- и интралингвистические факторы. Так, ФЕ, у которых фразеологическое значение определенного психического состояния базируется на обозначении сопровождающих физиологических процессов, свойственных всем людям (напр.: *зубы стучат; кровь приливает к голове; сердце колотится; сердце сжимается* и т. п.), характеризуются к тому же метонимическим типом переосмысления, гораздо более регулярным (менее случайным) по своему направлению и результату, чем метафорическое, допускающее, как известно, весьма широкий выбор из большого числа самых разнообразных предметных ситуаций с одним общим признаком. В указанной группе ФЕ немецко-русская

структурно-семантическая эквивалентность достигает 65%, ср., напр: *скрежетать зубами* — *mit den Zähnen knirschen*; *делать большие глаза* — *(große) Augen machen*; *слюнки текут у кого-л.* — *der Speichel läuft jmdm. im Munde zusammen*; *разинуть рот* — *den Mund aufreißen*; *сердце замирает* — *das Herz steht still*; *дых захватывает* — *es verschlägt jmdm. den Atem*.

Отметим, что и в этой сфере структурно-семантическая эквивалентность снижается там, где речь идет о необязательных, вымышленных или представленных гиперболизированно физиологических проявлениях психических состояний, ср., напр.: *зуб на зуб не попадают* — *jmdm. klappern die Zähne*; *оджилки трясутся* — *jmdm. zittern die Knie*; *язык заплетается* — *jmd. hat eine schwere Zunge*; *душа уходит в пятки* — *jmdm. fällt das Herz in die Hose*. Ср. также не имеющие структурно-семантических эквивалентов ФЕ: *jmdm. kocht das Blut in den Adern*; *jmdm. vergeht Hören und Sehen* и. а.

В близкой по семантическому механизму (метонимическое перенесение) группе ФЕ, в которых фразеологическое значение опирается на паралингвистические знаки — жесты, мимику и т. п., т. е. социально обусловлено (напр.: *покачать головой*; *махнуть рукой*; *пожать плечами*; *почесать в затылке*; *потирать руки*; *хлопать в ладоши* и т. п.), межъязыковая эквивалентность определяется уже не общечеловеческими психофизиологическими процессами, а исторически сложившейся мерой культурной общности, которая в данном случае довольно высока, но отнюдь не абсолютна (ср. безэквивалентные ФЕ *чесать в затылке*; *махнуть рукой* и др.).

Наконец, если в обоих языках действуют одни и те же продуктивные «образные идеи», по которым сформировано значительное количество ФЕ с одинаковым или близким значением, то достаточно высока вероятность, что у этих ФЕ есть структурно-семантические эквиваленты в сопоставляемом языке (полные или неполные). И наоборот, несовпадение типовой образной основы сводит структурно-семантическую эквивалентность к минимуму.

Примером близости типовых образов могут служить нем. и рус. ФЕ с общим значением «умирать/умереть». Основная масса этих ФЕ укладывается в обоих языках в пять типовых образов (в том числе три метафорических и два метонимических):

а) «уход, прощание», напр.: *отправиться на тот свет*; *уйти в иной/лучший мир*; *отойти в вечность*; *отправиться к праотцам*; *расстаться с жизнью*; *уйти из жизни*; *Abschied für immer nehmen*; *der Welt Adel/Valet sagen*; *von uns gegangen sein*; *uns verlassen haben*; *in die Ewigkeit/von Gott abberufen werden*; *zu seinen Vätern versammelt werden*; *zur großen Armee abgehen*; *gen Himmel fahren*; *zur Hölle fahren*; *in ein besseres Jenseits gehen*;

б) «конец», напр.: *с кем-л. все кончено*; *окончить жизнь*; *окончить свои дни*; *vorbei sein mit jmdm.*; *aus und gar sein mit jmdm.*; *zu Ende sein mit jmdm.*; *seine Tage/sein Dasein beschließen*;

в) «(вечный) сон, покой», напр.: *почить вечным сном*; *уснуть навеки*; *найти последнее упокоевание*; *den letzten Schlaf schlafen*; *für jmdn.*

gibt es kein Erwachen mehr; jmd. hat zur letzten Ruhe gefunden; für immer ruhen;

г) «пребывание под землей», напр.: *сойти в могилу/в гроб; лечь в могилу/в гроб/в землю; in die Grube fahren; in die Gruft steigen; ihn deckt der grüne Rasen; ein grünes Kleid angezogen haben; die Radieschen von unten wachsen sehen;*

д) «сопровождающие смерть физиологические проявления», напр.: *испустить дух; протянуть ноги; откинуть копыта; испустить последний вздох; sein Leben aushauchen; die Augen schließen; alle viere von sich strecken; kalte Füße kriegen* (ср. Григорьева и Иванова, 149 и сл.).

Немногочисленные ФЕ, не входящие в типовые образы этой семантической группы ФЕ, обладают очень низкой структурно-семантической эквивалентностью, ср., напр.: *сыграть в ящик; приказать долго жить; отдать концы; дать дуба; — ins Gras beißen; dran glauben müssen; den Löffel weggeworfen haben; jmd. ist auf dem Rücken in die Kirche gegangen; jmdm. tut kein Zahn mehr weh; die Kurve kratzen.*

Вообще в сопоставляемых языках двусторонняя структурно-семантическая фразеологическая эквивалентность снижается вместе со снижением продуктивности типовых образов, по которым сформированы (формируются) ФЕ. Соответственно минимум такой эквивалентности достигается у ФЕ, в основе которых лежат непродуктивные, уникальные образы, особенно, если образная мотивировка затемнена или вообще утрачена для современного состояния языка. Это означает, что наименее эквивалентны фразеологические сращения (по В. В. Виноградову и Н. М. Шанскому); так, все примеры фразеологических сращений или собственно идиом, приводимые в соответствующих работах, не имеют структурно-семантических эквивалентов в сопоставляемом языке, ср.: *бить баклуши; очертя голову; неровен час; и никаких гвоздей; перемывать косточки; попасть впросак; точить балясы; спустя рукава; сломя голову; ныне отпускаеши; темна вода во облацех; чем свет; как пить дать; шутка сказать; была не была; хоть куда; себе на уме* (Шанский, 79—80); *втирать очки; ни дать ни взять; то и дело; то ли дело; куда ни шло; остаться с носом; зарубить на носу; съел собаку; прокатить на вороных; губа не дура; нелегкая дернула; до положения риз; почем зря; во что бы то ни стало; с какой стати* (Калинин, 186—187); *durch die Lappen gehen; an jmdm., etw. einen Narren gefressen haben* (Iskos, Lenkova, 178); *den Stab über jmdn. brechen; etw. auf dem Kerbholz haben; auf den Hund kommen; bei jmdm. in der Kreide stehen; etw. dick haben; etw. aus dem ff tun; bis in die Puppen* (Степанова, Чернышева, 232—233).

Не случайно на материале фразеологических сращений был сделан в свое время вывод о «непереводимости» идиом (Булаховский, 33; Реформатский, 93—95); фактически имеется в виду отсутствие у этих ФЕ структурно-семантических эквивалентов, т. е. невозможность их дословного перевода.

6. Формальные и формально-смысловые факторы фразеологической эквивалентности.

К этой группе относятся разнообразные случаи, когда в структурной организации ФЕ одного из языков особую роль играет план выражения, т. е. когда фразеологичность и ее основные проявления (устойчивость, идиоматичность) опираются не только на семантический сдвиг в словесном комплексе, но и на его формальную сторону (а иногда и только на нее). Поскольку в нем. и рус. языках материальный состав словесных комплексов почти никогда не совпадает, его активное участие в механизме фразеобразования, как правило, лишает ФЕ структурно-семантических эквивалентов в сопоставляемом языке.

Прежде всего сюда следует отнести ФЕ с формально связанным компонентом-некротизмом типа *auf dem Quivive sein*, *вверх тормашками*, о которых уже шла речь выше.

Сугубо формальный (эвфонический) характер имеют, далее, свойственные отдельным ФЕ специальные средства выразительности — рифма, метр, аллитерация, ассонанс. Аналогичные формальные черты у ФЕ-эквивалента обычно отсутствуют и, если таковой вообще имеется, то у него иной аспектный состав, ср., напр.: *тары-бары*; *гол как сокол*; *ищи-свищи*; *тяп-ляп*; *ни сват ни брат*; *ни слуху ни духу*; *смех и грех*; *опять двадцать пять*; *сбоку припеку*; *рожки да ножки*; *фу-ты ну-ты!*; *еле-еле душа в теле*; *ни аза в глаза*; *от горшка два вершка*; *от ворот поворот*; *шиворот навыворот* (рифма и ассонанс); *ни к селу ни к городу*; *ни свет ни заря*; *ни роду ни племени*; *такой-сякой намазанный* (метр); *дудеть в одну дуду*; *жевать жвачку*; *огород городить*; *хоть пруд пруди* (повтор); *schlecht und recht*; *weit und breit*; *in Hülle und Fülle*; *in Saus und Braus*; *außer Rand und Band*; *Lug und Trug*; *Handel und Wandel*; *ohne Saft und Kraft* (рифма, ассонанс); *klipp und klar*; *nie und nimmer*; *fix und fertig*; *bei Nacht und Nebel*; *in Bausch und Bogen* (аллитерация); *mit Pauken und Trompeten*; *vom Scheitel bis zur Sohle*; *in Grund und Boden* (метр).

Еще сильнее «привязаны» к плану выражения конкретные языковые ФЕ, механизм фразеологичности которых опирается на наличие разных значений у материально тождественных или сходных компонентов, т. е. на полисемию или паронимию соответствующих лексем в системе языка (поскольку маловероятно, чтобы в другом языке соответствующая лексема участвовала в тех же самых формально-семантических отношениях). Поэтому каламбуры, игра слов, двусмысленности и т. п. обычно вообще не воспроизводимы аналогичными средствами другого языка, а ФЕ, построенные на этих формально-смысловых приемах, не имеют структурно-семантических эквивалентов в других языках (ср. Röhrich, 14; 26; 62), напр.: *per Anhalter (reisen/fahren)* — „indem man ein Auto durch Zeichen anhält und von ihm mitgenommen wird“ (ср. *Anhalter Bahnhof*, существовавший до войны в Берлине, с которого поезда шли в направлении провинции Ангальт, и глагол *anhalten* — „jmdn. etw. zum Stillstand bringen“); *ausreißen wie Schafleder* — „eiligst die Flucht ergreifen“ (ср. *ausreißen* —

1. zerreißen; 2. flüchten); *etw. aus der Armenkasse kriegen* — „Прügel bekommen“ (ср.: *Арме* — бедняки; *Арме* — руки).

Сюда же относится обыгрывание имен собственных, напр., *nach Bethlehem gehen* — „zu Bett gehen“, а также узуализовавшиеся стилистические преобразования известных ФЕ, напр.: *schlank wie eine Tonne* (вместо *Tanne*); *Die Liebe kommt durch den Wagen* (вместо *Magen*); *es geht mir durch Mark und Pfennig* (вместо *Bein*) и др.;

кочка зрения (вместо *точка зрения*); *кормить завтраками* («завтрак» и «завтра»); *продавать дрожжи* («дрожжи» и «дрожать»); *слонов/слоны слонять* («слоняться» и «слон»); *будьте уверочки* («уверены» и «у Верочки»); *поехать в Ригу* («Рига» и «рыгать»); *домна ивановна* («доменная печь» и «женское имя»); *маразм крепчал* (вместо: *мороз крепчал*). Следует отметить, что подобные единицы не имеют структурно-семантических эквивалентов даже в тех редких случаях, когда для них есть формальная база в сопоставляемом языке, напр.: *Wie stehen die Akazien?* (вместо: *Wie stehen die Aktien?*) — „Wie stehen die Dinge?“ (ср. рус. *акции* — *акации*).

Сюда же можно отнести случаи, когда современная форма ФЕ является результатом нерегулярных изменений различного рода, например, под влиянием ложного осмысления («народной этимологии») заимствованных ФЕ, напр.: *unter aller Kanone* — „unter aller Kritik“ (← *unter allem Kanon* ← лат. *sub omni canone*); *ein Faß aufmachen* — „viel Lärm wegen etw. machen“ (← англ. *to make a fuss about smth.*) или в результате нарочитой (в юмористических целях) контаминации двух или даже трех близких по значению ФЕ, довольно распространенной в нем. языке, напр.: *das schlägt dem Faß die Krone ins Gesicht* (← *das schlägt dem Faß den Boden aus*; *das setzt allem die Krone auf*; *das ist ein Schlag ins Gesicht*) (K.).

Таким образом, любое активное участие плана выражения в механизме фразообразования выступает в качестве отрицательного фактора межъязыковой структурно-семантической эквивалентности ФЕ.

7. Совокупное фразеологическое значение и фразеологическая эквивалентность.

До сих пор мы рассматривали факторы, регулирующие преимущественно наличие или отсутствие в сопоставляемых языках структурно-семантических эквивалентов ФЕ. Характер совокупного значения ФЕ оказывается фактором, обуславливающим наличие или отсутствие функционально-смысловых фразеологических эквивалентов; одновременно он влияет и на выбор структурно-семантических эквивалентов, т. е. в конечном счете на всю совокупность межъязыковых фразеологических эквивалентов. Говоря о характере совокупного фразеологического значения как о факторе межъязыковой фразеологической эквивалентности, мы имеем в виду меру семантической (сигнификативно-денотативной) сложности ФЕ. Как известно, ФЕ характеризуются неодинаковой сложностью семантики, т. е. неодинаковым числом дифферен-

циальных сем, формирующих сигнификативно-денотативное значение фразеологизма. Давно замечено, что отнюдь не все ФЕ могут быть даже приблизительно идентифицированы отдельными лексемами (подобно тому, как это удается сделать у ФЕ *arm wie eine Kirchenmaus* = *sehr arm*; *den Mund halten* = *schweigen*). Очень многие ФЕ удастся идентифицировать, т. е. описать их значение лишь с помощью словосочетания, подчас весьма развернутого. В этом отражается различная семантическая сложность ФЕ.*

Градуировка и измерение семантической сложности ФЕ — особая и мало разработанная проблема. Здесь можно наметить лишь некоторые наиболее явные случаи, которых достаточно для целей данного анализа.

Самые элементарные значения имеют, по-видимому, интеръекционные, модальные и интенсифицирующие ФЕ, т. е. единицы с минимальным сигнификативно-денотативным содержанием. Набор соответствующих значений весьма ограничен; число выражающих их ФЕ чрезвычайно велико (напр., многочисленные ФЕ со значением отказа или возмущения в обоих языках). Далее следуют ФЕ, представляющие вторичные, экспрессивные наименования предметов, явлений, процессов, признаков и соответствующих понятий, отличающиеся от лексических средств первичной номинации главным образом коннотативными элементами значения (см., напр., выше ФЕ с общим значением «умереть»). Такие ФЕ соотносятся по совокупному значению с лексемами, и их семантическая микроструктура в сигнификативно-денотативном аспекте такая же, как у слов. Различия целиком относятся к коннотативному аспекту. Наконец, имеется значительное число ФЕ, заполняющих номинационные лакуны языка; наряду с коннотативными функциями они несут новое, специализированное, т. е. усложненное по сравнению с имеющимися в языке лексемами денотативно-сигнификативное содержание, напр.: *kusatz* себе локти — «досадовать, сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном»; *demjano* уха — «что-либо назойливо предлагаемое, навязываемое кому-л. в неумеренном количестве»; *jmdm. ins Handwerk pfuschen* — „jmdn. dadurch stören, daß man als Laie od. Außenseiter etwas tut, was dieser als Fachmann od. Zuständiger besser tun kann“.

Весьма сложную семантическую структуру имеют, в частности, многие ФЕ цитатного происхождения (крылатые выражения), за ограниченным компонентным составом которых часто кроется обширный первоначальный контекст и дифференцированное обобщенное содержание, напр.: *тришкин кафтан* — «такое положение, ситуация, дело и т. п., когда устранение одних недостатков влечет за собой возникновение новых недостатков»; *wie der Reiter über dem Bodensee* — „wie einer, der eine große Gefahr erst erkennt, nachdem sie bereits vorüber ist“ (М.).

Выделенные три группы можно было бы назвать соответственно экспрессивными, экспрессивно-номинативными и номинативно-экс-

* Ср. деление ФЕ по характеру обозначаемых фактов и ситуаций на простые и сложные (Kolleg, 69—71), а также замечания о разном семантическом объеме русских ФЕ (Гвоздарев, I).

прессивными ФЕ.* Удельный вес межъязыковых функционально-смысловых фразеологических эквивалентов убывает от первой к третьей группе, так как вероятность самостоятельного (параллельного) возникновения в двух (и более) языках фразеологизмов, выражающих одно и то же значение, снижается по мере усложнения этого значения. В том же направлении сокращается число ФЕ, выражающих одно и то же денотативно-сигнификативное значение внутри каждого языка. Таким образом, по-видимому, действует следующая общая закономерность: межъязыковая функционально-смысловая фразеологическая эквивалентность (между неблизкородственными языками) находится в обратной зависимости от номинативной значимости и семантической сложности (специализированности) фразеологических единиц. Иначе говоря, чем элементарнее совокупное значение фразеологической единицы, тем больше у нее межъязыковых фразеологических эквивалентов (и внутриязыковых синонимов) и, наоборот, чем сложнее сигнификативно-денотативное значение ФЕ, тем в общем случае число таких фразеологических эквивалентов ниже. Поскольку названные явления характерны для всех языков, эту закономерность, очевидно, можно считать универсальной.

Поэтому в сфере семантически сложных ФЕ с узким, специализированным сигнификативно-денотативным значением обнаруживаются основные фразеологические лакуны одного языка относительно другого. Среди экспрессивных ФЕ (с наиболее элементарной семантикой) таких лакун практически нет; среди экспрессивно-номинативных ФЕ их относительно мало. Приведем еще некоторые примеры нем. и рус. номинативно-экспрессивных ФЕ, лишенных каких-либо фразеологических эквивалентов в сопоставляемых языках: *казанская/казанский сирота* — «человек, прикидывающийся несчастным, обиженным, беспомощным и т. п., чтобы разжалобить кого-л.»; *путевка в жизнь* — «всё, что дает право на жизнь, на полезную деятельность в социалистическом обществе»; *кисейная барышня* — «изнеженный, не приспособленный к жизни человек»; *к разбитому корыту* — «к положению, состоянию, когда все приобретенное, имевшееся утрачено, потеряно»; *танцевать от печки* — «начинать с привычного, простого, повторяя все действия с самого начала»; *(и) мы пахали* — «выражение иронии, насмешки над тем, кто хочет примазаться к чужой работе, делу и т. п.»; *близок локоть, да не укусишь* — 1. «казалось бы и легко осуществить что-л., да нет возможности достичь желаемого»; 2. «все могло бы сложиться иначе, но теперь уже поздно»; *Nürnberger Trichter* — „eine ganz mechanische Lernmethode, die eigene Anstrengung der Lernenden überflüssig macht“; *der lachende Dritte* — „jmd., der aus dem Streit zweier Personen einen (unerwarteten) Vorteil hat“; *ein Hecht im Karpfenteich* — „ein lebhafter, betriebsamer Mensch, der die Ruhigen (od. Trägen) antreibt, nicht zur Ruhe kommen

* Все три группы относятся по функциональной классификации к так называемой экспрессивной фразеологии (Riesel, 138); предложенные термины должны лишь показать различия в удельном весе экспрессивных и номинативных элементов в пределах названного разряда.

läßt usw.“; *jmdm. eine Brücke bauen* — „jmdm., der auf der Gegenseite steht, die Möglichkeit eines Auswegs, Rückzugs fairerweise geben“; *der Katze die Schelle umhängen* — „eine gefährliche, schwierige Aufgabe als einziger übernehmen“ (D.); *das hat der Fuchs gemessen* — „die Entfernungsangabe ist zu knapp gemessen“.

Фразеологический состав каждого языка можно представить себе с точки зрения типичности и массовости фразеологически выражаемых значений как плотное ядро (основные, т. е. простые значения, представленные большим числом семантически близких ФЕ) и «разреженную» периферию (сложные значения, выраженные единичными ФЕ, далекими друг от друга по семантике).

Особую группу среди номинативно-экспрессивных ФЕ с усложненной семантикой образуют комплексы с национально-культурным элементом в их совокупном фразеологическом значении; это явление типично главным образом для устойчивых фраз (крылатых выражений, лозунгов, отчасти пословиц), но наблюдается также у отдельных фразеологических единств, специализированных на обозначении ситуаций и явлений определенного исторического этапа определенной страны, например, дореволюционной российской действительности (*места не столь отдаленные; по этапу; куда Макар телят не гонял; черная сотня; белая кость; черная кость; крапивное семя; жеребьячья порода*), или периода гражданской войны и социалистического строительства в СССР (*выводить/пускать/списывать в расход; брать/взять на буксир; путевка в жизнь*). Как правило, это фразеологизмы с отчетливым социально-политическим элементом содержания, отражающие социальную дифференциацию дореволюционного общества, обстоятельства классовой борьбы и т. п.

Следует кратко упомянуть и о случаях усложнения семантики ФЕ территориальными коннотациями, т. е. о проблеме межъязыковой эквивалентности ФЕ, ограниченных рамками того или иного диалекта, группы диалектов, национального варианта языка и т. п. Среди ФЕ сопоставляемого языка не может быть функционально-смысловых эквивалентов с теми же территориальными коннотациями, так как последние у каждого языка специфичны и не имеют никаких прямых соответствий в других языках. Поэтому «уральский» характер ФЕ *банная затычка* — «нечистоплотный человек» не может быть передан в немецких фразеологических соответствиях, подобно тому, как русскими ФЕ невозможно передать «австрийскую» окраску фразеологизмов *einen Radi kriegen* — „gerügt werden“; *jmdm. einen Goschen anhängen* — „jmdn. beschimpfen“; *das ist mir Blunzen* — „das ist mir egal“ (Малыгин). Таким образом, у территориально маркированных ФЕ могут быть лишь неполные фразеологические эквиваленты.

Разные языковые средства и в том числе разные части речи имеют неодинаковые номинативные потенции (см.: Кубрякова, 85). В лексической номинации огромную роль играют существительные и субстантивные словесные комплексы, непосредственно обозначающие бесконечное множество классов предметов и явлений, выделяемых человеческим сознанием в реальном мире, и противопоставленные всем прочим знаменательным частям речи вместе взятым. Не слу-

чайно субстантивные единицы составляют львиную долю всей терминологии и около половины лексического состава русского литературного языка (Обратный словарь русского языка, 940—943); в нем. языке их удельный вес еще выше.

Именно субстантивные лексемы и словосочетания выступают как чрезвычайно детализованные и специализированные наименования разнообразных частных элементов объективной действительности; их значения усложнены всевозможными частными семантическими признаками. Такая усложненность денотативно-сигнификативного значения характерна для лексических единств (а все они — субстантивные словесные комплексы); в значительной степени она типична и для субстантивных фразеологических единств. Их семантическая сложность проявляется в том, что а) словарные толкования субстантивных фразеологических единств в большинстве случаев представляют собой не отдельные лексемы, а переменные словосочетания, т. е. эти ФЕ обычно имеют свой самостоятельный объект именования и не выступают как функциональные эквиваленты слов; б) среди субстантивных фразеологических единств слабее, чем среди других разрядов ФЕ, развита внутриязыковая фразеологическая синонимия, в том числе структурная. Из этих фактов вытекает, что субстантивные фразеологические единства чаще других фразеологизмов являются единственными наименованиями того или иного референта. Повышенная семантическая сложность и номинативная нагрузка субстантивных ФЕ ведет в соответствии со сформулированной выше закономерностью к их относительно низкой межъязыковой функциональносмысловой фразеологической эквивалентности: у субстантивных ФЕ она ниже, чем у всех других структурных разрядов фразеологизмов; соответственно у этого разряда наиболее высок удельный вес нефразеологических соответствий.

Мера семантической сложности и номинативной значимости ФЕ определяет не только меру их «независимой» межъязыковой фразеологической эквивалентности. Тот же фактор регулирует потенциальную предрасположенность ФЕ к заимствованию другими языками (в исконной материальной форме, а чаще — путем калькирования). Можно предположить, что наличие в каждом языке большого количества синонимичных ФЕ, выражающих несложные значения экспрессивного и экспрессивно-номинативного типа, делает ненужными (и тем самым блокирует) заимствования ФЕ той же семантики из других языков. Поэтому процессы прямого и переводного заимствования протекают главным образом в сфере семантически сложных ФЕ номинативно-экспрессивного типа*, ибо именно здесь существует реальная номинационная потребность в таком заимствовании. В какой степени упомянутая потенциальная предрасположенность к фразеологическому заимствованию фактически реализуется, зависит от других факторов, главным образом, от интенсивности контактов

* Заимствование, особенно калькирование, еще более типично для сугубо номинативных УСК — лексических единств, которые здесь подробно не рассматриваются.

между соответствующими языками, культурами и т. п. (непосредственно или в рамках единого культурного ареала). Во всяком случае, в фактическом корпусе нем. и рус. фразеологических заимствований, в соответствии с выявленной закономерностью, господствуют семантически сложные ФЕ — субстантивные фразеологические единства (хотя глагольных ФЕ в обоих языках в несколько раз больше, чем субстантивных) и устойчивые фразы*. Поскольку основную массу фразеологических заимствований в обоих языках образуют кальки, представляющие в основном полные (реже неполные) структурно-семантические эквиваленты, становится понятным, почему, в частности, у нем. субстантивных ФЕ так высока доля структурно-семантических эквивалентов в русской фразеологии: это почти исключительно фразеологические кальки (преимущественно ФЕ-интернационализмы, вошедшие параллельно в оба языка из какого-либо третьего — латинского, английского, французского и т. п.), ср., напр.: *unser täglich Brot* — хлеб наш насущный; *der ungläubige Thomas* — Фома неверующий; *Ritter von der traurigen Gestalt* — рыцарь печального образа; *das häßliche Entlein* — гадкий утенок; *der Eiserne Vorhang* — железный занавес и т. п.

Аналогично обстоит дело с развернутыми устойчивыми фразами, поскольку в сфере синтаксической номинации главенствующее место принадлежит предложению как основному языковому средству называния ситуации или события (Языковая номинация. Общие вопросы, 257 и сл.); чем сложнее называемая с помощью устойчивой фразы ситуация, тем ниже вероятность, что в сопоставляемом языке имеется функционально эквивалентная устойчивая фраза. Это положение подтверждается почти полным отсутствием некалькированных, т. е. возникших параллельно и независимо друг от друга в сопоставляемых языках функционально-смысловых фразеологических эквивалентов в сфере крылатых фраз, несомненно, более сложных и оригинальных по содержанию, чем пословицы и поговорки. Исключения случайны и единичны, ср., напр.: *Свежо предание, да верится с трудом* (А. С. Грибоедов) — *Die Botschaft hör' ich wohl, allein mir fehlt der Glaube* (J. W. Goethe); *Чтобы иметь демея, кому ума недоставало* (А. С. Грибоедов) — *Vater werden ist nicht schwer* (W. Busch).

С другой стороны, именно среди крылатых выражений многочисленны кальки, составляющие, в частности, целую группу интернациональных крылатых выражений (Степанова и Чернышева, 240—241).

Таким образом, рассмотренная выше зависимость меры межъязыковой фразеологической эквивалентности от характера фразеологического значения может быть в целом сформулирована следующим образом:

По мере возрастания сигнификативно-денотативной сложности значения ФЕ и усиления их номинативной функции фразеоло-

* Судя по фактическому материалу, которым оперируют исследователи, дело, по-видимому, обстоит так же и в других языках (см. Берлизон; Пономаренко; Солодучо).

гические единицы данного языка стремятся к минимуму независимых фразеологических эквивалентов всех типов и к максимуму структурно-семантических эквивалентов-калек в сопоставляемом языке.

Рассмотренные в главе разнообразные факторы межъязыковой фразеологической эквивалентности имеют в основном не абсолютный, а вероятностный характер. Их действие в пределах одной конкретной ФЕ может взаимно дополняться и усиливаться (ср. *демянова уха*, где национально-культурная семантика компонентов, чуждая для нем. языка структура с притяжательным прилагательным, а также сложная совокупная семантика с высокой вероятностью указывают на отсутствие нем. фразеологического эквивалента), но может быть и разнонаправленным, так что наличие или отсутствие эквивалента приобретает более случайный характер. Обусловленная этими факторами мера немецко-русской и русско-немецкой фразеологической эквивалентности в целом специфична именно для этой пары языков, хотя сами факторы, вероятно, можно считать универсальными.

Глава III

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП

В предыдущей главе были рассмотрены виды и факторы межъязыковой соотнесенности и эквивалентности конкретных ФЕ немецкого и русского языков. При установлении такой эквивалентности принимались во внимание случаи тождества (полного или неполного) совокупного фразеологического значения конкретных нем. и рус. комплексов, а также случаи тождества (полного и неполного) их аспектных значений, т. е. значений компонентов и синтаксической структуры. Оба вида соотнесенности в принципе автономны — функционально-смысловая эквивалентность не обязательно предполагает аспектную (и, действительно, лишь примерно в половине случаев связана с ней), а аспектное межъязыковое тождество не обязательно означает функционально-смысловую эквивалентность нем. и рус. ФЕ (см. о псевдоэквивалентах в гл. II). Таким образом, на сходном аспектном составе могут строиться совершенно различные фразеологические значения, и сходные фразеологические значения могут возникать на базе совершенно различных аспектных составов.

Проблема межъязыковой фразеологической эквивалентности может быть изучена применительно не только к конкретным ФЕ, но также и к целым парадигматическим объединениям фразеологических единиц, в основе которых лежит существенная семантическая (сигнификативно-денотативная) общность. В зависимости от масштаба обобщения объектом анализа могут быть фразеосемантические ряды, группы, поля, разряды и т. п.; каждое такое объединение характеризуется определенной архисемой, представляющей его семантический инвариант. Межъязыковому сопоставлению могут подвергаться именно такие семантические инварианты фразеологических группировок с целью установить, в какой степени совпадает набор основных фразеосемантических групп, т. е. наиболее общих, типовых значений, выражаемых в сопоставляемых языках с помощью ФЕ (ср. Ройзензон, I). Это направление анализа тем более оправданно, что фразеологическая система весьма фрагментарна как средство номинации и отражает лишь отдельные участки действительности (в отличие от лексико-семантической системы, характеризующейся всеобщностью).

Другая цель сопоставления на уровне фразеосемантических объединений — выявление меры межъязыкового сходства внутренней (аспектной) организации таких парадигм. При этом сопоставитель-

ный анализ, по-видимому, должен быть направлен на исследование устойчивых связей между типовыми значениями переменных словесных комплексов и фразеологизмов, имеющих тот же материальный состав. Тем самым не только выявляется синхронное взаимодействие между прямыми и фразеологическими значениями словесных комплексов, т. е. их образная организация (как база фразеологичности), но и устанавливаются одновременно характерные диахронические процессы переосмысления, приведшие (ведущие) в каждом языке к формированию тех или иных фразеосемантических групп. Другими словами, подобный анализ дает возможность определить структурно-семантические фразообразовательные модели языка как в синхронном, так и в диахронном понимании. Сопоставление полученных результатов позволит обнаружить как общие, так и специфические закономерности структурно-семантического фразообразования, а также сходства и различия в конкретном наборе фразообразовательных моделей сопоставляемых языков.* Соответственно в центре главы III настоящей работы находятся два вопроса:

1) в какой степени совпадает членение немецкого и русского фразеологического составов на фразеосемантические парадигматические группировки, т. е. какова мера групповой (инвариантной) функционально-смысловой эквивалентности нем. и рус. ФЕ;

2) в какой степени совпадает в нем. и рус. языках внутренняя, аспектная организация тождественных фразеосемантических групп, т. е. какова мера их группового (инвариантного) фразообразовательного сходства.

1. ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Для сопоставления основных семантических групп нем. и рус. фразеологии наиболее удобным в методическом отношении представилось на первом этапе опираться на известный идеографический словарь немецкого языка Ф. Дорнзайфа, в котором лексические и фразеологические единицы нем. языка объединены по логико-тематическому принципу в 20 классов, членищихся далее в общей сложности на 910 групп (Dornseiff). Как ни спорно предлагаемое в этом словаре членение, оно все же, несомненно, имеет определенную объективную значимость, и может быть использовано в самых общих целях — для установления набора наиболее «фразеологичных» смыслов в нем. языке. Для этого достаточно определить количество ФЕ в каждом классе и каждой группе и дать семантическую интерпретацию этих подсчетов. Для получения сопоставимых результатов в рус. языке (идеографических словарей которого не существует) пришлось распределить по тем же классам и группам и на основании тех же кри-

* Выполнение такой задачи применительно к нем. и рус. фразеологическим составам в их полном объеме не может быть осуществлено в рамках одной работы. Мы ограничимся лишь некоторыми наблюдениями преимущественно на материале одной фразеосемантической группы.

териев весь состав ФСРЯ. Ниже приводятся результаты этих наблюдений.

По числу и удельному весу фразеологических единиц выделены Ф. Дорнзайфом 20 классов распределяются в обоих языках одинаковым образом, а именно среди них обнаруживаются:

а) нефразеологичные классы: *Anorganische Welt. Stoffe* / Неорганическая природа. Вещества (класс № 1); *Schrifttum. Wissenschaft* / Письменность. Наука (№ 14); *Kunst* / Искусство (№ 15); *Geräte. Technik* / Орудия. Техника (№ 17);

б) низкофразеологичные классы: *Raum. Lage. Form* / Пространство. Положение. Форма (№ 3); *Größe. Menge. Zahl. Grad* / Величина. Количество. Число. Мера (№ 4); *Sichtbarkeit. Licht. Farbe. Schall. Temperatur. Gewicht. Aggregatzustände. Geruch. Geschmack* / Видимость. Свет. Цвет. Звук. Температура. Вес. Агрегатные состояния. Запах. Вкус (№ 7); *Ortsveränderung* / Перемещение в пространстве (№ 8);

в) среднефразеологичные классы: *Pflanze. Tier. Mensch. Körperliches* / Растение. Животное. Человек. Физиология (№ 2); *Wesen. Beziehung. Geschehnis* / Суть. Отношение. Событие (№ 5); *Zeit* / Время (№ 6); *Sinnesempfindungen* / Ощущения (№ 10); *Religion. Das Übersinnliche* / Религия. Сверхчувственное (№ 20);

г) высокофразеологичные классы: *Wollen und Handeln* / Желание и действие (№ 9); *Fühlen. Affekte. Charaktereigenschaften* / Чувства. Аффекты. Черты характера (№ 11); *Das Denken* / Мышление (№ 12); *Zeichen. Mitteilung. Sprache* / Знаки. Информация. Язык (№ 13); *Gesellschaft und Gemeinschaft* / Общество и коллектив (№ 16); *Wirtschaft* / Экономика (№ 18); *Recht. Ethik* / Право. Этика (№ 19).

В целом это распределение полностью подтверждает известное мнение, что фразеологизмы служат преимущественно для коннотативного (субъективного, оценочного, эмоционально-экспрессивного) обозначения предметов и понятий и что их распространение и роль особенно велики там, где либо непосредственно выражаются названные коннотативные значения (напр., чувства, аффекты), либо речь идет о предметах и явлениях, вызывающих максимальное внутреннее участие, личную заинтересованность и эмоциональное переживание субъекта. Не случайно к высокофразеологичным классам относятся все аспекты психической деятельности человека и межличностных, социальных отношений, и только они (ср. также Эмирова, 63). И, наоборот, нижние ранги фразеологичности занимают классы, объединяющие номенклатурные названия сугубо денотативного характера и относящиеся к областям реальной действительности, которые отражаются в человеческом сознании с максимальной объективностью и не вызывают дифференцированного субъективного отношения. Можно предположить, что такое общее количественное распределение ФЕ по фразеосемантическим группам свойственно не только нем. и рус. языкам и, возможно, представляет фразеологическую универсалию.

Более-детальное сопоставление было произведено на уровне частных групп по Ф. Дорнзайфу. Из 910 групп словаря фразеологические

единицы более или менее представлены в 398; в прочих группах ФЕ нет вообще, или они единичны. В целом распределение по группам обусловлено рассмотренным выше фактором, который можно назвать мерой субъективной значимости объективных явлений.

Тем не менее, небезынтересно назвать наиболее фразеологичные группы обоих языков. В нем. языке к ним относятся следующие 40 групп (они перечислены не по удельному весу ФЕ, поскольку существенных различий в этом отношении между ними почти нет, а по следованию в словаре):

Alkohol trinken / Пить спиртное; Trunkenheit / Опьянение; Sterben / Умирать; Hoher Grad / Высокая степень; Zerstörung / Разрушение, уничтожение; Glück / Счастье; Unglück / Несчастье; Nie / Никогда; Schnell / Быстро; Sich entfernen / Удаляться; Entschlossen / Решительно; Unternehmen / Предпринимать; Eifer / Усердие; Unwichtig / Неважно; Schwierig / Трудно; Hilfe / Помощь; Erfolg / Успех; Mißlingen / Неудача; Erregung / Волнение, возбуждение; Verwunderung / Удивление; Zorn / Гнев; Trübsinn / Грусть; Wunsch / Желание; Furcht, Schrecken / Страх, испуг; Liebe / Любовь; Abneigung / Антипатия; Haß / Ненависть; Dumm / Глупый; Verrückt / Сумасшедший, ненормальный; Verneinen / Отрицать; Ablehnung / Отказ; Tadel, Mißbilligung / Порицание, неодобрение; Höflichkeit, Gruß / Вежливость, приветствие; Zwietracht / Раздор; Drohung / Угроза; Prügeln / Бить; Niederlage / Поражение; Bloßstellung / Разоблачение; Armut / Бедность; Bestrafung / Наказание.

В рус. языке, судя по материалу ФСРЯ (т. е. с оговорками о неодинаковом подходе составителей к отбору ФЕ), среди 40 наиболее фразеологичных групп 35 совпадают с перечисленными выше. Место остальных 5 групп («Разрушение, уничтожение. Решительно. Предпринимать. Грусть. Раздор») в рус. языке занимают группы «Везде. Бездействие. Мужество. Болтать. Неправда, ложь», причем в обоих языках соответствующие 5 групп, не вошедшие в первые 40, тем не менее относятся к высокофразеологичным. Поэтому и на уровне частных фразеосемантических групп можно подтвердить вывод о принципиальном совпадении набора значений, преимущественно получающих фразеологическое выражение в обоих языках. Таким образом, в сфере типовых сигнификативно - денотативных и коннотативных значений между фразеологическими составами немецкого и русского языков не обнаруживается сколько-нибудь существенных различий. Наиболее фразеологичные семантические группы в обоих языках служат для обозначения или выражения экстремальных (а потому субъективно значимых) физических, психических и социальных ситуаций и состояний лица, таких, например, как «счастье и несчастье, любовь и неприязнь, изумление, страх, упрек, гнев, отрицание, отказ, психическая ненормальность, пьянство, избивание, смерть» и т. п. Подавляющее большинство этих групп обладает в обоих языках отрицательным объективным оценочным значением (отражающим социально

устоявшуюся оценку соответствующих явлений). К тому же, в составе немногочисленных высокофразеологических семантических групп со значением положительной объективной оценки («любовь, счастье и т. п.) есть ФЕ, выражающие весьма различную субъективную оценку в том числе положительную (*jmdn. ins Herz geschlossen haben; für jmdn. ins Feuer gehen; jmdn. auf den Händen tragen*), отстраненно-нейтральную (*bis über die Ohren verliebt sein; etwas miteinander haben; auf jmdn. ein Auge geworfen haben*), ироническую (*einen Narren / Affen an jmdm. / etw. gefressen haben; Herzen brechen*), отрицательную (*jmdm. den Kopf verdrehen / verrücken; jmdn. ins Netz locken; wie eine Klette an jmdm. hängen*).

Субъективно-оценочный элемент фразеологического значения отражает отношение говорящего (лица или группы лиц) к обозначаемому явлению; он базируется на частных отрицательных чертах, объективно возможных в данном явлении, и выдвигает их на передний план, избирая для них соответствующие наименования. Обратное явление — ФЕ с положительным субъективно-оценочным значением в составе фразеосемантических групп с отрицательным объективно-оценочным значением — почти не встречается. В качестве редкого примера можно привести специфичные для рус. языка ФЕ, в которых сочетаются семы неосторожности, беззаботности, озорства, отчаянности с положительной субъективной оценкой, напр.: *где наша не пропадала; была не была; будь что будет; море по колено; завьем горе веревочкой; пропадай все пропадом; дать шороху; бедовая / буйная / забубенная голова/головушка*.

Общая семантическая асимметрия фразеологической системы (сдвиг в сторону отрицательных значений — см. также Ройзензон, I) может быть объяснена более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, т. е. резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденцией к использованию готовых речевых форм и в том числе устойчивых словесных комплексов. Кроме того, именно в этих сферах активно действует закон «притяжения синонимов» (Ульманн, 266), в соответствии с которым явления, играющие важную роль в интересах и деятельности коллектива, обозначаются большим числом синонимов (как лексических, так и фразеологических, как полных, так и особенно неполных).

2. ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. Понятие фразообразовательной модели.

Сравнительно новый для фразеологической теории вопрос семантического моделирования ФЕ (в диахроническом и синхроническом аспектах) может быть успешно решен только, если подходить к фразеологизмам как к диалектическому единству закономерного и системного (общие формальные и семантические закономерности формирования) и более случайного, а иногда и уникального (конкретный

материальный состав и конкретное фразеологическое значение). Традиционные доказательства немоделируемости ФЕ сводились обычно к констатации, что на базе одной ФЕ не могут быть свободно построены по той же модели подобные по структуре и семантике фразеологизмы (напр., *jmdm. den Kopf waschen*, но не **jmdm. das Gesicht waschen*; **jmdm. die Ohren waschen* и т. п.) К этому иногда добавляется, что если бы соответствующие ФЕ существовали, они были бы семантически либо тождественны первой, либо несопоставимы с ней по значению, как несопоставимы, например, внешне однотипные пары ФЕ *große Augen machen* — „erstaunt sein“ и *kleine Augen machen* — „schläfrig sein“; ср. также: *обломать рога кому-л.* — «укротить, усмирить, победить» и *наставить рога кому-л.* — 1. «изменять мужу»; 2. «стать любовником чьей-л. жены».

Тем не менее, для фразеологии характерно интенсивное образование на базе и по образцу существующих фразеологизмов новых ФЕ, близких по сигнификативному значению и отличающихся главным образом повышенной экспрессивностью (ради которой они и создаются). Возникающие таким образом ряды ФЕ, близких по синтаксической структуре и компонентному составу и объединенных тождественным или однотипным фразеологическим значением, обладают аналогичной семантико-синтаксической организацией, т. е. формируются по единой структурно-семантической модели, ср., напр., ФЕ *jmdm. platzt der Kragen*; *jmdm. platzt die Hutschnur*; *jmdm. geht der Hut hoch*; *bei jmdm. ist der Riemen runter*; *jmdm. geht der Knopf auf*. Общей фразеологической семантике «кто-либо теряет терпение, злится» здесь соответствует и типовое прямое значение переменных словесных комплексов, из которых сформировались названные ФЕ, — «у кого-л. часть одежды приходит в беспорядок» («даже одежда не выдерживает»), и единая синтаксическая организация устойчивой части — $S_n V_f$ (устойчивая предикативная конструкция).

Выявление таких фразообразовательных моделей представляет несомненный интерес для описания типичных путей пополнения фразеологического состава языка, а также для характеристики его современной образной организации. С другой стороны, лишь в редких случаях можно образовывать по установленным фразообразовательным моделям новые (хотя бы и окказиональные) ФЕ заданного содержания, напр., «поколотить» — *сделать из кого-л. котлету*; *сделать из кого-л. отбивную* / *антрекот* / *гуляш* / *рагу* и т. п. В целом речь идет о моделях описания и диахронического фразообразования, а не регулярного порождения новых ФЕ в речи. В этих пределах фразообразовательное моделирование представляется одним из перспективных путей характеристики отдельных фразеологических систем и их частей (ср. Гаврин, I; Буторева; Мокиенко, II; Гвоздарев, IV; Антропова), а также их межъязыкового сопоставления (ср. Мокиенко, I; Куркова).

Следует, таким образом, отказаться от абсолютизированного противопоставления регулярных и нерегулярных (фразеологических) комплексов, поскольку в языке вообще нет абсолютно нерегулярных сложных образований — нерегулярность всегда затрагивает лишь

определенные уровни и представлена в определенной степени. Так, основная масса ФЕ строится из совершенно регулярных по форме лексических компонентов и грамматических структур; несравненно ниже мера регулярности совокупной формально-смысловой организации ФЕ, т. е. связи между стандартным значением конstituентов и совокупным значением ФЕ. Однако и здесь в большинстве случаев могут быть выделены частные структурно-семантические инварианты (микромодели), охватывающие весьма ограниченное число конкретных ФЕ и не поддающиеся свободной реализации на новом языковом материале.

Методика выделения таких моделей пока далека от совершенства. Установить формальный структурно-синтаксический инвариант ряда ФЕ при фразообразовательном моделировании несложно; можно считать тождество или сходство структурно-синтаксического аспекта ряда ФЕ обязательным (но недостаточным) условием такого моделирования, а соответствующую структурно-синтаксическую схему частью (составляющей) фразообразовательной модели.

Основную трудность представляет выявление семантических инвариантов рядов (групп, разрядов) ФЕ. Рассмотрим возможные направления соответствующего смыслового обобщения. В содержании ФЕ можно, по-видимому, выделить три различных аспекта: 1) исходные (прямые) значения компонентов; 2) исходный смысл всего переменного словесного комплекса, лежащий в основе фразеологизации; 3) совокупное сигнификативное значение ФЕ, т. е. фразеологическое значение комплекса (ср. Гвоздарев, IV, 74—75). Так, у ФЕ *у кого-л. уши на макушке* ощутимы а) соматические значения субстантивных компонентов; б) исходный прямой смысл ПСК, характеризующий в частности реакцию насторожившегося животного; в) сигнификативное фразеологическое значение «кто-л. насторожен, очень внимателен, готов к чему-л. непредвиденному, неожиданному», возникшее в результате переноса признаков поведения животного на человека. Представляется, что и интересующие нас семантические инварианты, входящие во фразообразовательную модель, могут устанавливаться во всех трех названных аспектах семантики ФЕ.

Прежде всего, семантическое моделирование ФЕ предполагает смысловое обобщение аналогичных компонентов ряда ФЕ и установление семантического инварианта каждой компонентной позиции ряда. Так, в ряду *брать за горло; дать по рукам; наступить на мозоль; плевать в глаза; садиться на голову; тыкать в нос; укоротить язык; наступать на пятки* и т. п. глагольные компоненты выражают воздействие, а именные — часть тела (объекта), которая этому действию подвергается. Следовательно, компонентный семантический инвариант этих и подобных ФЕ — «воздействовать на часть тела». Аналогичным образом в ряду *jmdm. auf den Schlips treten; jmdm. auf der Tasche liegen; jmdm. den Kragen umdrehen; jmdm. auf den Nähten knien; jmdm. eins auf den Hut geben* компонентный семантический инвариант — «воздействовать на часть одежды».

Компонентный семантический инвариант обобщает лексико-синтаксическую организацию ПСК, лежащих в основе ФЕ, т. е. дает

типизированный образный материал, на базе которого сформировались (а может быть, и продолжают формироваться) ФЕ той или иной семантики. Выявление таких компонентных схем и их детальная характеристика чрезвычайно интересны и необходимы для описания образной организации фразеологического состава каждого языка. Однако их недостаточно. Остается непонятным, почему по одинаковой компонентной схеме образованы ФЕ весьма разного содержания, напр.: *jmdm. auf den Schlips treten* — „jmdn. kränken“; *jmdm. auf den Socken sein* — „jmdn. verfolgen“; *jmdm. auf der Tasche liegen* — „jmdn. finanziell belasten“; ср. также в нем. и рус. языках: *дамь по шапке кому-л.* — «выгонять, прогонять откуда-л., увольнять, снимать с должности» и *jmdm. eins auf den Hut / die Haube geben* — 1. „jmdm. einen Schlag geben“; 2. „jmdn. schelten“.

Совокупное фразеологическое значение часто вообще не выводится из значений отдельных компонентов и не имеет общих с последними дифференциальных сем (какая связь, например, между «галстук», «наступать» и «обижать»?). Образное метафорическое переосмысление ПСК, составляющее основной семантический механизм фразеологизации, как правило, опирается не на семантические признаки отдельных компонентов сочетания, а на вытекающее из всей обозначаемой им ситуации совокупное денотативное и коннотативное содержание словесного комплекса. Так, в приведенном выше ряду ПСК, построенных по компонентной схеме «воздействовать на часть тела», отрицательная оценка ситуации (с точки зрения объекта) заключена не в значениях компонентов, которые в основном нейтральны в этом отношении, а лишь в их сочетании, т. е. в ситуационном смысле всего ПСК. Между тем, именно отрицательный характер воздействия на объект является обязательной для всех рассматриваемых комплексов семой, акцентируемой при их фразеологическом переосмыслении. Более конкретные семы, которые при фразеологизации легли в основу фразеологического значения, также обнаруживаются не в отдельных компонентах, а в результате их взаимодействия в ПСК (характер действия с учетом значимости части тела). Например, ПСК, построенные по более частной компонентной схеме «приводить в определенное положение относительно части тела (объекта)», чаще всего обозначают ситуацию, когда субъект силой заставляет объект принять неестественную, неприятную для последнего позу, т. е. побеждает, подчиняет его себе. Этот свойственный целому ряду ПСК совокупный ситуационный смысл и является тем набором сем, в котором при фразеологическом переосмыслении акцентируется наиболее абстрактная сема «побеждать, подчинять, притеснять и т. п.», образующая типовое фразеологическое значение соответствующей группы ФЕ, напр., *ставить на колени; положить на обе лопатки; jmdn. in die Knie zwingen; jmdn. aufs Kreuz legen; jmdm. den Rücken beugen*.

Таким образом, решающую роль для формирования фразеологического значения «побеждать, подчинять» играют не типовые значения лексем, составляющих ПСК, а совокупный ситуационный смысл последнего. Именно он должен рассматриваться в ряду ФЕ как се-

мантический инвариант на уровне исходного, прямого значения всего комплекса, непосредственно лежащий в основе типового фразеологического значения группы ФЕ. Более конкретные элементы ситуации «придание кому-то неестественного, физически неприятного положения» могут варьироваться в довольно широком диапазоне. Приведенный ряд ФЕ с компонентным инвариантом «приводить в определенное положение относительно части тела (объекта)» реализует лишь один из возможных способов выражения данной ситуации. Обобщая компонентные значения других рядов ФЕ, мы получим набор частных способов реализации одного и того же совокупного ситуационного смысла — семантического ситуационного инварианта всех соответствующих ПСК. К ним относятся, например, следующие компонентные инварианты (помимо названного) — «приводить кого-л. в определенное положение относительно части тела субъекта», напр.: *накладывать лапу; зажимать в кулак; брать голыми руками; jmdn. mit Füßen treten; jmdn. um den (kleinen) Finger wickeln; jmdm. den Daumen aufs Auge drücken*; «приводить кого-л. в определенное положение относительно части одежды субъекта», напр.: *заткнуть за пояс; держать под каблук; jmdn. unter den Pantoffel kriegen; jmdn. in die Tasche stecken*; «помещать кого-л. в определенное место, среду», напр.: *припирать / прижимать в угол; припирать / прижимать к стенке; посадить в лужу; посадить на мель; jmdn. an die Wand drücken; jmdn. auf die Matte legen; jmdn. ins Bockhorn jagen; jmdn. in die Patsche bringen; jmdn. in die Tinte führen / bringen / hineinreiten; jmdn. auf die Palme bringen / auf die höchste Palme jagen*; «воздействовать на кого-л. каким-л. орудием производства», напр.: *зажать / взять в тиски; держать на привязи; jmdn. unter das Joch beugen; jmdn. in den Schraubstock nehmen*; «придавать (объекту) какую-л. иную форму (обычно — неодушевленного предмета)», напр.: *скрутить в бараний рог; (со)гнуть в дугу; гнуть в три погибели; вить веревки* (этот инвариант характерен только для рус. ФЕ).

Все перечисленные (и некоторые другие) компонентные инварианты соотносятся с единым ситуационным инвариантом «приводить в неестественное, физически неприятное положение / состояние», лежащим в основе широкого круга нем. и рус. ФЕ с типовой семантикой отрицательного нефизического воздействия на человека, в том числе «подчинять, побеждать, помыкать, обманывать, злить и т. п.

Наконец, могут устанавливаться семантические инварианты ФЕ путем обобщения фразеологических значений большей или меньшей группы ФЕ на базе соответствующего сигнификативного признака (архисемы). Так, существует ряд глагольных ФЕ с общим фразеологическим значением «злить кого-л.» (*выводить из себя; jmdn. aus dem Häuschen bringen* и др.), входящий в более широкую группу ФЕ с семантическим инвариантом «отрицательно воздействовать на чье-л. эмоциональное состояние», которая, в свою очередь, включается в еще более массовое объединение ФЕ с типовой семантикой «отрицательное нефизическое воздействие на кого-л.», представляющее часть глагольного фразеологического поля «отрицательного воздействия

на кого-л.». Семантические инварианты еще более высокого ранга имеют уже характер субкатегориальный («активная деятельность») и категориальный («глагольность»). Наряду с отношением включения, связывающего семантические инварианты и соответствующие группы ФЕ разных уровней обобщения, имеют место также отношения противопоставления на одинаковом уровне обобщения, типичные для равноправных членов одного объединения, в которых варьируется один и тот же фразеосемантический инвариант, напр.: «злить», «беспокоить», «обижать», «надоедать» и др., включаемые в более общий фразеосемантический инвариант «отрицательно воздействовать на чье-л. эмоциональное состояние».

Итак, семантические инварианты, существенные для выявления фразообразовательных моделей, устанавливаются путем обобщения трех различных семантических структур, представленных одним и тем же формативом: 1) компонентных значений ряда словесных комплексов; 2) совокупного ситуационного смысла ряда ПСК; 3) совокупного значения ряда ФЕ. Обобщение компонентных значений ряда комплексов дает их компонентный семантический инвариант, в котором наиболее явно отражается материальная (лексическая и структурно-синтаксическая) база фразеологического переосмысления. Обобщение совокупного ситуационного содержания ряда ПСК дает их ситуационный семантический инвариант, который представляет собой семантическую базу фразеологического переосмысления и содержит акцентируемую при фразеологизации сему. Наконец, обобщение значений ряда конкретных ФЕ дает их фразеологический семантический (фразеосемантический) инвариант, который представляет собой типовой семантический результат фразеологического переосмысления соответствующих ПСК.

Фразообразовательное моделирование можно определить как установление типичных корреляций между семантическими инвариантами трех типов, т.е. между компонентными, ситуационными и фразеосемантическими инвариантами.

При этом между инвариантами всех трех ступеней отсутствует обязательная одно-однозначная связь. Это означает, что один компонентный инвариант (КИ) может «обслуживать» один, два или даже несколько ситуационных инвариантов (СИ), и наоборот — один ситуационный инвариант может возникать (и, как правило, действительно возникает) на основе различных компонентных инвариантов. В свою очередь, один ситуационный инвариант может порождать ФЕ как одного, так и различных типовых значений (см. примеры выше). Часто это происходит в рамках одной ФЕ, и тогда разные семемы фразеологизма относятся к различным фразеосемантическим инвариантам (ФИ), базирующимся на одном и том же компонентном и ситуационном инварианте, напр.: *jmdn. auf die Matte legen* — 1. „jmdn. besiegen“; 2. „jmdn. übervorteilen, täuschen“; 3. „jmdn. heftig zurechtweisen“.

Схематически основные ступени фразообразовательного моделирования могут быть представлены следующим образом:

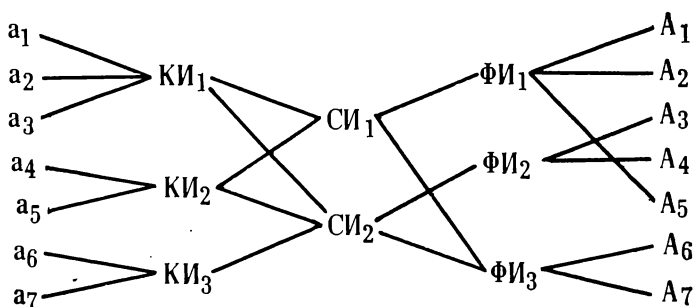

Схема существенно усложнится, если ввести в нее разные ступени обобщения для семантических инвариантов всех трех типов, ср., напр., для компонентных инвариантов «ударить по части тела человека» — «воздействовать (любым способом) на часть тела человека» — «воздействовать на любой предмет, имеющий отношение к объекту-лицу» (см. подробнее в п. 2). Фразообразовательное моделирование должно, по-видимому, представлять установление и взаимное соотношение на различных уровнях абстракции указанных трех наборов семантических инвариантов, охватывающих все цельнообразные ФЕ языка, с последующим сопоставлением набора выявленных моделей двух или более языков. Такое моделирование, полностью отвлекающееся от материального состава ФЕ, может охватить любое количество языков и позволяет сгруппировать фразообразовательные модели по числу языков, в которых они представлены, в частности, установить одноязычные, двуязычные, многоязычные, а может быть, и всеобщие модели формирования ФЕ, проследить за закономерностями распределения конкретных ФЕ по моделям названных типов и т. п. Однако пока что о решении такой сложной задачи говорить не приходится, и поэтому наши наблюдения и выводы будут ограничены материалом одной, впрочем, довольно обширной фразеосемантической группы нем. и рус. языков — «отрицательное нефизическое воздействие (на человека)», к которой относятся глагольные ФЕ из семантического пространства глагольной деятельности (Минина, II), обозначающие действие, исходящее от субъекта-лица, направленное на объект-лицо и отрицательное по характеру и последствиям для морального, эмоционального, общественного, экономического и т. п. состояния этого объекта. Таким образом, все ФЕ рассматриваемой группы имеют общую архисему «отрицательное нефизическое воздействие» и однотипное окружение — обязательное (в предложении) подлежащее — имя лица и обязательное или факультативное дополнение — имя лица. Это позволяет дать в общем виде единую структурно-семантическую и валентно-дистрибутивную формулу всех ФЕ группы:

Левый актант S_n	ФЕ $V+(pr) S (+S)$	Правый актант (pr) S_{obj}
субъект действия (лицо)	отрицательное нефизическое воздействие	объект действия (лицо)

Ср., напр.: *брать за горло кого-л.*; *гнуть в бараний рог кого-л.*; *устраивать сцену кому-л.*; *драть шкуру с кого-л.*; *надевать смири-тельную рубашку на кого-л.*; *jmdn. aufs Glatteis führen*; *jmdm. Sand in die Augen streuen*; *jmdm. den Marsch blasen*; *mit jmdm. kurzen Prozeß machen*.

Сопоставляемые фразеосемантические группы (далее ФСГ) насчитывают около 400 единиц в каждом языке. Они выделяются относительно четко.* Лишь небольшое количество ФЕ данной группы имеет семантические варианты, выходящие за пределы ФСГ. Обычно это значение отрицательного физического воздействия на человека («бить, убить и т. п.»), напр.: *намять холку кому-л.* — 1. «побить, избить, поколотить кого-л.»; 2. «задать взбучку, дать нагоняй»; *jmdm. eins aufs Dach geben* — 1. „jmdm. einen Schlag geben“; 2. „jmdm. zurechtweisen, schelten“. К изучаемой ФСГ непосредственно примыкают немногочисленные ФЕ с субъектом — именем не-лица, напр.: *набить оскомину кому-л.*; *jmdm. das Herz abdrücken*. Хотя они и не включены в анализ, существенных отличий от основной ФСГ в них не обнаруживается.

2. Компонентные инварианты.

Компонентный состав словесных комплексов, из которых формируется фразеосемантическая группа «отрицательное нефизическое воздействие (на человека)» весьма разнообразен тематически. Здесь невозможно обнаружить ни в нем., ни в рус. языке ничего похожего на единый для всей ФСГ компонентный семантический инвариант, так как компоненты существенно различаются и по своим семантическим, и по своим структурным характеристикам. С учетом этих различий с самого начала приходится разграничивать два наиболее общих компонентных инварианта, каждый из которых членится на более конкретные и узкие инварианты (в соответствии с разрядной семантической принадлежностью глагольных и субстантивных компонентов, которые, в свою очередь, могут включать несколько частных инвариантов низшего уровня обобщения. Ниже приводится иерархия компонентных инвариантов рассматриваемой ФСГ, иллюстрируемых примерами и сопровождаемых комментариями сопоставительного характера.

I. «Действие (глагольный компонент), направлено на какой-л. предмет (субстантивный компонент), имеющий отношение к объекту-лицу (имя которого не входит непосредственно в структуру ФЕ, а выступает как структурно необходимый и лексически переменный актант)», в том числе

* Как видно из сказанного, в основу выделения рассматриваемых ФСГ положены иные признаки, чем в словаре Ф. Дорнзайфа (более широкое сигнификативное значение и более узкая структурно-грамматическая характеристика).

А. «воздействовать на неодушевленный предмет (имеющий отношение к объекту)»*:

1. «ударить по части тела (объекта)», напр.: *дать по рукам; тыкать в глаза/нос; jmdm. auf die Finger klopfen; jmdn. übers Ohr hauen;*

2. «наступить на часть тела (объекта)», напр.: *наступать на ногу; наступать на горло; jmdm. auf den Fuß treten; jmdm. auf die Hühneraugen treten;*

3. «поразить жизненно важную часть тела (объекта)»; напр.: *сломать хребет; оторвать голову; jmdm. das Genick brechen; jmdn. ins Herz treffen;*

4. «привести (объект) в какую-л. позу относительно части его тела», напр.: *ставить на колени; уложить на обе лопатки; jmdn. in die Knie zwingen; jmdm. den Rücken beugen;*

5. «занять какую-л. позу относительно части тела (объекта)», напр.: *сидеть на шее; садиться на голову; jmdm. auf der Nase heruntanzen; jmdm. auf dem Nacken sitzen;*

6. «ограничивать движения какой-л. части тела (объекта)», напр.: *связывать по рукам и ногам; подрезать крылья; jmdm. die Flügel stützen/beschneiden;*

7. «извлекать внутренние органы (объекта)», напр.: *выматывать (все) кишки; вытягивать душу; тянуть жилы (в нем. языке подобный инвариант не обнаружен);*

8. «нагружать какую-л. часть тела (объекта)»; напр.: *взваливать на плечи; jmdm. etw. an den Hals hängen/laden;*

9. «очищать, мыть какую-л. часть тела (объекта)», напр.: *(на)мылить голову/шею; мыть/перемывать косточки; jmdm. den Kopf waschen; jmdm. die Rübe schaben;*

10. «воздействовать на часть тела (объекта) каким-л. неодушевленным предметом», напр.: *приступать/приставать с ножом к горлу; пускать пыль в глаза; jmdm. die Pistole auf die Brust setzen; jmdm. Sand in die Augen streuen;*

11. «воздействовать на часть одежды (объекта)», напр.: *дать по шапке; бить по карману; jmdm. auf den Schlips treten; jmdm. den Kragen rausmachen; jmdm. etw. am Zeuge flicken (в нем. языке существенно больше);*

12. «воздействовать на какой-л. иной неодушевленный предмет, имеющий отношение к объекту», напр.: *подкручивать гайки; закрывать двери дома; наклеивать ярлык; jmdm. die Möbel gerade rücken; jmdm. an den Karren fahren;*

13. «портить какой-л. предмет, явление (относящиеся к объекту)», напр.: *портить (всю) обедню; путать/мешать (все) карты; jmdm. den Fahrplan verderben; jmdm. die Petersilie verhageln;*

14. «помещать какой-л. предмет в какое-л. место (относительно объекта)», напр.: *бросать камешки в чей-л. огород; вставлять палки в колеса; jmdm. Sand ins Getriebe werfen; jmdm. eine Laus in den Pelz setzen; jmdm. den Stuhl vor die Tür setzen.*

* Этим предметом особенно часто бывают части тела (см. № 1—10).

Б.: 15. «создавать / готовить какой-л. неодушевленный предмет (для объекта)», напр.: *устроить баню*; *рыть / копать могилу*; *jmdm. eine Falle stellen*; *jmdm. Dampf machen*; *jmdm. eine Nase machen* (в нем. языке гораздо больше).

II. «Действие (глагольный компонент) направлено на сам объект (лицо, имя которого не входит непосредственно в структуру ФЕ, а выступает как структурно необходимый и лексически переменный актант) и производится в какой-либо связи с другим предметом или явлением (субстантивный компонент), в том числе

В. «воздействовать (на объект) неодушевленным предметом»:

16. «воздействовать (на объект) частью тела (субъекта)», напр.: *подставить ножку*; *брать в руки*; *jmdn. mit Füßen treten*; *jmdn. auf die Hörner nehmen*; *jmdn. auf den Arm nehmen*;

17. «воздействовать (на объект) частью одежды (субъекта)», напр.: *держат под бабшмаком*; *держат в ежовых рукавицах*; *jmdn. unter dem Pantoffel haben* (единичные ФЕ в обоих языках);

18. «воздействовать (на объект) каким-л. орудием производства», напр.: *взять в тиски*; *вытягивать клещами*; *jmdn. in die Schere nehmen*; *jmdn. durch den Wolf drehen* (в нем. языке больше);

19. «воздействовать (на объект) каким-л. военным оружием», напр.: *подводить мину*; *встречать в штыки*; *den Speiß gegen jmdn. kehren*;

20. «воздействовать (на объект) каким-л. иным предметом», напр.: *обливать грязью*; *окатить холодной водой*; *бросать камнем*; *jmdn. mit Dreck bewerfen*; *einen Stein auf jmdn. werfen* (в рус. языке больше);

Г. «воздействовать (на объект) относительно его местонахождения»:

21. «помещать (объект) в какое-л. место / среду», напр.: *заткнуть за пояс*; *припереть в угол*; *сдавать в архив*; *jmdn. in die Tasche stecken*; *jmdn. auf ein Nebengleis schieben* (очень много в обоих языках);

22. «удалять (объект) из какого-л. места», напр.: *вышибать из седла*; *выбивать из колеи*; *jmdn. aus dem Sattel heben*; *jmdn. aus dem Häuschen bringen*; *jmdn. aus der Bahn werfen*;

Д. «воздействовать (на объект) каким-л. образом»:

23. «воздействовать (на объект) с помощью какого-л. процесса», напр.: *брать под обстрел*; *нанести удар*; *jmdm. Nadelstiche versetzen*; *jmdm. einen Schuß vor den Bug geben*;

24. «воздействовать (на объект) каким-л. иным образом», напр.: *без ножа зарезать*; *заживо хоронить*; *in der Luft zerreißen*; *jmdm. etw. mit gleicher Münze heimzahlen* (в рус. языке больше);

Е. «воздействовать (на объект), придавая ему какое-л. новое качественное состояние»:

25. «превращать (объект) в другое одушевленное существо», напр.: *jmdn. zur Schnecke machen*; *jmdn. zum Otto machen* (в нем. языке единичные случаи, в рус. языке не обнаруживается);

26. «превращать (объект) в неодушевленный предмет», напр.: *стереть в порошок; обращать в прах; jmdn. zu Kleinholz verarbeiten* (единичные ФЕ в обоих языках);

27. «придавать (объекту) форму неодушевленного предмета», напр.: *скрутить в бараний рог; вить веревки* (в нем. языке не обнаружен);

28. «приводить (объект) в какое-л. состояние», напр.: *доводить до белого каления; вгонять в краску; jmdn. zur Weißglut bringen; jmdn. madig machen*;

Ж.: 29. «снабжать (объект) каким-л. неодушевленным предметом», напр.: *подносить пилюлю; кормить завтраками; дать сдачу; jmdm. eine Zigarre verpassen; jmdm. sein Teil geben*;

З. «лишать (объект) какого-л. неодушевленного предмета»:

30. «снимать (с объекта) какие-л. покровы», напр.: *драть шкуру; сорвать маску; jmdm. die Haut abziehen; jmdm. den Rost runtermachen*;

31. «отбирать (у объекта) какой-л. предмет», напр.: *отбивать хлеб; вышибать почву из-под ног; jmdm. das Heft aus der Hand nehmen; jmdm. das Gas abdrehen* (в нем. языке больше);

И. «передавать (объекту) какую-л. информацию»:

32. «давать (объекту) какие-л. сведения», напр.: *дать урок; jmdm. eine Lektion erteilen; jmdn. Mores lehren; jmdm. den Standpunkt klarmachen* (в нем. языке значительно больше);

33. «показать (объекту) какой-л. предмет или ситуацию», напр.: *показывать зубы; показать, где раки зимуют; jmdm. ein Theater vorspielen; jmdm. den Spiegel vorhalten* (в нем. языке больше);

34. «давать (объекту) слушать что-л.», напр.: *задать звону / трезвону; jmdm. den Marsch blasen; jmdm. eins husten; jmdm. etwas pfeifen* (в нем. языке больше).

Намеченные 34 частных компонентных инварианта ФСГ «отрицательное нефизическое воздействие (на человека)» охватывают около 85% состава группы в нем. языке и около 80% в рус. языке. Наполняемость каждого компонентного инварианта колеблется в диапазоне от 2 до нескольких десятков единиц. Самый массовый инвариант в обоих языках — № 21 «помещать (объект) в какое-л. место / среду»; широко представлены в обоих языках также компонентные инварианты №№ 1, 12, 16, 18, 23, 24, 29, 30, 31 (более 10 ФЕ в каждом языке); слабо развиты в обоих языках инварианты №№ 4, 8, 9, 17, 19, 26, 28 (от 2 до 5 ФЕ). Заметные количественные различия, т. е. большая типичность инварианта в одном из языков, характерны для №№ 11, 15, 32, 33, 34 (нем. язык) и №№ 20, 24 (рус. язык). Наконец, только одному из сопоставляемых языков свойственны (судя по использованному материалу) инварианты № 25 (только в нем. языке) и №№ 7 и 27 (только в рус. языке). Все компонентные инварианты более высоких ступеней абстракции обнаруживаются в обоих языках; можно лишь отметить существенно большую развитость в нем. языке групповых инвариантов Б — «создавать / готовить какой-л. неодушевленный предмет (для объекта)» и И — «передавать (объекту) какую-л. информацию». В целом сходства явно гос-

подствуют над различиями, даже на самом конкретном уровне компонентных инвариантов. Пожалуй, наиболее существенное межъязыковое различие состоит для компонентных инвариантов в том, что русские фразеологизмы несколько слабее поддаются инвариантной группировке и соответственно у них ниже средняя наполняемость каждого инварианта; в рус. языке оказывается несколько больше ФЕ, не образующих хотя бы минимальных рядов с однотипным компонентным составом, напр.: *загибать салазки; подрубить под корень; послать подальше; поднимать на смех; предавать огню и мечу; сводить с ума; списывать в тираж; срывать сердце; стереть с лица земли; бить челом на кого-л.; втирать очки и др.*; ср. также немецкие ФЕ: *jmdm. in die Parade fahren; die Meute auf jmdn. hetzen; jmdm. das Handwerk legen; gegen jmdn. vom Leder ziehen*.

В обоих языках компонентные инварианты, типичные для данной ФСГ, могут обнаруживаться и у фразеологизмов иной семантики, т. е. и в других ФСГ. Так, обобщенный компонентный инвариант «воздействовать на часть тела (объекта)» лежит в основе не только нескольких десятков ФЕ рассмотренной ФСГ, а также ряда ФЕ смежной ФСГ «отрицательное физическое воздействие (на человека)», напр.: *пересчитать ребра; спустить шкуру; jmdm. den Hals umdrehen; jmdm. die Haut gerben*, но «обслуживает» еще целый ряд ФЕ со значением неотрицательного воздействия (на человека), ср. напр., *открывать глаза кому-л.; вешаться на шею кому-л.; лизать пятки кому-л.; тянуть руку кого-л., чью-л.*; *jmdm. unter die Arme greifen; jmdm. die Augen öffnen; jmdm. den Rücken steifen; jmdm. auf den Zahn fühlen*.

Если же отвлечься от заданной валентно-дистрибутивной характеристики, включающей два актанта со значением лица, то обнаружится еще большее разнообразие фразеологических значений, базирующихся на том же компонентном инварианте «воздействовать на часть тела»; напр.: *ударять/бить по рукам* — «заключать соглашение, сделку»; *бить в глаза* — «резко выделяться, быть заметным»; *ударять в голову* — «оказывать опьяняющее воздействие»; *jmdm. in die Nase stechen* — „jmdn. locken, reizen“; *ins Auge springen* — „auffallen“; *etw. auf den Kopf stellen* — „alles durcheinanderbringen, ausgelassen sein“ usw.

Аналогично обстоит дело и с другими компонентными инвариантами обобщенного типа. По-видимому, можно заключить, что существуют более и менее типичные корреляции компонентных инвариантов с инвариантным фразеологическим значением группы. Жесткая привязанность компонентного инварианта к определенному фразеологическому значению характерна лишь для отдельных небольших рядов ФЕ, напр., компонентный инвариант «ограничивать движения какой-либо части тела (объекта)» всегда реализуется во фразеологическом значении типа «мешать, ограничивать, противодействовать» (см. подробнее ниже). Как правило, компонентный инвариант лишь ориентирует на некоторый круг фразеологических значений, которые могут формироваться на его базе в достаточно широком семантическом диапазоне.

3. Ситуационные инварианты.

Единый ситуационный инвариант всех ПСК, лежащих в основе рассматриваемой ФСГ, удастся выделить лишь весьма приблизительно — подавляющее большинство ФЕ группы «отрицательное нефизическое воздействие (на человека)» базируется на общем ситуационном инварианте «отрицательное физическое воздействие». Однако наряду с этой наиболее типичной корреляцией определенная часть фразеологических значений ФСГ формируется и на базе ситуационного инварианта «сообщать отрицательную (неприятную или ложную) информацию». Более частными случаями общего ситуационного инварианта «отрицательное физическое воздействие» оказываются в обоих языках — физическое уничтожение, умерщвление (объекта); причинение неприятных физических ощущений (объекту); неблагоприятное изменение физического положения, позы и т. п. (объекта); нападение (на объект); ограничение функций (объекта), в том числе его движений и зрительного восприятия; неблагоприятное изменение местопребывания (объекта), в том числе перемещение в плохое место и удаление из хорошего места; неблагоприятное изменение имущественного состояния (объекта), в том числе снабжение чем-либо плохим и лишение чего-либо хорошего; отрицательное изменение качественного состояния (объекта или относящегося к нему предмета), в том числе неблагоприятное для объекта или объективно благоприятное, но неприятное для него.

В общей сложности в нем. и в рус. языках выделяются одни и те же 13 ситуационных инвариантов более частного характера; каждый из них представлен рядами ФЕ численностью от 7 до 75 единиц. Ниже они перечисляются в порядке снижения фразеобразовательной активности:

1. «приводить (объект) в неестественное, физически неприятное положение, позу и т. п.» (см. примеры на стр. 64—65);

2. «причинять (объекту) неприятные физические ощущения», напр.: *jmdm. Nadelstiche versetzen; jmdm. auf die Hühneraugen treten; jmdm. auf die Finger klopfen; in der (alten) Wunde bohren; jmdn. mit Füßen treten; jmdm. auf die Füße treten; jmdm. den Kopf schwer machen; bepe-digen ranu; выматывать (все) кишки; гладить против шерсти; про-жужжать все уши; давать по рукам; колоть глаза; бросать камнем; задать перцу; дать жару;*

3. «мешать движению, функционированию (объекта)», напр.: *jmdm. Steine in den Weg legen; jmdm. Sand ins Getriebe werfen; jmdm. das Handwerk legen; jmdm. in den Arm fallen; jmdm. ein Bein stellen; jmdn. aus dem Takt bringen; jmdm. im Wege stehen; jmdm. die Flügel stützen; связывать руки; стоять поперек пути /дороги; сбивать с пути; вставлять палки в колеса; не давать шагу ступить; подрезать крылья;*

4. «физически уничтожать, умерщвлять, хоронить (объект)», напр.: *jmdn. in der Luft zerreißen; jmdm. den Lebensfaden abschneiden; jmdm. den Todesstoß geben; jmdm. das Genick brechen; jmdm. die Gurgel zu-drücken; jmdm. die Haut abziehen; jmdn. ins Grab bringen; переломить хребет; перегрызть горло; сорвать голову; вгонять в гроб; рыть/ко-*

пать могилу; сжигать со света; утопить в ложке воды; стереть в порошок;

5. «снабжать (объект) чем-л. неприятным», напр.: *jmdm. den Schwarzen Peter zuschieben / zuspiesen*; *jmdm. eine bittere Pille geben*; *jmdm. eine Zigarre verpassen*; *jmdm. etw. in die Schuhe schieben*; *jmdm. Hörner aufsetzen*; давать сдачи; дать прикурить; кормить завтраками; наставлять рога; наставить / наклеить нос; подносить пилюлю;

6. «сообщать (объекту) какую-л. отрицательную (неприятную или ложную) информацию», напр.: *jmdm. die Flötentöne beibringen*; *jmdm. eine Standpauke halten*; *jmdm. ein Theater vorspielen*; *jmdm. zeigen, was eine Harke ist*; *jmdm. eine Lektion erteilen*; *jmdm. die Hörner / Zähne / Krallen zeigen*; дать урок; прописать ижицу; показать, где раки зимуют; читать мораль (в нем. языке этот инвариант представлен шире);

7. «нападать (на объект), воевать (с объектом)», напр.: *die Meute auf jmdn. hetzen*; *jmdm. den (Fehde)Handschuh hinwerfen*; *jmdm. an den Kragen / Hals gehen*; *jmdm. an den Wagen fahren*; *jmdn. unters Feuer nehmen*; *Front gegen jmdn. machen*; *eine Mine gegen jmdn. legen*; брать на абордаж; брать под обстрел; подводить мину; встречать / принимать в штыки; бросать перчатку; приступить с ножом к горлу; поднимать руку на кого-л.;

8. «перемещать (объект) из хорошего места в плохое», напр.: *jmdn. zum alten Eisen werfen*; *jmdn. an die (frische) Luft setzen*; *jmdn. in die Wüste schicken*; *jmdn. auf ein Nebengleis schieben*; *jmdn. aus dem Sattel werfen / heben*; выбрасывать за ворота; выбивать / вышибать из седла; сдавать в архив; указывать на дверь;

9. «отнимать (у объекта), лишать (объект) чего-л. ценного», напр.: *jmdm. das Wasser abgraben*; *jmdm. das Gas abdrehen*; *keinen guten Faden an jmdm. lassen*; *jmdn. bis aufs Hemd ausziehen*; *jmdm. die Haare vom Kopf fressen*; *jmdm. den Zahn ziehen*; *jmdm. etw. aus den Zähnen reißen*; оставлять на бобах; сдирать шкуру / три шкуры; обдирать / облупить как липку; отбивать хлеб; снимать последнюю рубашку;

10. «приводить (объект) неприятным способом в порядок», напр.: *jmdn. in die Kur nehmen*; *mit jmdm. reinen Tisch machen*; *jmdm. den Kopf waschen*; *jmdm. die Möbel gerade rücken*; *jmdm. den Kopf zurechtsetzen / zurechtrücken*; задавать баню; намылить шею / голову; поставить на (свое) место; продирать с песком; разделявать под орех; выбивать дурь из головы;

11. «загрязнять, затемнять (объект)», напр.: *jmdn. in den Dreck ziehen / treten*; *jmdn. mit Dreck bewerfen*; *jmdn. durch die Gosse ziehen*; *auf jmdn. einen Schatten werfen*; обливаться грязью; втаптывать в грязь; бросать тень;

12. «мешать (объекту) видеть», напр.: *jmdn. hinters Licht führen*; *jmdm. im Lichte stehen*; *jmdm. Sand in die Augen streuen*; *jmdm. blauen Dunst vormachen*; втирать очки; закрывать глаза кому-л. на что-л.; замазывать глаза; пускать пыль в глаза;

13. «приводить в негодность», напр.: *jmdm. die Petersilie verhaseln*; *jmdm. den Fahrplan verderben*; *jmdm. in die Suppe spucken*; портить (всю) обедню; портить кровь; трепать нервы.

При общем тождестве наборов ситуационных инвариантов в обоих языках, т. е. образных идей, формирующих значения ФСГ «отрицательного нефизического воздействия», различия между нем. и рус. языками в этом отношении сводятся главным образом к неполному тождеству корреляций между ситуационными и компонентными инвариантами. Другими словами, межъязыковые расхождения затрагивают преимущественно наборы компонентных инвариантов, обслуживающих отдельные ситуационные инварианты. Понятно, что специфические компонентно-ситуационные корреляции обнаруживаются прежде всего там, где в них участвуют компонентные инварианты, имеющиеся только в одном из сопоставляемых языков или представленные в одном из них гораздо шире (см. таблицу на стр. 82—83). Сами корреляции рассматриваются ниже.

В связи с ситуационными инвариантами ФСГ следует сделать еще некоторые замечания, касающиеся обоих языков. Во-первых, ситуационный вариант может базироваться не только на фразеологических рядах с общим компонентным инвариантом, но и на отдельных ФЕ, не объединяемых никаким компонентным инвариантом вообще, ср., напр.: «уничтожить» (*steren* с лица земли) или «нападать» (*die Meute auf jmdn. hetzen*). Поэтому ситуационные инварианты охватывают практически все ФЕ, входящие в рассматриваемую ФСГ, за исключением немотивированных единиц типа *подпускать туры на колесах*; *брат на арапа*; *прокатить на вороных*; *gegen jmdn. vom Leder ziehen*. Отметим, что подобных немотивированных (слабо мотивированных) с современной точки зрения идиом в русской ФСГ отрицательного нефизического воздействия заметно больше, чем в немецкой. Во-вторых, у некоторых ФЕ ситуационный инвариант представляет собой простую сумму инвариантных значений компонентов, т. е. различия между инвариантами обоих типов нейтрализуются. Такое совпадение компонентного и ситуационного инварианта происходит у семантически членимых ФЕ, компоненты которых обладают семантической автономностью (самостоятельным переносным значением). Примером может служить значительная часть фразеологического ряда «снабжать (объект) каким-л. неодушевленным предметом», которая состоит из ФЕ, сохраняющих и во фразеологическом значении раздельно выраженные семантические элементы «снабдить» и «нечто неприятное», напр.: *jmdm. einen Denkmittel geben*; *jmdm. eine Zigarre verpassen*; *jmdm. eine bittere Pille (zu schlucken) geben*; *дать сдачи*; *здать баню*; *подносить пилюлю*; ср. автономные значения компонентов: *Denkmittel* — „Strafe“; *eine bittere Pille* — „etwas Unangenehmes“ и др. Подобные случаи, когда трехчленные фразообразовательные модели сменяются двучленными (характерными также для комплексов, в которых нет цельнообразного переосмысления), здесь подробно не анализируются; в количественном отношении они шире представлены в немецкой ФСГ.

4. Фразеосемантические инварианты.

В основу нижеследующей характеристики положена, как и в предыдущих разделах, трехуровневая иерархия инвариантов фразео-

логических значений ФСГ отрицательного нефизического воздействия. Единый фразеосемантический инвариант, лежащий в основе выделения ФСГ и свойственный всем входящим в нее ФЕ, — «оказывать отрицательное нефизическое воздействие (на человека)». В зависимости от характера воздействия могут быть намечены более частные фразеосемантические инварианты, напр., «отрицательное эмоциональное воздействие», «отрицательное моральное воздействие», «отрицательное воздействие на практическую деятельность» и «отрицательное воздействие на общественное положение (объекта)». Еще более низкий уровень абстракции позволяет выделить 18 фразеосемантических инвариантов, которым соответствуют фразеосемантические подгруппы, объединяющие от 5 до 55 ФЕ. Ниже перечисляются частные фразеосемантические инварианты рассматриваемой ФСГ:

1. «волновать, раздражать, злить», напр.: *jmdn. aus dem Häuschen bringen*; *jmdm. auf den Wecker fallen*; *jmdm. an den Nerven zerren*; *беperдить рану*; *вгонять в краску*; *выводить из себя*;

2. «обижать, оскорблять», напр.: *jmdm. auf die Hühneraugen treten*; *jmdn. ins Herz treffen*; *jmdn. vor den Kopf stoßen*; *наступать на (любимую) мозоль*; *плевать в глаза / в лицо*; *поворачиваться спиной*;

3. «ругать, критиковать, наказывать», напр.: *jmdm. die Möbel gerade rücken*; *jmdm. aufs Dach steigen*; *jmdm. auf die Finger klopfen*; *намылить голову*; *брать под обстрел*; *вправлять мозги*;

4. «разоблачать, уличать», напр.: *jmdm. den Spiegel vorhalten*; *jmdm. die Maske vom Gesicht reißen*; *jmdn. an den Pranger stellen*; *выводить на чистую воду*; *пригвоздить к позорному столбу*; *срывать маску*;

5. «выставлять в отрицательном свете (чернить, злословить)», напр.: *jmdn. in den Dreck ziehen*; *jmdn. mit Schmutz bewerfen*; *kein gutes Haar an jmdm. lassen*; *втапмывать в грязь*; *бросать тень на кого-л.*; *вешать собак на кого-л.*;

6. «издеваться, высмеивать», напр.: *jmdm. eine Nase drehen / machen*; *jmdn. auf die Schippe laden*; *jmdn. auf den Arm nehmen*; *поднимать на смех* (в нем. языке существенно больше);

7. «обманывать», напр.: *jmdm. ein X für ein U vormachen*; *jmdn. hinters Licht führen*; *jmdn. auf den Leim führen*; *втирать кому-л. очки*; *пускать пыль в глаза*; *водить за нос*;

8. «мешать, ограничивать, противодействовать», напр.: *jmdm. Sand ins Getriebe werfen*; *jmdm. im Wege stehen*; *jmdm. in den Arm fallen*; *вставлять палки в колеса*; *не давать ходу*; *заступать дорогу*;

9. «надоедать, приставать», напр.: *jmdm. auf den Pelz rücken*; *jmdm. in den Ohren liegen*; *морочить голову*; *мозолить глаза*; *приступать с ножом к горлу*;

10. «выступать против кого-л., бороться», напр.: *jmdm. an den Wagen fahren*; *jmdm. den Handschuh hinwerfen*; *jmdm. in den Rücken fallen*; *бросать перчатку*; *показывать когти*; *брать на аборт*;

11. «преследовать, представлять угрозу», напр.: *jmdm. auf den Socken sein*; *sich an jmds. Sohlen heften*; *jmdm. im Nacken sitzen*; *висеть на хвосте*; *наступать на пятки*; *сидеть на плечах*;

12. «побеждать, превосходить», напр.: *jmdn. auf die Matte legen*;

jmdn. aufs Haupt schlagen; jmdn. außer Gefecht setzen; заткнуть за пояс; протирать глаза кому-л.; разделявать под орех;

13. «подчинять, притеснять», напр.: *jmdn. in der Schraube haben; jmdn. an die Wand drücken; jmdn. unter dem Pantoffel haben; брать за горло; вить веревки; гнуть в бараний рог;*

14. «уничтожать, (раз)громить», напр.: *jmdm. den Todesstoß versetzen; jmdm. den Lebensfaden abschneiden; jmdm. das Gas abdrehen; непергызть горло; сломать хребет; подрубить под корень;*

15. «наносить урон (экономический и проч.)», напр.: *jmdn. bis aufs Hemd ausziehen; jmdn. zur Ader lassen; jmdm. auf der Tasche liegen; выжимать соки; драсть шкуру; оставлять при нулевом интересе;*

16. «лишать занимаемого положения», напр.: *jmdn. vor die Tür setzen; jmdn. in die Wüste schicken; jmdn. auf ein Nebengleis schieben; вышибать из седла; выбрасывать на улицу; давать по шанке;*

17. «причинять неприятность», напр.: *jmdm. ein Bein stellen; jmdn. in Teufels Küche bringen; jmdm. ein Kuckucksei ins Nest legen; подвести под монастырь; подложить свинью; подставлять подножку;*

18. «обременять», напр.: *jmdm. auf dem Hals liegen; jmdm. ein schweres Joch auferlegen; auf jmds. Schultern lasten; взваливать на плечи; сажать на шею; сидеть на горбу.*

Фразеосемантические инварианты объединяют все ФЕ анализируемой ФСГ, в том числе и те, которые не опираются на компонентные и / или ситуационные инварианты (ФЕ с компонентами-некротизмами, демотивированные ФЕ). Вновь приходится констатировать тождество фразеосемантических инвариантов в обоих языках на всех трех уровнях абстракции. Лишь одна частная фразеосемантическая подгруппа — «издеваться, высмеивать» — слабо развита в рус. языке (среди цельнообразных ФЕ). Таким образом, межъязыковые отличия и здесь следует искать главным образом в характере типичной соотнесенности между инвариантами разных типов (компонентными, ситуационными и фразеологическими).

5. Фразообразовательные модели.

Установив ориентировочный состав компонентных, ситуационных и фразеосемантических инвариантов (на различных уровнях обобщения), попытаемся показать наиболее типичные корреляции между всеми тремя наборами инвариантов, т. е. выявить основные фразообразовательные модели в исследуемой фразеосемантической группе нем. и рус. языков (и получить тем самым материал для последующего их сопоставления).

На уровне всей ФСГ единый фразеосемантический инвариант соотносится с одним основным и одним дополнительным ситуационным инвариантом ПСК, которые, в свою очередь, базируются на двух основных компонентных инвариантах. Соответствия (корреляции) между обобщенными инвариантами разных типов, т. е. обобщенную фразообразовательную модель ФСГ «отрицательное нефизическое воздействие» в нем. и рус. языках демонстрирует следующая схема:

Компонентные инварианты	Ситуационные инварианты	Фразеосемантический инвариант
Воздействовать на предмет (относящийся к объекту-лицу)	→ Оказывать отрицательное физическое воздействие (на объект)	→ Оказывать отрицательное нефизическое воздействие (на объект-лицо)
Воздействовать (на объект-лицо) в связи с каким-либо предметом	→ Сообщать отрицательную информацию (объекту)	

Уже на этом уровне корреляции не имеют одно-однозначного характера и одинаковы в обоих языках; впрочем, они чересчур общи, чтобы дать какое-либо представление о реальных фразообразовательных чертах данной ФСГ. Значительно более информативны фразообразовательные модели (точнее — микромодели) на уровне частных семантических инвариантов, намеченных выше. Здесь усугубляется уже отмеченное отсутствие одно-однозначного соответствия между инвариантами всех трех типов. Это означает, что каждый фразеосемантический инвариант может формироваться на базе более чем одного ситуационного инварианта, а каждый ситуационный инвариант — на базе более чем одного компонентного инварианта. И, наоборот, каждый компонентный инвариант может обслуживать ряд ситуационных инвариантов, а каждый ситуационный инвариант — ряд фразеосемантических инвариантов. Практическое следствие этой разнонаправленности фразеологического переосмысления на каждом его этапе — очень большое количество реально существующих в обоих языках трехчленных инвариантных корреляций, т. е. конкретных фразообразовательных микромоделей (при данном наборе частных инвариантов у ФСГ отрицательного нефизического воздействия их оказывается около 80 в каждом языке) и соответственно — очень низкая средняя наполняемость каждой микромодели (около 4 ФЕ). Другим проявлением неоднозначных связей между компонентными, ситуационными и фразеосемантическими инвариантами является низкая предсказуемость конкретного фразеологического значения относительно компонентного состава, так как направление ситуационного осмысления и образного переосмысления ПСК может быть достаточно разнообразным и в том числе выходить за рамки ФСГ (см. выше).

Поскольку наборы фразеосемантических и ситуационных инвариантов в нем. и рус. языках (в рассмотренном материале) совпадают, а наборы компонентных инвариантов различаются лишь незначительно (см. выше), национальная специфика образной организации фразеологического состава проявляется почти исключительно в развитии в каждом языке некоторого числа особых корреляций между инвариантами. Однако и здесь господствует сходство. В целом действует следующая тенденция — наиболее массовые (т. е. представленные наибольшим числом ФЕ) фразообразовательные микромодели оказываются общими для обоих языков; и наоборот — специфические фразообразовательные микромодели рус. и нем. языков

почти без исключения реализуются единичными фразеологизмами, т. е. относятся к наименее активным.

Назовем прежде всего наиболее массовые микромодели, характерные для обоих языков; корреляции даны в последовательности «компонентный инвариант — ситуационный инвариант — фразеосемантический инвариант»:

1. «ударить по части тела» — «причинить неприятное физическое ощущение» — «ругать, критиковать, наказывать», напр.: *jmdm. eins auf den Kopf / Schädel geben; jmdm. auf die Finger klopfen; jmdn. mit der Nase auf etwas stoßen; дасть по рукам; намять бока; тыкать в глаза / в нос;*

2. «наступить на часть тела» — «причинить неприятное физическое ощущение» — «подчинять, притеснять», напр.: *jmdm. auf die Fersen treten; jmdm. auf den Fuß treten; jmdm. auf dem Leder knien; наступать на хвост; наступать на горло;*

3. «поражать жизненно важную часть тела» — «убивать и т. п.» — «уничтожать, (раз)громить», напр.: *jmdm. den Hals / das Genick / das Rückgrat brechen; jmdm. die Gurgel zudrücken / zuschnüren; ломать хребет; перегрызть горло; свернуть шею / голову;*

4. «портить какой-л. предмет, явление» — «приводить в негодность» — «причинять неприятность», напр.: *jmdm. die Suppe / Petersilie verhaseln; jmdm. sein Spiel verderben; портить (всю) обедню; путать / мешать (все) карты;*

5. «воздействовать (на объект) частью тела (субъекта)» — «приводить в неестественное, неприятное физическое положение» — «подчинять, притеснять», напр.: *seine Hand schwer auf jmdn. legen; jmdm. den Fuß auf den Nacken setzen; jmdn. in die Finger bekommen; зажимать в кулак; держать под лапой; брать в руки;*

6. «воздействовать (на объект) каким-л. орудием производства» — «приводить в неприятное, неестественное физическое положение» — «ругать, критиковать, наказывать», напр.: *jmdn. durch den Wolf drehen; jmdn. mit dem Holzhammer bearbeiten; продира́ть с песочком;*

7. «воздействовать (на объект) каким-л. орудием производства» — «приводить в неприятное, неестественное физическое положение» — «подчинять, притеснять», напр.: *jmdn. in die Zange nehmen; jmdm. Daumenschrauben anlegen; jmdn. in den Schraubstock nehmen; брать в тиски; держать в узде;*

8. «помещать в какое-л. место, среду» — «приводить в неприятное неестественное физическое положение» — «подчинять, притеснять», напр.: *jmdn. ins Bockhorn jagen; jmdn. an die Wand drücken; jmdn. in den Senkel stellen; припереть в угол; прижимать к стене;*

9. «помещать в какое-л. место, среду» — «удалять, изгонять из хорошего места» — «лишать занимаемого положения», напр.: *jmdn. in die Wüste schicken; jmdn. auf die Straße werfen; jmdn. auf ein Nebengleis schieben; сдавать в архив; выбрасывать на улицу / за ворота;*

10. «перемещать из какого-л. места» — «удалять, изгонять из хорошего места» — «лишать занимаемого положения», напр.: *jmdn. aus dem Sattel werfen; jmdn. über Bord werfen; jmdn. zum Tempel hinausjagen; вышибать из седла; выводить из строя; сгонять со света;*

11. «перемещать из какого-л. места» — «удалять, изгонять из хорошего места» — «волновать, раздражать, злить», напр.: *jmdn. aus dem Häuschen bringen*; *jmdn. aus dem Gleis werfen*; *jmdn. aus den Angeln heben*; *выбивать из колеи*;

12. «давать какой-л. предмет» — «снабжать чем-л. неприятным» — «ругать, критиковать, наказывать», напр.: *jmdm. einen Wischer geben*; *jmdm. sein Teil geben*; *jmdm. Kattun geben*; *давать жару, давать дрозда*; *задать перцу*;

13. «показывать какой-л. предмет или ситуацию» — «сообщать какую-л. отрицательную информацию» — «ругать, критиковать, наказывать», напр.: *jmdm. zeigen, wo der Pfeffer wächst*; *jmdm. den Spiegel vorhalten*; *jmdm. zeigen, wo Barthel den Most holt*; *показать, где раки зимуют*; *показать кузькину мать*; *указать (свое) место*;

14. «подвергать процессуальному воздействию» — «нападать, воевать» — «выступать против кого-л., бороться», напр.: *jmdm. einen Schuß vor den Bug geben*; *gegen jmdn. Sturm laufen*; *брать под обстрел*; *нанести удар*;

15. «воздействовать каким-л. образом» — «лишать чего-л. ценного» — «наносить урон», напр.: *jmdn. bis aufs Hemd ausziehen*; *jmdn. bis aufs Blut aussaugen*; *оставлять в одной рубашке*; *оставлять на бабах*; *пускать с сумой*.*

Следует назвать также хотя бы некоторые микромодели, характерные только для одного из сопоставляемых языков.

Для русского языка:

1. «извлекать внутренние органы» — «причинять неприятные физические ощущения» — «волновать, раздражать, злить», напр.: *тянуть жилы*; *выматывать / вытягивать (все) кишки*; *выматывать / вытягивать душу*;

2. «наступить на часть тела» — «причинять неприятные физические ощущения» — «преследовать», напр.: *наступить на пятки*; *наступить на хвост*;

3. «помещать в какое-л. место, среду» — «удалять, изгонять из хорошего места» — «наносить урон (экономический и т. п.)», напр.: *пускать в трубу*; *пускать по миру*; *сажать на мель*;

4. «воздействовать каким-л. образом» — «причинять неприятные физические ощущения» — «ругать, наказывать», напр.: *всыпать по первое число*; *есть поедом*; *гладить против шерсти*; *разделять под орех*;

5. «подвергать процессуальному воздействию» — «причинять неприятные физические ощущения» — «ругать, наказывать», напр.: *задавать чесу*; *задавать гонку*; *брать в оборот*;

6. «придавать (объекту) форму неодушевленного предмета» — «приводить в неприятное, неестественное физическое положение» — «подчинять, притеснять», напр.: *скрутить / согнуть в бараний рог*; *(со)гнуть в дугу / в три дуги*; *вить веревки*;

* Здесь приводятся только наиболее типичные фразообразовательные микромодели рассматриваемой ФСГ, чтобы дать представление об используемой методике анализа и хотя бы отчасти проиллюстрировать выводы.

Для немецкого языка:

1. «воздействовать на часть тела неодушевленным предметом» — «нападать» — «подчинять, притеснять», напр.: *jmdm. die Pistole / den Dolch auf die Brust setzen; jmdm. das Messer an die Kehle setzen*;

2. «воздействовать на часть одежды» — «приводить в неприятное физическое положение» — «ругать, наказывать», напр.: *jmdn. beim Kragen nehmen / packen; jmdm. auf den Nähten knien; jmdm. auf dem Pelz sitzen*;

3. «помещать предмет в какое-л. место» — «снабжать чем-л. плохим» — «причинять неприятности», напр.: *jmdm. ein Kuckucksei ins Nest legen; jmdm. eine Laus in den Pelz setzen*;

4. «помещать (объект) в какое-л. место, в какую-л. среду» — «приводить в неприятное физическое положение» — «волновать, злить», напр.: *jmdn. auf die Palme jagen / bringen; jmdn. in die Wolle bringen*;

5. «помещать (объект) в какое-л. место, в какую-л. среду» — «приводить в неприятное физическое положение» — «издеваться, высмеивать», напр.: *jmdn. auf die Schippe / den Besen laden; jmdn. durch den Kakao ziehen*;

6. «превращать (объект) в другое существо» — «приводить в неестественное состояние» — «ругать, наказывать», напр.: *jmdn. zur Schnecke machen; jmdn. zur Sau machen; jmdn. zur Minna machen*;

7. «показывать какой-л. предмет или какую-л. ситуацию» — «сообщать ложную информацию» — «обманывать», напр.: *jmdm. ein Theater vorspielen; jmdm. blauen Dunst vormachen; jmdm. ein X für ein U vormachen*;

8. «отбирать (у объекта) какой-л. предмет» — «лишать чего-л. ценного» — «побеждать, превосходить», напр.: *jmdm. das Heft aus der Hand nehmen; jmdm. die Trümpfe aus der Hand winden / nehmen*.

Самостоятельную значимость имеют также и двухчленные корреляции инвариантов (компонентно-ситуационные и ситуационно-фразеосемантические). Они позволяют систематизировать типичные для данного языка а) модели формирования ситуационного смысла ПСК на базе различного компонентного состава комплекса; б) модели формирования фразеологического значения на базе различных ситуационных смыслов. Ниже корреляции обоих типов представлены в виде сводной таблицы, в левой части которой обозначены обнаруженные во фразеосемантической группе «отрицательное нефизическое воздействие (на человека)» компонентно-ситуационные корреляции, а в правой части — ситуационно-фразеологические корреляции. Общие для сопоставляемых языков модели обозначены +, специфические для русского языка — р, специфические для немецкого языка — н (см. таблицу на стр. 82—83).

Как видно из таблицы, большинство компонентных инвариантов обслуживает один определенный ситуационный инвариант (20 из 34); остальные — от 2 до 5. Что же касается ситуационных инвариантов, то каждый из них (за исключением № 13) реализуется более чем одним компонентным инвариантом (от 2 до 14). Наиболее разнонаправленные компонентные инварианты в обоих языках — № 24 («воз-

Компонентные инварианты																																		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31				
+	+		+	+		р	+		+	н					+	+	+		+	+		+	+	н		р	+							
			+		+				+	н	+		н										+	+										
										н			н											+	+									
			+						+					+	р				+				+	+						+				
								+			+						р					+	+								+	+		
									+		р	+						р						н	+						+	+	+	
												+																						

действовать на объект каким-л. образом») и № 10 («воздействовать на часть тела объекта каким-л. неодушевленным предметом»). Наибольшее число компонентных инвариантов реализует в обоих языках ситуационный инвариант № 1 («приводить объект в неприятное, неестественное физическое положение, состояние»), затем следуют ситуационные инварианты № 2 («причинять объекту неприятные физические ощущения»), № 7 («нападать на объект, воевать с объектом») и № 10 («приводить объект неприятным образом в порядок»).

Основная масса компонентно-ситуационных корреляций в нем. и рус. языках оказывается одинаковой. Специфические корреляции образуются специфическими компонентными инвариантами (в рус. языке № 7 и № 27, в нем. языке № 25); кроме того, отдельные компонентные инварианты различаются в нем. и рус. языках по набору реализуемых ими ситуационных инвариантов; в одних случаях этот набор больше в нем. языке (компонентные инварианты №№ 11, 14, 23), в других — в рус. языке (№№ 12, 18). В целом из 60 компонентно-ситуационных корреляций специфичны, т. е. не совпадают в сопоставляемых языках, всего 15 (25%). Наконец, все специфичные компонентно-ситуационные корреляции характеризуются более низкой наполняемостью, чем совпадающие (на их основе строится в среднем меньшее число ФЕ).

Ситуационные инварианты, выступающие как семантическая база, на которой непосредственно формируются фразеологические значения, находятся с инвариантами последних в не менее сложных отношениях. Одно-однозначная корреляция, т. е. случаи, когда на данном ситуационном инварианте образуются ФЕ одного типового значения, и это значение, в свою очередь, опирается только на данный ситуационный инвариант, встречается, судя по сопоставляемым ФСГ, весьма редко (см. таблицу); в исследованном материале это ситуационно-фразеологическая корреляция «загрязнять, затемнять» — «выставлять в отрицательном свете, порочить, чернить» (№ 11 — № 5), причем и она имеет одно-однозначный характер только в нем. языке.

				Ситуаци- онные ин- варианты	Фразеосемантические инварианты																	
32	33	34			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
				1			+		н	+		н		н	+	+	+	+	+	+	+	
				2	+	+	+					р						р		+	+	
				3			н				+		н							+	+	
				4		+	р						н	+	+		+			+	+	
+	+	+		5			+													+	+	
				6			+	+		н											+	
				7			+					р	+					+			н	
		+		8	+		н												р	+		
		+		9	н		+									н		+				
				10			+		р													
				11			+		+													
				12						+												
				13	+															+		

Более распространен корреляционный тип 1: п (когда один фразеосемантический инвариант опирается на несколько ситуационных), ср. фразеосемантические инварианты №№ 1, 2, 3, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17; наиболее разнообразная ситуационная база у фразеосемантического инварианта № 3 («ругать, наказывать»). Представлен также тип п: 1 (когда ряд фразеосемантических инвариантов базируется на одном ситуационном инварианте), ср. ситуационные инварианты №№ 1—10, 13, из которых наиболее разнонаправленные — №№ 1, 2, 4 (соответственно — «приводить в неестественное, неприятное физическое положение»; «причинять неприятные физические ощущения» и «убивать»).

Ситуационные инварианты тождественны в обоих языках; среди фразеосемантических инвариантов, есть лишь один гораздо более типичный для нем. языка (№ 6 «издеваться, высмеивать») и один более типичный для рус. языка (№ 9 «приставать, надоедать»). 36 из 53 ситуационно-фразеологических корреляций совпадают в обоих языках (68%), 10 встречаются только в нем. языке (19%), 7 только в рус. языке (13%).

Далее, целесообразно сравнить степень близости между нем. и рус. ФСГ «отрицательное нефизическое воздействие (на человека)» на разных уровнях обобщения. Структурно-семантическая эквивалентность между конкретными ФЕ сопоставляемых ФСГ равна 32% (что лишь несколько выше среднеязыковой величины — 27%); их фразообразовательные модели совпадают на уровне частных трехчленных корреляций приблизительно на 65%. Наконец, наиболее обобщенные инварианты и их корреляции полностью тождественны в обоих языках. Таким образом, структурно-семантическая близость между сопоставляемыми ФСГ возрастает по мере отвлечения от конкретного лексического состава ФЕ и перехода на уровни все более обобщенных семантических инвариантов.

м а н и з к о й. Как и переосмысление в лексике, фразообразование не построено на жесткой зависимости «если А, то В», а имеет потенциально-вероятностный характер: если есть какое-либо сочетание слов с конкретно-предметным значением, то в данном языке оно может иметь (но может и не иметь) переносно-образное, фразеологическое значение, а если имеет его, то его характер и объем могут быть различными. Вместо отношений детерминации здесь обнаруживаются лишь определенные преференции, наиболее типичные случаи и предпочтительные корреляции. К выявлению таких типичных корреляций и сводится структурно-семантическое моделирование фразеологических единиц, роль и значение которого ограничены названными обстоятельствами.

Глава IV

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Как уже говорилось выше, специфика сопоставительного анализа во фразеологии обуславливается прежде всего местом фразеологической системы в общей системе языка — ее вторичным, производным характером относительно двух первичных, конституирующих систем — лексической и синтаксической (в генетическом, структурном, а отчасти и функциональном плане). Сверхсловность (раздельно-оформленность) УСК означает наличие у них компонентного состава, определенным образом синтаксически организованного (в словосочетания или предложения). Этим объясняется выделение у всех УСК двух основных аспектов — лексического и структурно-синтаксического, находящихся в сложных отношениях с соответствующими первичными системами языка.

Именно эти аспекты представляются релевантными и для сопоставления фразеологических систем с точки зрения их формально-смысловой организации (а не, скажем, фонология или словоизменительная морфология), так как в них находит отражение и преломление как сходство, так и своеобразие русских и немецких «подстилающих» систем. Поэтому с их рассмотрения мы и начинаем настоящую главу, общие задачи которой были сформулированы выше (см. гл. I, разд. 2). За сопоставительным анализом основных аспектов УСК следует конфронтативное изучение семантической и формально-семантической структуры нем. и рус. УСК, а также их места в системе средств номинации обоих языков. Глава завершается попыткой сформулировать наиболее существенные типологические характеристики фразеологических систем нем. и рус. языков.

1. ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

С точки зрения своего компонентного состава ФЕ любого языка могут характеризоваться, а следовательно и сопоставляться с ФЕ другого языка по ряду качественных и количественных показателей. Назовем некоторые из них:

а) среднее число компонентов в ФЕ (объем фразеологических единиц);

- б) общекатегориальная лексико-грамматическая принадлежность компонентов (распределение по частям речи);
- в) формальная соотнесенность фразеологических компонентов с лексемами;
- г) фразообразовательная активность компонентов;
- д) субкатегориальная принадлежность компонентов;
- е) словообразовательная характеристика компонентов;
- ж) тематическая принадлежность компонентов в их прямых значениях;
- з) устойчивость лексического аспекта ФЕ;
- и) семантическая соотнесенность компонентов с лексемами (мера их семантической отдельности).

Первые два вопроса преимущественно относятся к структурно-синтаксическому аспекту описания и рассматриваются в соответствующем разделе; последний вопрос ведет к общей характеристике устойчивости и идиоматичности сопоставляемых фразеологических систем, а потому вынесен в особый пункт, посвященный формально-семантической структуре немецких и русских фразеологических единиц (см. разд. 3). Остальная проблематика рассматривается в этом разделе.

1. Формальная соотнесенность фразеологических компонентов с лексемами.

Подавляющее большинство компонентов ФЕ материально тождественны самостоятельным лексемам и семантически сохраняют в той или иной степени связи с ними (так наз. «двуплановость» ФЕ), напр., *ins Wasser fallen* — «упасть в воду» и «не состояться, сорваться». Более подробно эти семантические связи рассмотрены ниже.

Лишь сравнительно небольшая часть фразеологических компонентов не встречается в лексической системе языка, т. е. употребляется только в составе ФЕ (одной или нескольких), ср., напр.: *jmdm. ein Schnippchen schlagen*; *jmdn. am Bündel haben*; *bei jmdm. ins Fettöpfchen treten*; *задать стрекача*; *сбить с панталыку*; *краеугольный камень*. Такие компоненты уже своей формой сигнализируют о наличии фразеологизма, а часто и об определенном его составе (лексическая детерминация по В. Л. Архангельскому; семемы К₃ по М. М. Копыленко и З. Д. Поповой; некротизмы по Н. Н. Амосовой и Л. И. Ройзензону).

Структурная вторичность фразеологической системы сочетается с ее относительной автономностью; последняя проявляется, в частности, в том, что в диахронии выпадение из регулярной языковой системы тех или иных самостоятельных единиц различных уровней (полное или частичное) не обязательно ведет к их одновременному выпадению из состава ФЕ. В результате фразеологическая система выступает в качестве своеобразного музея языковых некротизмов, архаизмов и т. п. (ср. Попов; Шанский, 91—98; Ройзензон, II).

« Не следует, однако, преувеличивать эту диахроническую автономность фразеологии. Ее масштабы ограничены как вторичностью фразеологической системы и ее зависимостью от первичных (лексиче-

ской и структурно-синтаксической) систем, так и требованием коммуникативного совершенствования языка (Stepanova, Сernушева, 46), тенденцией к облегчению понимания путем унификации языковых средств. Эта унификация происходит под мощным давлением регулярных систем и единиц и направлена в общем на ликвидацию уникальных элементов в структуре ФЕ (путем их замены на другие, регулярные или путем регуляризации их самих (см. Попов, 139 и сл.).

Тем не менее, в современном русском языке существует более 1000 лексем с уникальной или жестко ограниченной сочетаемостью формативов в составе словесных комплексов (Обратный словарь русского языка, 887—892). В нем. языке их лишь около трети этого числа (Dobrowolskij), т. е. значительно меньше (ср. аналогичное замечание о русских и французских УСК (Гак, IV, 260).

Степень формальной (формально-смысловой) изолированности компонента ФЕ в языковой системе колеблется в широком диапазоне — наряду с небольшой группой абсолютных некротизмов, т. е. компонентов, которые никогда не встречаются в современном языке вне ФЕ ни в данной, ни в родственной форме (напр.: *сбить с панталыку*; *на свой салтык*; *со всеми онёрами*; *die Cour schneiden*; *den Dalles kriegen*; *im Nu*; *sein Scherflein beitragen*), обнаруживается множество компонентов, соотнесенных с лексемами того же словообразовательного гнезда, т. е. семантически «прозрачных», напр.: *задать стрелача* — стрекать; *sein Mütchen an jmdm. kühlen* — *der Mut* (ср. Ройзензон, II, 186; Гвоздарев, IV, 157; Fleischer, II, 323).

Если отвлечься от целиком иноязычных УСК типа *Salto mortale* — *сальто мортале*; *cherchez la femme*; *time is money*; *qui pro quo* и т. п., компоненты которых — некротизмы и в нем. и в рус. языке, то можно отметить следующие особенности сопоставляемых фразеологических систем в рассматриваемом аспекте:

1. Обилие в рус. языке лексически и фразеологически связанных прилагательных (около 600), сочетающихся с жестко ограниченным кругом существительных каждое (часто — с одним единственным) и образующих с ними в основном фразеологические сочетания (в понимании В. В. Виноградова и Н. М. Шанского), напр.: *закадычный друг*; *заклятый враг*; *крошечная мгла* (*тьма*); *скоропостижная смерть* (*кончина*); *проливной дождь*; *проселочная дорога*; *утлый челн*; *щекотливый вопрос* (*момент, обстоятельство*); *зачное место*; *истощный крик* (*воплъ, вой, голос*); *трескучий мороз*; *трескучие фразы*; *топорная работа*; *окадистая борода*; *убористый почерк*, а отчасти и фразеологические единства, напр.: *ариаднина нить*; *блудный сын*; *буриданов осел*; *гордиев узел*; *с гулькин нос*; *со скрежетом зубовым*; *краеугольный камень*; *земля обетованная*; *морковкино загоеенье*; *голь перекатная*; *змея подколотная*; *путеводная звезда*. Этому обилию противостоит почти полное отсутствие таких прилагательных в нем. языке; исключения единичны и представляют главным образом производные от имен собственных, напр.: *homerisches Gelächter*; *sardonisches Lachen* (*Lächeln*); *platonische Liebe*; *drakonische Gesetze*; *salomonisches Urteil* (*Spruch, Weisheit*); *schlafwandlerische Sicherheit*; ср. также фразеологические единства: *Gordischer Knoten*; *Trojanisches Pferd*;

elysische Gefilde; potjomkinsche Dörfer. Впрочем, даже эти немногочисленные прилагательные обычно не обладают абсолютной формальной связанностью, ср. также *Trojanischer Krieg; homerische Taten* и т. п.

Русским УСК со связанными прилагательными соответствуют в нем. языке регулярные сочетания, сложные существительные или, реже, фразеологические сочетания, в которых связанный характер имеет не вся адъективная лексема, а лишь одно из ее значений, ср. напр., немецкие соответствия некоторых выше приведенных русских фразеологических сочетаний: а) *Busenfreund; erbitterter, geschworener Feind; jäher Tod; heikle Frage; klirrender Frost; Vollbart; Platzregen; Feldweg*; б) *Ariadnesfaden; der verlorene Sohn; Grundstein; zähneknirschend; das gelobte Land; Leitstern*.

2. Значительно большее число лексически и фразеологически связанных глагольных компонентов в составе рус. УСК (около 70), в том числе главным образом во фразеологических единствах и устойчивых фразах, напр.: *воскурить фимиам; вскружить голову; забрить лоб; замолвить словечко; горе мыкать; пораскинуть умом; прать против рожна; слонов / слоны слонять; камни вопиют; черт догадал; сердце ёкает; мороз по коже подирает; разрази меня / тебя гром*, а также во фразеологических сочетаниях, напр.: *вздохнуть ряды; вчинить иск; прять ушами; одержать победу; окинуть взглядом (взором, глазами); шмыгать носом*.

В нем. фразеологических единствах и устойчивых фразах формально связанные глагольные лексемы редки, напр.: *jmdn. über den Löffel barbieren / balbieren; die Treppe hinauffallen; was da leibt und lebt; es dabei bewenden lassen*, а в составе фразеологических сочетаний единичны: *die Zähne blecken; die Zähne fletschen*.

3. Примерно одинаковое общее количество субстантивных некротизмов в нем. и рус. фразеологическом составе (около 300); однако в нем. языке эти существительные образуют основную массу некротических компонентов вообще — около 80% (Dobrowolskij), тогда как в рус. языке с ними успешно конкурируют прилагательные и глаголы. Значительны и словообразовательные различия между нем. и рус. субстантивными некротизмами. В нем. языке среди них господствуют композиты и сращения, входящие главным образом в глагольные ФЕ в качестве зависимого компонента, напр.: *an den Bettelstab kommen / bringen; den Fehdehandschuh hinwerfen / aufnehmen; Fersengeld geben; auf Freiersfüßen gehen; das Hasenpanier ergreifen; am Hungertuch nagen; kein Kostverächter sein; sich einen Kuppelpelz verdienen; im Handumdrehen; aus / nach Leibeskräften; am Nimmerleinstag; ein Wolf im Schafskleid*. Немецкие некротизмы-композиты слагаются, как правило, из вполне употребительных вне ФЕ составляющих, так что их семантическая роль в составе ФЕ ясна (т. е. они не являются абсолютными некротизмами). Сюда же примыкает серия фразеологизмов интеръекционного значения, базирующихся на не употребляющихся вне ФЕ субстантивных сращениях, напр.: *das / es ist zum Mäusemelken — zum Steinerbarmen — zum Knochenkotzen* и т. п.

Количественное господство сложных слов среди нем. уникальных фразеологических компонентов создают прежде всего существитель-

ные, но в некоторой степени также наречия и краткие прилагательные; напр.: *jmdn. dingfest machen; schiefgewickelt sein; jmdn. hochkantig hinauswerfen; jmdn. mundtot machen; jmdn. windelweich schlagen; handgemein werden.*

Для рус. языка сложные слова-некротизмы совершенно не характерны; при сопоставлении более или менее эквивалентных ФЕ в составе рус. единиц немецким сложным словам-некротизмам соответствуют либо неуникальные лексемы, либо словосочетания, ср., напр.: *im Evakostüm — в костюме Евы; aus Leibeskräften — изо всех сил; kein Sterbenswörtchen — ни (единого) словечка; den Augiasstall reinigen / ausräumen — вычистить Авгиевы конюшни.*

Основную массу рус. субстантивных некротизмов образуют имена производные (главным образом суффиксальные) от вполне стандартных лексем, напр.: *завидки берут; до последнего издыхания; коптитель неба; играть в молчанку; моченьки нет / не стало; на побегушках; пропади пропадом; с развалцем; ходить ходуном; задавать храпака.* Рус. субстантивные некротизмы встречаются в составе ФЕ разных структурных типов, в том числе весьма часто (в отличие от нем. языка) в устойчивых предложно-именных группах типа: *во всеоружии; во всеуслышание; со всячинкой; на выданье; с гаком; с голодухи; на дармовщинку.* Некоторое количество субстантивных лексических уникамов обнаруживается также в рус. фразеологических сочетаниях; напр.: *бразды правления; восшествие на престол; выслуга лет; у кормила власти; пулеметность речи; усекновение главы,* и в лексических единствах (составных терминах), напр.: *коллежский ассессор; кит-полосатик; белка-телеутка; знаки препинания; санитарный пропускник,* а в отдельных случаях в сочетаниях, функционирующих и как непереосмысленные, и как цельнообразные УСК, напр.: *встать на дыбы; квадратура круга; гнуть в три погибели; набить оскмину; играть в поддавки.*

Таким образом, в целом русский язык демонстрирует по сравнению с немецким и количественное превосходство формально связанных компонентов, и более широкий диапазон их участия в различных типах УСК.

2. Фразообразовательная активность компонентов.

Важными характеристиками фразеологического состава языка представляется общая мера фразообразовательной активности компонентов (среднее число ФЕ, образующихся с участием одного знаменательного компонента), а также обратная величина — мера компонентного разнообразия, т. е. среднее число различных знаменательных компонентов, приходящихся на определенное количество (например, на 100) фразеологических единиц. Между нем. и рус. фразеологией в этом отношении обнаруживаются заметные различия. Ограничимся здесь лишь самыми общими данными. Судя по ФСРЯ и равной по объему выборке из FMDI, соответствующие показатели составляют

а) средняя фразообразовательная активность компонентов: в нем.

языке — 4,8 ФЕ, в рус. языке — 3,2 ФЕ на один знаменательный компонент;

б) среднее компонентное разнообразие: в нем. языке — 52, в рус. языке — 68 разных знаменательных компонентов на 100 ФЕ (см. также таблицу № 2 в разд. 2)*.

Конкретные лексемы каждого языка в очень разной степени участвуют в формировании ФЕ. И хотя точные данные получить трудно, так как обследовать удастся фактически лишь ограниченную часть фразеологического состава, все же несомненно, что значительная доля словаря вообще не выступает в качестве компонентов фразеологических единств, т. е. пассивна во фразеобразовательном отношении, напр., русские существительные, относящиеся к наиболее частотным в самостоятельном употреблении (см. Частотный словарь русского языка): *товарищ; страна; борьба; война; завод; отец; наука; армия; правительство; комната; общество* и т. п. Фразеобразовательная активность прочих лексем, т. е. число ФЕ, в состав которых они входят как компоненты, колеблется от единицы до трехзначных величин. Поэтому можно, очевидно, говорить о высокочастотных, среднечастотных и низкочастотных фразеологических компонентах (граница между ними принимается условно, например, низкочастотные компоненты участвуют в 1—5 ФЕ, среднечастотные в 6—20 ФЕ, высокочастотные более чем в 20 ФЕ).

Фразеобразовательная активность компонентов обусловлена рядом интра- и экстралингвистических факторов.

Все высокочастотные компоненты ФЕ имеют и самостоятельное существование в лексической системе языка; другими словами, не бывает компонентов-некротизмов, участвующих в сколько-нибудь значительном числе ФЕ (обычно не более 2—3 ФЕ). Все высокочастотные компоненты ФЕ относятся в своем самостоятельном употреблении к высокочастотной зоне лексического состава, к его наиболее древней, исконной и социальной значимой части. Как правило, это многозначные слова, отдельные переносные значения которых в большей или меньшей степени ощутимы и во фразеологических значениях отдельных ФЕ, ср., напр.: *Teufel, Storch, Kopf, Herz, Laden, Hand, Zunge; черт, сердце, голова, душа* и т. п. Однако решающую роль играют, несомненно, их главные, первичные, прямые значения. Фразеологическая система отчетливо демонстрирует двояной антропоцентризм — происхождения и функционирования, т. е. семантическую ориентированность на человека как составляющих лексем-компонентов в их прямых значениях, так и особенно совокупных ФЕ в их фразеологических значениях. Это особенно наглядно видно на существительных. В процессах фразеобразования доминируют конкретные имена, обозначающие части тела человека, его ближайшую экологическую среду, элементы его быта, продукты его духовной и материальной деятельности (ср. также Ройзензон, II, 193). Если среди

* Эти данные не имеют абсолютного значения, так как изменяются с изменением объема выборки; важно, что не меняется общий характер их межъязыкового соотношения.

17 наиболее частотных существительных в составе рус. ФЕ обнаруживается 8 лексических соматизмов, то среди соответствующих 17 нем. существительных их оказывается 11. Сравним эти группы*:

Ранг частотности среди компонентов-существительных	Русские компоненты	Немецкие компоненты	Ранг частотности среди компонентов-существительных	Русские компоненты	Немецкие компоненты
1	глаз(а)	Hand	10	ухо	Mund
2	рука	Kopf	11	сердце	Bein
3	голова	Auge(n)	12	черт	Teufel
4	дело	Herz	13	слово	Nase
5	нога	Wort	14	день	Tag
6	душа	Ohr	15	свет	Finger
7	ум	Weg	16	кровь	Wasser
8	язык	Fuß	17	плечо	Boden
9	нос	Hals			

Отметим, что в обоих списках нет лексем, обозначающих какие-либо национально-специфические явления. Это же можно проследить на следующих по фразеобразовательной активности компонентах, т. е. на всей группе высокочастотных субстантивных компонентов, напр.: *Gott, Luft, Zunge, Seele, Mann, Leib, Spiel, Himmel, Gesicht, Sache, Licht, Maul, Welt, Leben, Stein, Geld, Seite, Zeit, Blut, Wind, Haar, Sinn, Wand, Kind, Tür, Hund, Tod, Brot, Haus, Rücken, Zahn, Loch, Pferd* (ранг №№ 18—50).

У подавляющего большинства наиболее распространенных в одной фразеологической системе компонентов-существительных имеются лексические соответствия в другой фразеологической системе, которые также относятся к числу высокочастотных (хотя и не точно совпадают по рангу — но это мало существенно), ср. с приведенным выше списком высокочастотные русские компоненты, *глаз, рука, голова, дело, нога, душа, язык, нос, ухо, сердце, черт, слово, день, свет, кровь, рот, вода, палец, земля, бог, небо, лицо, камень, сторона, ветер, волосы, стена, дверь, собака, хлеб, дом, спина, зубы*. Практически в нем. и рус. языках отсутствуют высокочастотные фразеологические компоненты, соответствия которых в другом языке вообще не участвовали бы в формировании сопоставляемой фразеологической системы. Существуют лишь более или менее заметные различия во фразеобразовательной активности между отдельными межъязыковыми лексическими эквивалентами (ср. аналогичные наблюдения за русскими и французскими фразеологическими компонентами в статье В. Г. Гака, Я. И. Рецкера); в одних случаях фразеобразовательная активность выше у немецких компонентов, напр.: *Luft — воздух; Magen — желудок, живот; Maul — морда, пасть; Leib — тело; Spiel — игра; Kind — дитя, ребенок; Loch — дыра; Affe — обезьяна; Bart — борода, усы; Pferd — лошадь, конь; Teppich — ковер; Brett — доска;*

* Русский материал заимствован из книги Л. И. Ройзензона (II), немецкий получен на базе словаря FMDI.

в других случаях — у русских, напр.: *ум* — *Verstand, Geist*; *плечо* — *Schulter, Achsel*; *душа* — *Seele*; *место* — *Platz, Stelle, Ort*; *вид* — *Schein*; *сила* — *Gewalt, Kraft*; *дело* — *Sache*; *случай* — *Fall*; *минута* — *Minute*.

Уже здесь бросается в глаза своеобразная особенность русской фразеологии, в формировании которой значительно большую роль, чем в нем. языке, играют имена абстрактные (ср.: *душа, ум, сила, вид, дело, случай* и др.). Ниже мы увидим, что нем. фразеология «берет реванш» в сфере глагола.

Высокий удельный вес соматизмов, по-видимому, общая черта многих, если не всех фразеологических систем (ср. Долгополов; Исаев; Мордкович; Назарян и др.). Интересно, что во всех исследованных языках на первых местах по фразеобразовательной активности оказываются слова, обозначающие руку, глаза, голову. Вряд ли это обстоятельство объяснимо внутрилингвистическими причинами. Очевидно, не случайно, что названные компоненты наиболее прямо соответствуют чувственной (*глаз*) и логической (*голова*) ступеням познания, а также мерилу его истинности — практике (*рука*). Вообще принципиальное качественное сходство лексического аспекта разных фразеологических систем базируется, как показывает анализируемый материал, в первую очередь, на общечеловеческом социальном и гносеологическом фундаменте. Прямые или косвенные заимствования играют в этом вопросе лишь второстепенную роль.

3. Субкатегориальная принадлежность компонентов.

Рассмотрим наиболее общие (субкатегориальные) значения, присущие субстантивным компонентам немецких и русских ФЕ в самостоятельном употреблении, выделив следующие характеристики: имена собственные и имена нарицательные, а среди последних — имена абстрактные и имена конкретные, которые, в свою очередь, делятся на имена лиц и не-лиц (животных и неодушевленных предметов). Удельный вес каждого из этих структурно-семантических разрядов в общем числе разных субстантивных фразеологических компонентов (по FMDI и ФСРЯ) представлен в следующей таблице:

Структурно-семантические разряды субстантивных компонентов		Имена собствен- ные	Имена нарицательные		
			Конкретные		Абстрактные
			Лица	Не-лица	
Удельный вес среди общего числа субстантивных фразеологических ком- понентов (в %)	Нем. язык	3	5	60	32
	Рус. язык	2	5	51	42

Антропоцентризм лексического аспекта фразеологической системы имеет одну весьма характерную особенность. Тяготее к кругу конкретных предметов и явлений, непосредственно окружающих че-

ловека, фразообразующие лексемы-существительные, однако, редко имеют прямое значение лица. Так, среди 2200 различных существительных, входящих в состав нем. ФЕ в FMDI, лишь около 100 относятся к нарицательным именам лиц. Их фразообразовательная активность, за единичными исключениями (*Mann, Kind, Mensch*) очень низка и составляет в среднем 2,2 ФЕ на одно имя лица. Кроме того, большинство из этой немногочисленной группы ФЕ относится не к собственно цельнопереосмысленным фразеологическим единствам, а к развернутым устойчивым фразам типа поговорок, напр.: *Das kannst du deiner Großmutter erzählen. Ist dein Vater Glaser?* То же явление характерно и для рус. языка. Среди рус. ФЕ в составе ФСРЯ насчитывается лишь около 80 нарицательных имен лиц на почти 1500 разных существительных.

В обеих фразеологических системах обращает на себя внимание очень незначительная доля имен лиц и, с другой стороны, довольно высокий процент абстрактных существительных среди фразеологических компонентов. Самый многочисленный разряд фразеологических компонентов в обоих языках образуют конкретные имена не-лица, причем именно здесь выявляется единственное существенное межъязыковое различие (в данном отношении): в рус. языке в состав ФЕ входит заметно больше абстрактных существительных, чем в нем. языке. Это количественное преобладание русских абстрактных существительных над немецкими во фразеологии окажется еще более явным, если подсчитать, каков удельный вес во фразеологическом составе фразеологических единиц, включающих абстрактное существительное, поскольку русские абстрактные субстантивные компоненты отличаются более высокой фразообразовательной активностью (см. выше). Отмеченное различие в субкатегориальной характеристике компонентного состава нем. и рус. фразеологии может быть сформулировано и по-другому: немецкие субстантивные компоненты ФЕ более конкретны, чем русские. В целом же принципиальное распределение нем. и рус. фразеологических компонентов по структурно-семантическим разрядам однотипно.

4. Словообразовательная характеристика компонентов.

Естественно ожидать, что словообразовательная форма компонентов ФЕ в общем повторяет словообразовательные характеристики лексики данного языка, а точнее — той ее части, которая преимущественно выступает в составе ФЕ. Применительно к существительным речь прежде всего идет об именах конкретных не-лиц, в меньшей степени — об именах абстрактных, в совсем небольшой — об именах лиц. Это предположение подтверждается, однако, лишь с существенной оговоркой. В целом межъязыковые различия в словообразовательной форме фразеологических компонентов выражены более резко, чем в лексической системе нем. и рус. языков.

В обоих языках широко представлены простые и производные компоненты. Однако сравнительно слабо развиты в языке типы аффик-

сации еще слабее распространены среди ФЕ: Так, количественное и качественное (в смысле смыслового и формального разнообразия) превосходство русских именных деминутивов над немецкими проявляется во фразеологических системах еще более четко. В рус. языке насчитывается несколько сот фразеологических компонентов-деминутивов с весьма разнообразными суффиксами, напр.: *камешек в чей-л. огород; барашек в бумажке; с бору по сосенке; завьем горе веревочкой; влететь в копеечку; надорвать животики; висеть на волоске; лакомый кусочек; красное словцо; хвататься за соломинку* и т. п. (Ройзензон, III, 11—19).

В нем. языке этому обилию противостоит всего несколько десятков компонентов-деминутивов (почти исключительно с суффиксом *-chen*), напр.: *sich ins Fäustchen lachen; bei jmdm. ins Fettnäpfchen treten; (ganz) aus dem Häuschen geraten; ein Hühnchen mit jmdm. zu rupfen haben; bei jmdm. ist ein Rad / Rädchen locker; ein armes Wurm / Würmchen; Daumen / Däumchen drehen; ein häßliches Entlein*.

В рус. языке около половины компонентов-деминутивов фигурируют в составе ФЕ в качестве лексического варианта бессуффиксного существительного, напр.: *пальчики / пальцы оближешь; заблудшая овца / овечка; живот / животик подвело; вольная птица / пташка* и т. п. В нем. языке такое параллельное употребление ограничено редкими случаями (см. примеры выше); по-видимому, это отражает меньшую продуктивность данного вида словопроизводства в нем. языке.

Особенно заметна тенденция к более контрастной реализации общезыковых различий в словообразовательной форме фразеологических компонентов на сложных и сложнопроизводных существительных. Если в русской лексике соответствующих слов гораздо меньше, чем в немецкой, то в составе рус. ФЕ их вообще почти нет. Единичные исключения касаются в основном заимствований (прямых или калек) из старославянского или древнегреческого, а не продуктивных образований, напр.: *божья благодать; живая летопись; вавилонское столпотворение*. Чуть большее распространение имеют сложнопроизводные компоненты-прилагательные, напр.: *путеводная звезда; желторотый птенец; семимильными шагами; двуликий Янус*. В немецкой же фразеологии участвуют сотни именных композит и сращений (более 15% всех субстантивных компонентов ФЕ). Приведем лишь отдельные примеры: *das Abendmahl auf etw. nehmen; keine Ahnung von Ackerbau und Viehzucht haben; jmdn. aufs Altenteil abschieben; sich auf die Bärenhaut legen; auf der Bildfläche erscheinen; die Drachensaat geht auf; bei jmdm. ist ein Dachziegel locker; es ist zum Daxonlaufen*; в том числе даже с тремя основами: *grinsen wie ein Honigkuchenpferd; Vogel-Strauß-Politik betreiben; den Fehdehandschuh hinwerfen; eine Armesündermiene aufsetzen*.

Немецким компонентам-композиатам в составе эквивалентных русских ФЕ часто соответствует компонентная группа «прилагательное + существительное», ср., напр.: *Luftschlösser bauen — строить воздушные замки; Krokodilstränen vergießen — проливать крокодиловы слезы*, или простое (производное) образование, напр.: *unter uns Pastorentöchtern — между нами девушками*.

5. Тематическая принадлежность компонентов.

Для сопоставительной характеристики участия различных тематических групп лексики в формировании фразеологического состава нем. и рус. языков рассмотрим соответствующее распределение компонентов ФЕ в обоих языках, главным образом на материале имен существительных, так как оно наиболее четко выражено именно у этой части речи. Для удобства анализа за основу было взято членение немецкого фразеологического словаря FMDI, построенного по указанному принципу; весь корпус русского фразеологического словаря (ФСРЯ) был распределен по тем же группам. В нижеследующей таблице сохранены наименования и последовательность тематических групп по FMDI и указан удельный вес каждой нем. и рус. группы в составе всего словаря, т. е. соответственно FMDI и ФСРЯ.

Тематическая группа	Удельный вес в нем. языке	Удельный вес в рус. языке	Тематическая группа	Удельный вес в нем. языке	Удельный вес в рус. языке
Antike	0,3%	0,5%	Personen- u. Völkernamen	0,8%	0,8%
Buchstaben	0,25%	0,5%	Pflanzen	1,0%	1,5%
Erde, Elemente, Natur	4,5%	4,2%	Rechtsprechung u. Gerichtswesen	0,8%	0,4%
Familie	1,2%	0,6%	Reise u. Verkehr	2,0%	1,8%
Farben	1%	0,3%	Religion	2,9%	5,8%
Fischerei und Jagd	0,6%	0,3%	Ritter, Soldaten, Krieg	2,1%	1,5%
Gesundheit, Krankheit, Tod	1,6%	1,7%	Schiffahrt	0,8%	0,2%
Handwerk	1,2%	1,7%	Schule und Wissenschaft	1,9%	0,7%
Haus und Wohnungseinrichtung	3,9%	2,2%	Spiel u. Sport	1,3%	0,6%
Kleidung	2,0%	1,7%	Tiere	6,2%	5,0%
Der menschliche Körper	14,7%	22,8%	Wetter	1,1%	0,6%
Kunst, Musik, Theater	1,6%	1,3%	Wirtschaft und Handel	2,4%	2,2%
Landwirtschaft	0,8%	0,4%	Zahlen und Mathematik	1,2%	1,7%
Nahrung u. Gerichte	2,7%	2,3%	Zeit	1,5%	2,0%
Orts- und Ländernamen	0,35%	0,4%	Allgemeine Ausdrücke	37,2%	34,3%

Легко заметить, что удельный вес почти всех групп в нем. и рус. языках различается лишь незначительно. Ранги групп в основном совпадают — наиболее распространены в обоих языках соматические ФЕ (хотя в рус. языке их заметно больше); затем следуют по нисходящей фразеологизмы с зоонимами, с наименованиями явлений природы, религиозных понятий, жилища и домашней обстановки, пищи, экономики и торговли и т. п. Наконец, примерно одинаковой оказывается и доля ФЕ, не имеющих четкой тематической отнесенности или не образующих сколько-нибудь многочисленных групп (более трети всего состава).

Различия имеют второстепенный характер; некоторые из них отражают материальные условия существования и историю соответствующего народа (ср. группу «судоходство», а также рыцарскую тематику, больше развитые среди немецких фразеологических компонентов); другие различия объясняются внутриязыковыми причинами: так, в рус. языке шире распространены группы, включающие абстрактные компоненты-существительные, например, «религия» (где господствует компонент «душа», утративший всякий религиозный смысл), «числа и математика», «время». Впрочем, дать содержательную интерпретацию всем частным расхождениям этого рода не представляется возможным.

Вывод из тематического сопоставления компонентов — фразеологические системы обоих языков опираются в основном на одни и те же семантические области лексики и, следовательно, весьма близки с точки зрения сфер их происхождения и образной основы. По-видимому, экстралингвистические факторы, определяющие в общем и целом выбор слов и словосочетаний для переосмысления и фразеологизации, по преимуществу совпадают в нем. и рус. языках (ср. аналогичные выводы для русского и чувашского языков (Орлова).

6. Устойчивость лексического аспекта.

Лексический аспект фразеологической единицы образуется совокупностью ее лексических компонентов — словоформ, характеризующихся в данном значении комплекса синтагматической устойчивостью, т. е. связанностью употребления относительно по крайней мере одной словоформы, и парадигматической устойчивостью, т. е. неспособностью к регулярной замене на аналогичные словоформы других лексем в пределах определенного семантического правила. Во фразеологических единствах (включая и фразеологические сращения) всем компонентам свойственна обычно и парадигматическая, и синтагматическая устойчивость, ср., напр.: *Haare spalten*, где совокупное значение ФЕ „*übergenu, allzu pedantisch sein*“ реализуется только при данной взаимной комбинации компонентов, ни один из которых, таким образом, не может быть заменен на какую-либо иную лексему без разрушения совокупного фразеологического значения.

Наряду с «идеальными» фразеологическими единицами, точно соответствующими названным признакам, в обоих языках обнаруживаются как периферийные, так и смешанные случаи. К первым относятся ФЕ, компоненты которых не обладают абсолютной устойчивостью, т. е. допускают ограниченный, нерегулярный набор субституций, дающих небольшую серию ФЕ, частично различающихся по значению за счет заменяемого компонента, т. е. не являющихся формальными вариантами одной ФЕ, ср., напр., фразеологические сочетания: *отпечетый дурак* — *отпечетый негодяй*; *положить начало* — *положить конец*; *ein lustiger Vogel* — *ein komischer Vogel* — *ein loser Vogel*; фразеологические единства: *заваривать кашу* — *расхлебывать*

кашу; акции падают — акции повышаются; die Suppe einbrocken — die Suppe auslöffeln / ausessen; in der Klemme sitzen — jmdm. aus der Klemme helfen — sich aus der Klemme ziehen.

Отклонение от абсолютной лексической устойчивости ФЕ устанавливается с помощью субституционного теста; оно имеет место, если путем замены одного из компонентов может быть получен ряд словесных комплексов (два или более), отличающихся друг от друга формой и значением переменных компонентов и тождественных по форме и значению общего компонента*.

Некоторые образные компоненты ФЕ могут заменяться на целый ряд необразных лексем однотипной семантики, другие — на отдельные переосмысленные лексемы, формируя, таким образом, ограниченный ряд цельнообразных ФЕ, напр.: *die Karre ist verfahren — die Karre läuft richtig; die Karre läuft schief; die Karre steckt im Dreck; die Karre ist verfahren — die Sache, die Angelegenheit, die Geschichte, die Situation, das alles usw. ist verfahren.*

Наиболее типичные нарушения абсолютной лексической устойчивости в нем. ФЕ — значащая необразная субституция существительного, а также значащая образная и нейтральная субституция глагола, напр.: *der Vogel geht ins Garn — jmd. (der Gegner, der Agent, das Mädchen usw.) geht ins Garn; jmdm. in die Finger fallen — jmdn. in die Finger kriegen.*

В рус. языке наиболее типична значащая образная субституция и существительных и глаголов; напр.: *брать горлом — брать измором — брать с бою — брать на abordаж — брать на арапа; надевать маску — сбрасывать маску — срывать маску.*

Судя по предварительным наблюдениям, среди немецких фразеологических единств явление неполной лексической устойчивости (т. е. наличие рядов, подобных приведенным выше) распространено шире, чем среди русских, а сами ряды включают в среднем больше словесных комплексов.

2. СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

1. Объем и общекатегориальный состав фразеологических единиц.

Под объемом фразеологической единицы понимается количество входящих в нее компонентов. При этом можно учитывать каждое словоупотребление или принимать во внимание только знаменательные части речи. Результаты заметно расходятся.

* Возможность замены фразеологических компонентов, не меняющей совокупного значения комплекса, означает наличие лексических вариантов одной и той же ФЕ; такая вариантность не нарушает устойчивости ФЕ и не противопоставлена ей (Райхштейн, IV, 12—13). Не нарушается лексическая устойчивость ФЕ и в тех случаях, когда наличие общего компонента не связано с какой-либо нетривиальной семантической общностью обоих комплексов, напр.: *der Weizen blüht — „die Sache steht gut“ и der Flachs blüht — „es wird viel gescherzt“.*

Среднее число всех словоупотреблений в составе рус. ФЕ — около 3 (Ройзензон, II, 190), в составе нем. ФЕ — 3,6 (Заиченко, 11).

Среднее число знаменательных компонентов в рус. ФЕ, по нашим данным, около 2,2, в нем. ФЕ — около 2,5. В этом случае разница в среднем объеме ФЕ между нем. и рус. языками сокращается, но все еще сохраняется. Наконец, подсчет наиболее полнозначных компонентов — имен существительных показывает полное тождество в обоих языках: судя по материалу ФСРЯ и FMDI (не включающих пословиц и других развернутых устойчивых фраз) на одну ФЕ приходится в среднем ровно одно существительное.

Качественная характеристика нем. и рус. ФЕ с точки зрения общекатегориальной принадлежности их знаменательных компонентов выглядит следующим образом:

Таблица 1

Часть речи Язык	Сущест- ви- тельное	Аттрибутив- ное прила- гательное и причастие	Наречие или крат- кое при- лагатель- ное	Глагол	Место- имение	Числи- тельное	Всего знаменатель- ных компо- нентов
Русский язык (ФСРЯ)	1,0	0,22	0,1	0,64	0,16	0,05	2,17
Немецкий язык (FMDI)	1,0	0,12	0,2	0,89	0,23	0,04	2,48

Сопоставление этих данных позволяет объяснить, за счет чего нем. ФЕ имеют в среднем несколько больший объем: в них существенно чаще присутствуют глаголы, наречия (краткие приглагольные прилагательные) и местоимения. Приведем примеры типичных структурных соответствий: *auf gutem Fuß mit jmdm. stehen* — (быть) на дружеской ноге с кем-л.; *fertig ist die Laube!* — и делу конец!; *jmdm. madig machen* — оговаривать, чернить кого-л.; *jmdm. eins auf den Hut geben* — дать по шее кому-л.; *es zu etwas bringen* — выйти в люди.

В целом можно утверждать, что в составе нем. ФЕ значительно сильнее развита группа глагола; в составе же рус. ФЕ несколько сильнее развита группа имени (существительное с согласующимся определением). Типичные примеры структурных соответствий: *соломенная вдова* — *Strohwitwe*; *проливать крокодиловы слезы* — *Krokodilstränen vergießen*.

Повышенная относительно русского языка глагольность нем. ФЕ непосредственно отражается и на общекатегориальной принадлежности самих ФЕ, т. е. на их распределении по соотношенности с различными частями речи, — в нем. языке намного больше глагольных ФЕ и соответственно ниже удельный вес субстантивных ФЕ (ср. также Fleischer, II).

Небезынтересно сравнить приведенные выше данные об общем участии знаменательных частей речи в формировании грамматической структуры ФЕ с данными, учитывающими также степень лексического разнообразия компонентов в пределах каждой части речи. Показателем лексического разнообразия может служить процентное отношение числа разных компонентов каждой части речи к общему числу разных компонентов в обследуемом фразеологическом составе (весь ФСРЯ и равная по объему выборка из FMDI — по 4350 ФЕ).

Таблица 2

Часть речи Язык	Существительное	Глагол	Прилагательное и т. п.	Наречие	Прочие	Всего разных компонентов
Русский	1429 48,0%	990 33,2%	355 11,9%	175 5,9%	27 1%	2976 100%
Немецкий	1193 52,5%	695 30,5%	171 7,5%	194 8,5%	17 1%	2270 100%

Сопоставление обеих таблиц приводит к следующим выводам. В обоих языках подавляющее большинство фразеологических компонентов как в списке компонентов, так и в составе конкретных ФЕ образуют существительные и глаголы. Между активностью части речи в составе ФЕ и лексическим разнообразием представляющих ее компонентов нет обязательного соответствия (хотя у отдельных частей речи, например, у прилагательных и наречий оно имеет место). Так, существительные, в равной мере участвующие в организации нем. и рус. ФЕ, представлены лексически более разнообразно в немецкой фразеологии, глаголы же, напротив, в русской. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, так как именно у глагольных компонентов противоречие между структурной и лексической активностью принимает наиболее яркий характер: во фразеологическом составе немецкий глагол более обязателен структурно и менее разнообразен лексически, чем русский глагол. В нем. языке зачастую важно наличие глагола вообще, а не того или иного конкретного глагола. Отсюда наличие в нем. фразеологии нескольких глагольных компонентов со сверхвысокой частотностью (*sein, haben, kommen, gehen, machen, bringen* и некоторых других), во много раз превосходящих в этом отношении наиболее частотные русские глагольные компоненты и выполняющих преимущественно именно структурные функции (см. подробнее в разд. 5).

2. Особенности синтаксической организации фразеологических единиц.

Различия структурно-синтаксических схем нем. и рус. фразеологии в значительной степени определяются различиями в наборе, семантике и употребительности отдельных элементов структурных схем — лексико-грамматических классов слов в определенных морфологических формах. Наряду с общим сходством системы частей речи и их морфологических категорий, общеизвестна и определенная специфика сопоставляемых языков. Назовем наиболее заметные различия. В рус. языке гораздо более четко выражена граница между прилагательными и наречиями, сильнее развиты относительные и предикативные прилагательные (категория состояния), имеется разряд притяжательных прилагательных, отсутствующий в нем. языке; гораздо разнообразнее система причастий; особые морфологические формы образуют деепричастия; специфична относительно нем. языка морфологическая категория глагольного вида; русская падежная система включает на две падежные формы больше, чем немецкая. В нем. языке существительное имеет специальный грамматический сопроводитель — артикль; в большем числе структурных позиций нем. существительное выступает с предлогом; нем. глагол имеет более дифференцированную систему временных форм (особенно выражено это различие в сослагательном наклонении и в инфинитиве) и более четкую морфологическую категорию залога. Падежная семантика (набор основных функций) у рус. родительного разнообразнее, чем у соответствующего нем. генитива; с другой стороны, нем. номинатив, датив и аккузатив имеют более широкую сферу употребления, чем рус. именительный, дательный и винительный (Крушельницкая; Строева). При тождественном основном (парадигматическом) значении некоторые грамматические формы обнаруживают значительные расхождения во вторичных, синтагматических, конструктивно обусловленных значениях, напр., 2-е лицо ед. ч. повелительного наклонения и неопределенная форма, обладающие в рус. языке целым спектром грамматических значений.

Другим существенным фактором межъязыковых структурно-синтаксических различий являются расхождения в наборе, семантике, употребительности и значимости строевых средств синтаксиса — служебных слов, порядка следования элементов схемы, интонации и т. п., участвующих в формировании структурно-синтаксических схем. Так, например, специфичны для рус. языка относительно свободное варьирование порядка слов в атрибутивном словосочетании (ср. *дубовый стол* — *стол дубовый*) и зависимых компонентов многочисленных субстантивных сочетаний (ср.: «изучение космоса учеными в последние годы» — «изучение в последние годы учеными космоса» и т. п.); бессубъектные предикативные конструкции (безличные, неопределенно-личные, инфинитивные) и др. В нем. языке соответственно специфичны: жесткий порядок следования элементов в названных атрибутивных сочетаниях (ср.: *ein neuer Tisch*; *Erforschung des Weltraums durch Wissenschaftler in den letzten Jahren*); глагольные

конструкции sein + zu + Infinitiv I, haben + zu + Infinitiv I, конструкции с безличным и формальным es, с неопределенно-личным тап и др.

Изложенное выше касается специфики структурно-синтаксических схем нем. и рус. языков в целом, т. е. наблюдается прежде всего на материале ПСК. Как общие, так и специфические черты стандартных синтаксических структур обоих языков отражаются в их фразеологических системах в преломленном виде. Некоторые из этих черт повторяются без существенных изменений и в УСК; в таких случаях сходства и различия структурно-синтаксического аспекта нем. и рус. ФЕ имеют стандартный общезыковогой характер, например, отсутствие в нем. языке и в нем. фразеологии притяжательных прилагательных и соответствующих субстантивных сочетаний (ср. рус. *Авгиевы конюшни*; *соломоново решение*; *крокодиловы слезы*; *маменькин сынок*) или характерная для обоих языков и для их фразеологических систем общность основных типов структурно-синтаксических схем, напр., $X_1 \text{ conj } X_2$; $A S$; $S S_g$; $S \text{ pr } S$; $V S_{obl}$; $V \text{ pr } S_{obl}$; $V S_{obl} \text{ pr } S_{obl}$; $V \text{ Adv}$; $S_n V$; $S_n V \text{ (pr) } S_{obl}$.

Наряду с этим обнаруживается, что целый ряд стандартных явлений структурно-синтаксического аспекта либо вообще чужды фразеологической системе, либо выступает в ней в существенно преобразованном виде, т. е. с иными количественными и качественными характеристиками. Отход от общезыкового синтаксического стандарта, в свою очередь, может совпадать в сопоставляемых фразеологических системах и составлять, таким образом, их совместную (универсальную?) особенность относительно синтаксиса ПСК, но может и проявляться лишь в одном из языков, усугубляя тем самым структурно-синтаксическую специфику его фразеологии. Рассмотрим некоторые случаи этого рода. Для русской фразеологии нетипичны и малопродуктивны сочетания глагола с наречием типа *насквозь видеть*; *мелко плавать*; *высоко летать*; *ходить кругом да около*; хотя русские ПСК свободно образуются по этой модели (Шанский, 113); в нем. языке ФЕ такой структуры, напротив, широко распространены и продуктивны (как и ПСК), напр.: *etw. schwarz malen*; *mit jmdm. deutsch reden*; *mit jmdm. bergauf gehen*; *etw. für jmdn. übrig haben*; *sich stark machen*; *es schlecht treffen*; *schief geladen haben*; *bei jmdm. übel angeschrieben sein*.

Именно благодаря этому обстоятельству удельный вес наречий гораздо выше в компонентном составе нем. фразеологии, чем русской (см. табл. 1), поскольку в ФЕ иной синтаксической организации наречия достаточно широко представлены в обоих языках, ср., напр.: *как-никак*; *вдоль и поперек*; *вкривь и вкось*; *раз и навсегда*; *ни больше ни меньше*; *дальше ехать некуда*; *яблоку негде упасть*; *сапоги всмятку*; *сбоку припеку*; *samt und sonders*; *schön und gut*; *über kurz oder lang*; *heimlich, still und leise*; *mehr schlecht als recht*; *stehend freihändig*.

В данном случае отклонение от общезыкового стандарта обнаруживает рус. фразеология. Иначе обстоит дело с формой беспредложного дательного падежа имени существительного. Несомненно, что в целом в обоих языках беспредложный дательный — одна из

типичных форм существительного. В то же время и в рус. языке и особенно в нем. языке существительные в дательном падеже без предлога крайне редко входят в состав ФЕ со структурой словосочетания.

Типичным оказывается беспредложный дательный не в составе ФЕ, а в их окружении, где он играет роль структурно обязательного (иногда факультативного), но лексически свободного (в рамках определенной семантической группы) члена, напр.: *прокладывать дорогу кому-л., чему-л.*; *копать / рыть могилу кому-л., чему-л.*; *вкручивать мозги кому-л.*; *дать березовой каше кому-л.*; *jmdm., etw. den Weg bahnen*; *jmdm. das Fell gerben*; *jmdm. ein X für ein U vormachen*; *jmdm. teuer zu stehen kommen*; *jmdm. den Hosenboden strammziehen*.

Можно предположить, что общая для нем. и рус. языков «антипатия» беспредложного датива к фразеологизации имеет в своей основе семантические причины. В переменных словесных комплексах обоих языков выступает главным образом беспредложный датив лица. Между тем, имена лиц весьма слабо представлены среди компонентов ФЕ со структурой словосочетания и, особенно, глагольного сочетания (см. гл. IV, разд. 1); отсюда и слабое участие датива в составе ФЕ.

Столь же общий для обоих языков характер имеет малая синтаксическая глубина ФЕ — фразеологизируются в основном структуры с компонентами нулевой и первой ступени синтаксической зависимости (*Berge versetzen*; *wie angenagelt dasitzen*; *почивать на лаврах*; *музейная редкость*); компоненты второй ступени зависимости относительно редки, а соответствующие ФЕ склонны к семантической членности (см. гл. IV, разд. 3), напр.: *надевать смиренную рубашку*; *накормить березовой кашей*; *den letzten Trumpf ausspielen*; *in den Strom der Vergessenheit geraten*. Наконец, уже третья ступень синтаксической зависимости внутри рус. и нем. ФЕ практически не встречается; единственные замеченные исключения: *делить шкуру неубитого медведя*; *идти по линии наименьшего сопротивления*; *den Weg des geringsten Widerstandes gehen*.

Фразеологизмам нем. и рус. языков чужды поэтому синтаксические схемы типа: *управление эволюцией культурных растений с помощью гибридизации*; *Ausdruck der Genugtuung über die Begegnung mit den jungen Bauarbeitern der Ferngasleitung* и др. По-видимому, целостное образное переосмысление, дающее фразеологические единства, ограничено главным образом минимальными синтаксическими структурами.

3. Основные структурно-синтаксические схемы.

Сопоставление основных структурно-синтаксических схем нем. и рус. ФЕ осуществлено Э. Х. Роттом на базе внутренней синтагматической характеристики лежащих в их основе ПСК (Ротт, II). Это тщательное исследование, результаты которого достаточно представить здесь в обобщенном (и, отчасти, уточненном) виде. Автор выделяет пять главных способов соединения компонентов в составе ПСК, лежащих в основе ФЕ; эти способы равно типичны для нем. и рус. языков и позволяют разделить фразеологический состав обоих

языков на пять структурных классов — подчинительные, сочинительные, компаративные, предикативные и сочетательные ФЕ (последним термином названы предложно-именные устойчивые сочетания в их различных модификациях). Впрочем, для нем. языка предлагается и шестой структурный класс — так называемые «агглютинативные» ФЕ типа (er) fährt ab, gibt an, legt bei, holt aus, т. е. единицы, относящиеся, на наш взгляд, не к УСК, а к лексемам (ср. Степанова, 315 и сл.; Левковская, 218—222) и не учитываемые поэтому в нашем анализе. В дальнейшем основные структурные классы членятся по более частным типам синтагматической связи, внутри типов выявляются различные структурные группы, далее подгруппы, разновидности и т. п.

Э. Х. Ротт справедливо отмечает значительное сходство наборов структурно-синтаксических схем ФЕ в нем. и рус. языках. Если отвлечься от «агглютинативных» ФЕ, общность структурно-синтаксической организации обнаруживается на уровне всех структурных классов, почти всех структурных типов и подавляющего большинства более частных групп, подгрупп и т. п. Для краткости суммируем существенные отличия, установленные в упомянутой работе, а также некоторыми другими авторами:

1. В классах подчинительных и сочетательных ФЕ сколько-нибудь заметных межъязыковых различий в структурно-синтаксических схемах вообще не обнаруживается. Отметим лишь некоторые частные особенности структурно-синтаксических схем и их морфологического оформления у подчинительных ФЕ:

а) в нем. языке специфичны глагольные конструкции sein + zu + Infinitiv I (с отрицанием), напр.: *nicht totzukriegen sein; nicht wegzudenken sein*; haben + zu + Infinitiv I (с отрицанием), напр.: *nichts zu versäumen haben; nichts zu sagen haben*; глагольные сочетания с формальным местоимением, напр.: *einen auf die Lampe gießen; es faustdick hinter den Ohren haben*; генитивные конструкции с семантикой обстоятельства или предикативного определения, напр.: *schweren Herzens; leichten Kaufs; eines schönen Tages*; наречные конструкции, включающие два предлога, напр.: *nach und nach; jahraus, jahrein; von Haus aus; durch und durch*;

б) в рус. языке — деепричастные обороты, напр.: *спустя рукава; сломя голову; стиснув зубы*; атрибутивные причастные обороты, напр.: *богом убитый; из ряда вон выходящий*; субстантивные сочетания с наречием, напр.: *сапоги всмятку; мозги набекрень*.

2. Сочинительные ФЕ структурно беднее в нем. языке, где полностью отсутствуют единицы с бессоюзной связью типа *хлеб-соль, судить-рядить, видимо-невидимо, подбру-поздорову, без сучка без задоринки*, а среди конъюнкциональных ФЕ представлен только соединительный подтип (напр.: *вкривь и вкось; кожа да кости; рвать и метать; ни слуху ни духу; kurz und gut; durch und durch; schalten und walten; weder Fisch noch Fleisch usw.*), но отсутствует противительный подтип (напр.: *не в бровь, а в глаз; светит, да не греет*). При этом немецкие сочинительные ФЕ шире развиты в количественном и функционально-стилевом отношении (Милехина).

3. У компаративных ФЕ различия касаются отдельных наименее частотных структурных групп; в нем. языке более разнообразны субстантивные сравнительные обороты, ср. однотипные: *ein Kerl wie ein Baum*; *голова как решето*; специфические немецкие структуры: *ein Mann wie aus Eisen*; *ein Gesicht machen wie eine Eule am Mittag*; *ein Unterschied wie Tag und Nacht*; *ein Gesicht machen wie die Katze, wenn's donnert*. В рус. языке более разнообразны глагольные обороты, ср. однотипные: *rennen wie ein Wiesel*; *тащиться как черепаха*; *jmdn. wie Luft behandeln*; *бояться как огня*; *sich fühlen wie ein Fisch im Wasser*; *биться как рыба об лед*; *reden wie aufgezogen*; *стоять как вкопанный*; *aussehen, als hätten ihm die Hühner das Brot weggefressen*; *поступать, как бог на душу положит*; специфически русские структуры: *жить как у Христа за пазухой*; *сказал, как отрубил* (сведения и примеры по работе О. М. Неведомской).

4. Двусоставные предикативные ФЕ в обоих языках демонстрируют в основном структурное сходство, хотя набор нем. ФЕ более разнообразен, ср., напр., однотипные: *der Kreis schließt sich* — *круг замыкается*; *jmdm. quellen die Augen aus dem Kopf* — *у кого-л. глаза на лоб лезут*; *die Trauben sind zu sauer* — *зелен виноград*. К специфически немецким в этой группе следует отнести двусоставные безличные устойчивые обороты типа: *es brennt jmdm. unter den Sohlen*; *es läuft jmdm. eiskalt den Rücken herunter*.

Только для рус. языка характерны двусоставные безглагольные предикативные ФЕ, напр.: *рыльце в пуху у кого-л.*; *море по колено кому-л.*; *дух вон*; *скатертью дорога*; *и то хлеб*.

Односоставные предикативные ФЕ составляют специфику рус. языка (относительно нем. языка). Наиболее типичны след. структуры:

а) глагольные — безличные, напр.: *в глазах потемнело*; *живот подводит*; *пороху не хватило*; *нашего полку прибыло*; неопределенно-личные, напр.: *краше в гроб кладут*; *без меня меня женили*; обобщенно-личные, в том числе конструкции: «хоть + повелительное наклонение», напр.: *хоть волком вой*; *хоть головой об стену бейся*; а также конструкции с глаголом во 2-м лице ед. ч. будущего времени, напр.: *пальчики оближешь*; *на кривой не объедешь*; *язык сломаешь*; инфинитивные (различной семантики), напр.: *рукой подать*; *за смертью посылать*; *крыть нечем*; *иглолку негде воткнуть*; *с позволения сказать*; *стало быть*; эллиптические бесподлежащие, напр.: *ума не приложу*; *не на такого напал*; *до свадьбы заживет*; императивные (кроме побудительного и эмоционально-модального употребления, распространенного и в нем. языке), напр.: *того и жди*; *поминай как звали*; *хлебом не корми*; *ищи ветра в поле*; *пришей кобыле хвост*; *пиши пропало*;

б) именные — субстантивные, напр.: *только и свету в окошке у кого-л.*; *туда ему (ей) и дорога*; *семь пятниц на неделе у кого-л.*; адъективно-наречные, нумеральные, прономинальные, напр.: *уму не постижимо*; *опять двадцать пять*; *кругом шестнадцать*; *раз-два и готово*; *наше вам с кисточкой*.

Наконец, го фразеологическом составе обоих языков есть очень небольшое количество ФЕ, построенных по нестандартным структурно-синтаксическим схемам, вообще не встречающимся среди ПСК

и возникшим в результате сложных процессов, в том числе нерегулярного эллипсиса, усечения и т. п., ср., напр.: *за здорово живешь; от нечего делать; не занимать стать; как-никак; вот так так; если бы да кабы; без никаких; стало быть; всё про всё; почем зря; разлюли малина; (na,) wenn schon; wenn schon, denn schon; zu guter Letzt; nichts für ungut; in einem weg; mir nichts dir nichts; sich staats machen; Anno dazumal; mir kann keiner; hat sich was; haste was kannste.*

Таким образом, различия в структурно-синтаксической организации между нем. и рус. фразеологией наиболее заметны на уровне предложения; они соответствуют общеязыковым характеристикам и особенно повышенной двусоставности и глагольности немецкого предложения по сравнению с русским.

4. Устойчивость структурно-синтаксического аспекта.

По ряду причин в современных фразеологических исследованиях господствует ориентация на лексический аспект анализа (в его парадигматическом и синтагматическом вариантах). До сих пор остаются справедливыми слова акад. В. В. Виноградова: «Меньше всего подвергалась глубокому анализу и лингвистической дифференциации синтаксическая и вообще грамматическая структура фразеологических единиц...» (Виноградов, III, 10).

Между тем, разнообразие типов характерной для ФЕ нерегулярной формально-смысловой организации (устойчивости и идиоматичности) базируется в рассматриваемых языках в основном на различных комбинациях, которые образуют три автономных парадигматических аспекта словесных комплексов, способные проявлять устойчивость и идиоматичность, — лексический, структурно-синтаксический и коммуникативно-грамматический. При этом нерегулярность (устойчивость и идиоматичность) структурно-синтаксического аспекта оказывается единственной обязательной чертой, общей для ФЕ в целом (в том числе и для фразеосхем). Это означает, что все семантические механизмы фразеологизации (образное переосмысление, субъективно-модальный сдвиг и др.) затрагивают также и структурно-синтаксический аспект словесных комплексов.

Идиоматичность и устойчивость структурно-синтаксического аспекта ФЕ проявляется как преобразование регулярного значения их синтаксической схемы и невозможность трансформаций, типичных для этой схемы в ее регулярных значениях. Для каждой структурной группы ФЕ может быть установлен характерный набор трансформационных дефектов (ср., напр., Burger, 75—92; Райхштейн, IV, 26, 50 и сл.), обусловленных утратой семантической самостоятельности компонентов; эти дефекты касаются трансформаций номинализации, атрибутивации, прономинализации, пассивации, распространения компонентов и т. п. (речь идет, конечно, о невозможности регулярных трансформаций; в то же время в речи допустимы всевозможные стилистические преобразования ФЕ, имеющие характер сознательного отклонения от нормы ради стилистического эффекта: последний тем выше, чем резче такое отклонение). Приведем примеры типичных запретов на структурно-синтаксические трансформации: *der blaue*

Brief — „Kündigung“ → *der Brief ist blau; *die Bläue des Briefes; *jmdm. einen Bären aufbinden* — „etw. Unwahres erzählen, jmdm. belügen“ → *der aufgebundene Bär; *das Aufbinden eines Bären; *der Bär wird jmdm. aufgebunden; *der Bär, den man jmdm. aufbindet; *dick auftragen* — „übertreiben“ → *dickes Auftragen; *das Auftragen ist dick; *заморить червячка* → *заморенный червячок; *червячок был заморен; *червячок, которого заморили; *заморить изрядного червячка; *(червячок) заморить его; *мелко плавать* → *мелкое плавание и т. п.

Существенное межъязыковое различие в наборах трансформационных дефектов образует отношение глагольных и предикативных ФЕ к трансформации номинализации. У многих русских ФЕ она возможна (хотя и не имеет в целом регулярного характера); ее результатом являются субстантивные ФЕ со значением действия или, реже, деятеля, напр.: *обивать пороги* — *обивание порогов*; *открывать Америку* — *открытие Америки*; *охотиться на ведьм* — *охота на ведьм*; *покорять сердца* — *покоритель(ница) сердец* (см. Шумилов). В то же время невозможны или неупотребительны именные трансформы у многих ФЕ, напр.: *выходить в тираж*; *ездить верхом*; *заглядывать в бутылку*; *забрасывать камнями*; *закидывать удочку*; *мазать по губам*; *пачкать руки*; *мерить версты*; *намылить голову*; *набрать в рот воды*; *душа уходит в пятки* и др. Немецкие фразеологизмы, если они семантически монолитны, как правило, вообще не способны на подобные преобразования; соответствующее содержание передается типичными для нем. языка словообразовательными средствами — сложнопроизводными существительными, напр.: *Brücken schlagen* — *der Brückenschlag*; *die Nase rümpfen* — *das Nasenrümpfen*; *Haare spalten* — *die Haarspalterei*, *der Haarspalter*; *Ränke schmieden* — *der Ränkeschmied(er)* и др. (см. Stepanova, Černyševa, 256—258).

Соотнесенные с глагольными и предикативными ФЕ субстантивные фразеологизмы и сложнопроизводные слова функционально-семантически тождественны; в рус. языке господствуют первые, в нем. языке — вторые (хотя сама возможность их образования остается для каждого конкретного случая в обоих языках слабо прогнозируемой). Конкурирующий способ выражения слабо развит в рус. языке, напр.: *очковитительство*; *бумагомарательство*; *головокружение*, и почти полностью отсутствует в нем. языке (в FMDI только *der Gang nach Kanossa*), если отвлечься от семантически членимых ФЕ. Таким образом, в структурно-синтаксическом аспекте немецкие семантически монолитные ФЕ оказываются несколько более устойчивыми, чем русские, так как лишены раздельноформленных субстантивных трансформов глагольных и предикативных ФЕ.

Общей для обоих языков чертой является отход от полной структурно-синтаксической устойчивости ФЕ в случае их семантической членимости. Семантическая автономность компонентов автоматически проявляется как их способность занимать различные синтаксические позиции и ведет к появлению соответствующих трансформаций ФЕ (впрочем, не

всегда в их полном наборе). Именно здесь обнаруживается множество различных форм и ступеней неполной устойчивости и идиоматичности, ср., напр.:

а) в нем. языке:

eine Klippe umschiffen → *die umschiffte Klippe*; *das Umschiffen von Klippen*; *die letzte Klippe, die wir noch umschiffen müssen*; *wir haben sie umschifft*; *die Klippe wurde umschifft*;

(ср. также: *jmdm. eine Last aufbürden*; *den Weg ebnen*; *eine wunde Stelle berühren*; *einen Köder auswerfen*; *eine Falle stellen*; *die Schlinge zuziehen*; *das Bild ausmalen*; *eine Lücke schließen*; *den Zahn ziehen*; *die Hürde nehmen*; *die Saat geht auf* и др.);

б) в рус. языке:

передавать эстафету → переданная эстафета; передача эстафеты; эстафета, которую нам передало старшее поколение; (эстафета) нам ее передали; эстафета была нам передана; (ср. также: *накалять атмосферу*; *тянуть канитель*; *заваривать кашу*; *нести окоlesiцу*; *строить воздушные замки*; *наложить печать*; *напускать туману*; *прощупывать почву*; *платить дань*; *проливать свет* и др.).

Лексический и структурно-синтаксический аспекты ФЕ находятся в сложном взаимодействии. С одной стороны, лексико-семантическая автономность компонентов (групп компонентов), наблюдающаяся у многих комплексов и связанная с самостоятельным употреблением этих компонентов в иных окружениях, ведет к неполной структурно-синтаксической устойчивости (см. примеры выше). С другой стороны, чем сложнее синтаксическая структура ФЕ, тем больше ее компоненты тяготеют к семантической автономности и самостоятельному употреблению (напр., пословицы и т. п.). Эти явления подробнее рассматриваются в следующем разделе.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. Семантическая структура.

Содержание ФЕ в сопоставляемых языках имеет еще более сложную и разностороннюю организацию, чем содержание слов. Семантическую структуру фразеологической единицы образует совокупность ее семантических элементов, находящихся в разнообразных отношениях друг с другом. Прежде всего следует отметить отношения прямого противопоставления, обнаруживающиеся в семантике ФЕ (всех или части) между основными семантическими составляющими ФЕ, а именно:

а) разными отдельными значениями (семемами, семантическими вариантами) многозначной ФЕ;

б) разными аспектами каждого отдельного значения — денотативно-сигнификативным, в котором фиксируется предметная направленность и объективное понятийное содержание ФЕ, и коннотативно-прагматическим, в котором закреплены дополнительные, коммуникативно-значимые социальные и индивидуальные характеристики;

в) различными планами, противопоставленными в семантике основной массы ФЕ, — фактическим совокупным значением ФЕ (фразеологическим значением) и регулярным аспектным (компонентным и структурным) значением комплекса.

Наконец, названные составляющие фразеологической семантики, в свою очередь, членятся на семы (семантические компоненты, семантические признаки и т. п.), которые выступают не только как конститuenty основных семантических составляющих ФЕ, но и как связующие звенья между ними.

В связи с выделенными вопросами можно сделать некоторые общие замечания сопоставительного характера.

Фразеологическая полисемия представлена в обоих языках, ср.:

Pflaster treten — 1. „keine Arbeit tun, müßiggehen, bummeln“;

2. „in der Stadt (statt in der Natur, auf dem Lande) leben“;

запускать глаза — 1. «заглядывать, смотреть украдкой»; 2. «проявлять корыстный интерес к чему-л. с целью завладеть, присвоить и т. п.».

В обоих языках многозначность ФЕ имеет одинаковый характер — в отличие от лексической, она слабо развита (см. Езиев, Глухов). Относительно исходных ПСК, конкретно-номинативные значения которых принято рассматривать вне семантической структуры ФЕ (иногда как омонимы последних, ср. Архангельский, II), семантическая структура рус. и нем. многозначных ФЕ может быть либо линейной (последовательное переосмысление ПСК → ФЕ₁ → ФЕ₂), либо радиальной (независимое переосмысление ПСК → ФЕ₁; ПСК → ФЕ₂) (ср. Чернышева, II, 102). В отдельных случаях независимое вторичное переосмысление ПСК порождает фразеологические омонимы, ср., напр., нем. ФЕ *jmdn. stößt der Bock* с двумя близкими значениями — 1. „jmd. schluchzt ununterbrochen“; 2. „jmd. lacht krampfhaft“ и омонимичную ФЕ *jmdn. stößt der Bock* со значением „jmd. ist störrisch“. Для фразеологических единств нем. и рус. языков омонимия — редкое явление, у устойчивых фраз типа пословиц, крылатых выражений и т. п. она практически вообще не встречается.

Типичным явлением фразеологической семантики сопоставляемых языков следует считать также широкую, диффузную семантическую основу многих ФЕ, реализуемую в ряде более конкретных употреблений (см. Краморенко; Чернышева, III; Бородулина).

Общим признаком ФЕ обоих языков является и выдающаяся роль коннотативно-прагматического аспекта в совокупном значении фразеологизмов (см. Городникова; Толикина и др.). Обязательное наличие этого аспекта в семантике собственно фразеологизмов, проявляющегося как эмоционально-экспрессивная окрашенность, субъективно-оценочный характер их значения, включающего часто также различные социально-групповые коннотации (напр., идеологическая окрашенность ФЕ *наводить мосты*; дополнительный смысл «народной мудрости», свойственный всем пословицам и т. п.), может, очевидно, рассматриваться как фразеологическая универсалия. Более того, стремление к экспрессивности служит основным фактором появления и существования большинства фразеологических единиц

вообще. Различным комбинациям экспрессивной и номинативной функций, характерным для ФЕ, соответствует различный удельный вес денотативно-сигнификативного и коннотативно-прагматического аспектов значения в каждой из этих комбинаций (см. гл. II, разд. 2).

Высокая значимость коннотативно-прагматического аспекта во фразеологической семантике в значительной степени объясняется двуплановостью семантической структуры всех ФЕ, построенных на образном переосмыслении. При этом коннотативно-прагматический аспект выступает как результат взаимодействия обоих планов в значении ФЕ — дезактуализованного конкретно-предметного и актуального образно-переосмысленного. Это взаимодействие (и соответствующая мера оценочности и экспрессивности) тем интенсивнее, чем более явно противоречат друг другу оба плана. При неполной дезактуализации конкретно-предметного значения ПСК, характерной для неосложненного метонимического переосмысления, коннотативно-прагматический аспект выражен наименее ярко, напр.: *den Gashahn aufdrehen* — „Selbstmord mit Leuchtgas begehen“; *разводить руками* — «крайне удивляться, недоумевать; не знать, как поступить в затруднительных обстоятельствах».

При полной (метафорической) дезактуализации мера фразеологической коннотации в среднем существенно выше, напр.:

jmdm. das Gas abdrehen — „jmdn. wirtschaftlich zugrunde richten (durch Beschneidung finanzieller Voraussetzungen)“;

нагреть руки — «нечестно, незаконными путями наживаться, богачество».

Особенно сильна экспрессия в случае фантастических, гиперболизированных или немотивированных для современного носителя языка метафорических и метонимических образов типа: *душа уходит в пятки*; *собаку съел в чем-л.*; *глаза на лоб лезут*; *jmdm. rutscht das Herz in die Hose*; *jmdm. stehen die Haare zu Berge*; *jmdn. in Harnisch bringen*.

Принципиальное сходство присуще и семной организации фразеологического значения в нем. и рус. языках, хотя этот вопрос, несомненно, заслуживает дальнейшего и более глубокого исследования. В семантической микроструктуре фразеологизмов обоих языков участвуют семы различных ступеней обобщения — категориальные, субкатегориальные, групповые, дифференциальные, напр., ФЕ: *etw. übers Knie brechen* — „etwas schnell, gewaltsam entscheiden (statt es sich in Ruhe entwickeln zu lassen)“, в значении которой могут быть выделены следующие семы: категориальная — «активный признак, соотносённый со временем»; субкатегориальная — «деятельность»; групповая сема — «решать, принимать решение»; дифференциальные семы — «излишне поспешно»; «волевым способом»; «нарушая естественный ход событий»; коннотативный элемент — экспрессивность; отрицательная оценочность.

Ср. близкую по образной базе и совокупной семантике русскую ФЕ *наломать дров*, отличающуюся однако отчасти на уровне групповой семы («действовать») и дифференциальных сем (главным образом «необдуманно», «ошибочно»).

Семный анализ, способный выявлять существенные различия и сходства в значении соотнесенных друг с другом рус. и нем. ФЕ, не обнаруживает, однако, в общем межъязыковых различий ни в наборе используемых сем, ни в методике его проведения, ни в результатах. Складывается впечатление (нуждающееся в дополнительной проверке), что все основные чисто семантические характеристики фразеологических систем лишены выраженной национально-языковой специфики и тяготеют к всеобщности.

2. Формально-семантическая структура.

Особую проблему сопоставительного анализа фразеологических систем составляет рассмотрение формально-семантической структуры ФЕ, т. е. исследование соотношения их структуры плана содержания и структуры плана выражения. Речь идет, другими словами, о разных способах распределения элементов семантики фразеологизма по его лексическим компонентам, т. е. о мере так называемой семантической слитности (монологичности, неразложимости, нечленимости) и противопоставленной ей семантической членимости ФЕ.

Широко распространенная в прошлом точка зрения на фразеологизмы как на семантически монологичные образования, в которых значения отдельных компонентов полностью растворены и преобразованы в единое и неделимое значение целого, постепенно уступает место более дифференцированному подходу, при котором делаются попытки рассмотреть с различных позиций меру, характер и факторы выявляемой у многих ФЕ семантической значимости отдельных компонентов (см. Авалиани, I—IV; Жуков, II; Райхштейн, II—V; Тихонов; Чернышева, III; Гвоздарев, IV и др.). В тесной связи с проблемой семантической монологичности и членимости ФЕ находится, таким образом, вопрос о сущности лексических компонентов ФЕ, об их семантической характеристике и об их роли в совокупном значении ФЕ. В ходе активной дискуссии о семантических свойствах компонентов ФЕ (сравнительно с самостоятельными словами) были первоначально сформулированы две крайние точки зрения: 1) фразеологические компоненты не имеют никакой семантической общности со словами, являясь в составе ФЕ не самостоятельными значащими единицами, а лишь смыслоразличительными признаками (Торопцев; Молотков, I; Ониани; Телия, I); 2) фразеологические компоненты не имеют существенных семантических отличий от слов — и те, и другие являются носителями отдельных семем, фразеологически связанных значений (Копыленко и Попова; Гвоздарев, II). Дальнейшие исследования показали односторонность обеих позиций — в рамках фразеологического состава рус., нем. и других языков мера семантической «словности» компонентов ФЕ лежит в широком диапазоне между нулевой и максимальной, не достигая в большинстве случаев ни того, ни другого предела.

Тем не менее, представляется возможным выделить в этом многообразии три основных типа семантической значимости отдельных компонентов нем. и рус. цельнообразных ФЕ — отрицательную, косвенную и прямую (ср. также: Мелерович; Митина).

а) **Отрицательная значимость** компонента определяется как отсутствие общих семантических элементов в словарном значении лексемы-компонента и в совокупном сигнификативном значении ФЕ, напр., ФЕ *etw. übers Knie brechen* — „*etw. schnell, gewaltsam entscheiden*“, в семантике которой полностью отсутствуют дифференциальные семы лексем *Knie* и *brechen* (в любом их значении). Отрицательная значимость всех компонентов ФЕ означает ее полную семантическую монолитность; она обычно имеет место в тех случаях, когда фразеологическое значение не базируется на прямых или переносных значениях компонентов, а опирается на ситуационный смысл, который лишь иногда, в некоторых условиях может быть свойствен всему ПСК (см. гл. III).

б) **Косвенная значимость** компонента проявляется как определенная соотнесенность между совокупным значением фразеологизмов с данным компонентом и семантикой самого компонента в его самостоятельном употреблении; эта соотнесенность может быть определена как наличие в прямом значении слова семы, на которой базируются значения ряда ФЕ с данным компонентом (а нередко и переносные значения самого слова). Такой компонент (обычно это существительное), естественно, играет роль семантического центра ФЕ. Так, в семантической микроструктуре прямого значения слов *голова* / *Kopf* обнаруживаются, наряду с групповой семой «часть тела», также дифференциальные семы «содержащая мозг», «жизненно важная», «верхняя» или «передняя», каждая из которых лежит в основе группы ФЕ с компонентом *голова* / *Kopf*, а также в основе особого переносного значения самого слова (см. Авалиани, II, IV; Золотова; Мордкович).

Подобные семантические связи особенно легко прослеживаются в сопоставляемых языках на материале фразеологизмов с наиболее частотными компонентами, придающими многим фразеологизмам определенную типовую семантику, напр., на соматических ФЕ с компонентами *Kopf* / *голова*; *Auge* / *глаз* («восприятие, осознание»); *Hand* / *рука* («активное воздействие»); *Herz* / *сердце* («чувство, эмоциональное отношение»); *Mund* / *рот* («речь»); *Zunge* / *язык* («речь») и др. Фразеологические ряды такого рода представляют собой семантические группы, в которых групповая сема (архисема), напр., «мыслительный процесс», ассоциируется с соматическим компонентом, напр., *Kopf* / *голова*, а прочие компоненты выступают в роли носителей дифференциальных сем. Таким образом, намечается возможность некоторого неполного распределения семного состава (план содержания) по лексическим компонентам (план выражения) ФЕ. При этом семантическая соотнесенность «слово» — «фразеологический компонент» осуществляется не прямо, а косвенно — через совокупное значение ФЕ.

в) **Прямая значимость**, т. е. семантическая отдельность компонентов является обязательным свойством целых разрядов УСК — лексических единств, фразеологических и фразеологизованных сочетаний, аналитических глагольных конструкций, а также значительной части развернутых устойчивых фраз (лишенных целостного

переосмысления). Семантическая монолитность (неразложимость) УСК отсутствует, таким образом, во всех случаях, когда комплекс не подвергся целостному переосмыслению всего компонентного состава — образному или субъективно-модальному*. Соответственно семантическая монолитность обнаруживается только среди фразеологических единств (включая «фразеологические сращения») и части фразеологических выражений (устойчивых фраз). Однако и в этих рамках нельзя отождествлять целостное переосмысление с семантической неразложимостью комплекса, т. е. и в этих разрядах часть ФЕ семантически членима, а их компоненты обладают семантической автономностью (отдельностью). Имеются в виду те случаи, когда в цельнопереосмысленных ФЕ все элементы сигнификативно-денотативного значения могут быть распределены по компонентам (группам компонентов) плана выражения ФЕ, т. е. когда последним может быть приписано определенное значение в составе ФЕ, напр.: *разрубить гордиев узел* — «разрешать трудную задачу, запутанное дело», *гордиев узел* — «трудная задача, запутанное дело», *разрубать* (в этом сочетании) — «разрешать»; *eine alte Wunde aufreißen* — „altes Leid auffrischen“, где *eine alte Wunde* — „altes Leid“, *aufreißen* (в этом сочетании) — „auffrischen“.

Число цельнообразных семантически членимых ФЕ достаточно велико в обоих языках; это явление заслуживает особого внимания, поскольку связано с другими важными свойствами ФЕ (см. подробно: Райхштейн, III—V). Важно отметить, что семантическая членимость ФЕ и тем самым семантическая автономность ее компонентов обуславливается рядом факторов, которые характерны для обоих языков, но действуют в них с неравной силой.

Первый фактор имеет структурно-синтаксический характер. Цельнообразные ФЕ тяготеют к семантической членимости по мере усложнения их синтаксической структуры и увеличения их объема. Поэтому удельный вес семантически членимых ФЕ нарастает в обоих языках от наречных и именных к глагольным и далее к предикативным ФЕ, достигая максимума в сфере развернутых устойчивых фраз типа пословиц. Обычно распадаются на семантически автономные компоненты или группы компонентов также те ФЕ, которые сформированы на базе комплекса, включающего структурно необязательный член, напр., определение к существительному; эта пара и обладает обычно семантической автономностью в составе глагольных, предикативных и др. ФЕ, напр.: *пускать красного петуха* (ср. *красный петух* — «пожар»); *открывать / давать зеленую улицу* (ср. *зеленая улица* — «свободный, беспрепятственный путь»); *alten Kohl aufwärmen* (ср. *alter Kohl* — „alte Geschichten“); *den letzten Trumpf ausspielen* (ср. *der letzte Trumpf* — „der letzte Vorteil“).

* УСК может иметь суперкомпонентные (глобальные) элементы значения, напр., у непереосмысленных лексических единств, необразных пословиц и др., однако это не мешает компонентам сохранять семантическую отдельность, а комплексу оставаться семантически членимым.

Второй фактор членимости ФЕ — семантический. Если в семантической структуре ФЕ есть конкретно-предметная сема лица, то она получает отдельное выражение через имя или именную группу в составе ФЕ, напр.: *волк* («дурной человек, негодяй») в *овечьей шкуре* («маскирующий свои намерения»); *sich einen Goldfisch* („ein reiches Mädchen“) *angeln* („heiraten“).

Наконец, третий фактор имеет лексико-семантический характер и непосредственно демонстрирует парадигматические связи между фразеологическими компонентами и лексико-семантической системой языка. Семантическая автономность компонента оказывается результатом его вхождения в ряд комплексов, между которыми существуют частичные формальные и соответствующие частичные смысловые различия. Общий семантический элемент такого ряда и есть автономное значение повторяющегося в ряду компонента. Так, например, компонент *заваривать* входит не только в ФЕ *заваривать кашу* — «затеять сложное, хлопотное или неприятное дело», но и в сочетания с существительными *свадьба, склока, дело, история* и т. п.; общее для всего ряда значение «затеять» (с отрицательной оценочностью) составляет семантику компонента *заваривать* во всех этих комплексах. Аналогичный ряд образует глагольный компонент *расхлебывать* со значением «распутывать, улаживать, поправлять что-л.». Наконец, в противопоставлении *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу* — «распутывать сложное, хлопотное или неприятное дело» вычленяется семантически автономный компонент *каша* — «сложное, хлопотное, неприятное дело» (встречающийся в этом значении только в данных ФЕ).

Точно так же членятся на семантически автономные компоненты нем. ФЕ *die Suppe einrühren / einbrocken* и *die Suppe aussessen / auslöffeln*.

Если первые два фактора выступают как языковые тенденции и ведут к потенциальной семантической вычленимости компонентов, то последний — лексико-семантический — обеспечивает подлинную семантическую отдельность компонента, которая означает не только семантическую членимость ФЕ, но одновременно также ее неполную идиоматичность (поскольку совокупное фразеологическое значение складывается из автономных компонентных) и неполную устойчивость (поскольку наличие упомянутого ряда свидетельствует о некоторой возможности замены компонентов и структурных трансформаций ФЕ).

Факторы семантической членимости обуславливают также потенции фразеологической деривации — вычленения из состава ФЕ новых лексем (лексико-семантических вариантов) или новых ФЕ.

Кратко охарактеризованные выше явления и факторы существенны для нем. и рус. языков. Однако основной, лексико-семантический фактор семантической членимости имеет в нем. языке более широкое поле действия. Это связано с важными различиями в развитии основных частей речи — существительного и глагола — в сопоставляемых языках.

Если в рамках цельнооформленного имени существительного нем. язык располагает богатейшими возможностями варьирования (конкретизации) лексической семантики и достаточными возможностями варьирования структурных значений, то в рамках цельнооформленного глагола нем. язык заметно уступает русскому особенно по линии выражения разнообразных структурных значений (аспектных, видо-временных, субъектно-объектных и т. п.). Поэтому нем. язык обладает более развитой глагольной фразеологией, отличающейся от русской главным образом более дифференцированным набором реляционных структурных значений грамматической направленности. Носителями таких значений нем. глагольных ФЕ часто выступают компоненты-глаголы с наиболее обобщенной и широкой семантикой, близкой к субкатегориальным значениям грамматического характера (напр., пребывание в каком-л. состоянии: *sein, haben, sitzen, stehen*; переход в состояние — *werden, gehen*; приведение в состояние — *bringen, machen, setzen* и т. п.). Они широко представлены не только в разряде аналитических глагольных конструкций типа *in Kenntnis setzen, in Ordnung bringen, Bekanntschaft machen* (ср. Москальская, I, II), но и среди собственно фразеологизмов с цельнообразным переосмыслением (фразеологических единств), напр.: *etw. ins reine bringen — ins reine kommen — im reinen sein; hinter schwedischen Gardinen sitzen — jmdn. hinter schwedische Gardinen bringen — hinter schwedische Gardinen kommen*. В нем. фразеологическом составе глаголы широкой семантики участвуют не менее чем в трети всех ФЕ, причем на долю пяти наиболее частотных (*sein, haben, kommen, gehen, machen*) приходится около 20% нем. ФЕ. Укажем для сравнения, что пять наиболее активных во фразеобразовательном отношении русских глаголов (*брать / взять; давать / дать; держать; ставить / поставить; стоять*) участвуют лишь в 5% рус. ФЕ.

Высокий удельный вес глаголов широкой семантики в нем. фразеологии заставляет внимательно отнестись к их роли в составе ФЕ, так как они обладают настолько широким, обобщенным, «нейтральным» значением, что семантически согласуются со вторым компонентом ФЕ как в его прямом, так и в его переносном значении, напр.:

das Theater geht los — 1. „die Aufführung beginnt, geht los“ (прямое значение); 2. „das Getue, der Streit beginnt, geht los“ (переносное значение).

Сохраняя в составе фразеологического единства свое абстрактное, но самостоятельное значение, нейтральный компонент способствует семантической выделяемости остальных компонентов ФЕ (ср. в примере выше *das Theater* — „das Getue, der Streit“).

К нейтральным компонентам относятся также местоимения, отдельные наиболее обобщенно-абстрактные существительные, прилагательные, числительные. Еще более широко, чем в глагольных ФЕ, нейтральные компоненты представлены в немецких устойчивых фразах, в частности, в цельнообразных пословицах и поговорках. Среди них почти нет единиц, целиком состоящих из подлинно образных компонентов, — как правило, образные компоненты перемежаются ней-

тральными, ср., напр.: *Alte Bäume lassen sich nicht biegen. Der Appetit kommt beim Essen. Steter Tropfen höhlt den Stein. Jeder Topf findet seinen Deckel* (см. Райхштейн, V).

В рус. языке наряду с подобными устойчивыми фразами, включающими отдельные нейтральные компоненты (напр.: *Была бы шея, а хомут найдется. Видна птица по полету. В сяк кулик свое болото хвалит*), насчитывается все же немалое число и чисто образных единиц, напр.: *Капля камень долбит / точит; Лес рубят — щепки летят; На охоту ехать — собак кормить; Сухая ложка рот дерет; Цыплят по осени считают; На безрыбье и рак рыба.*

Как видно из приведенных примеров, основными носителями образности в ФЕ являются существительные; нейтральные компоненты в обоих языках — глаголы, местоимения, прилагательные. Однако «образная сила» глаголов в составе рус. ФЕ значительно выше, чем в составе немецких. Кроме того, большое число рус. ФЕ вообще не включает глагольных компонентов и складывается из одних образных существительных (ср.: *На безрыбье и рак рыба*).

Таким образом, в обоих языках обнаруживаются одни и те же факторы семантической членимости ФЕ и семантической автономности их компонентов, однако в нем. языке эти факторы действуют более интенсивно. Соответственно семантическая членимость шире распространена среди немецких фразеологических единиц.

4. МЕСТО УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ НОМИНАЦИИ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Тенденция к семантической регулярности, с одной стороны, и несимметричный, прерывистый характер парадигм в сфере обиходной лексики, с другой стороны (Шмелев, 108—109), приводят к тому, что парадигматические семантические отношения, характерные для лексико-семантической системы (включения, синонимии, антонимии и т. п.), в сущности, распространяются и за ее пределы, образуя логико-семантическую сетку, заполняемую в плане выражения не только лексемами, но и УСК, а также переменными словесными комплексами. Последнее положение отнюдь не является общепринятым, а потому нуждается в дополнительном обосновании. Функциональная взаимосвязь лексем, УСК и ПСК в системе номинативных средств языка проявляется в том, что семантические микросистемы, конституируемые лексемами, обнаруживают позиции, номинативно необходимые, но лишенные лексического выражения, а потому обозначаемые с помощью УСК и (или) ПСК, ср., напр.: *лгать, врать—lügen, schwindeln*, не имеющие в рус. и нем. языках лексем-антонимов; соответствующее значение выражается только через регулярные словосочетания, напр.: *говорить правду; не врать; быть откровенным; nicht lügen; aufrichtig sein; die Wahrheit sagen* или через ФЕ, способные экспрессивно передать оба противоположных значения, ср.,

напр.: *рубить сплеча*; *резать правду-матку* — *врать как сивый мерин*; *нули отливать*; *der Wahrheit die Ehre geben*; *mit der Wahrheit nicht hinter dem Berge halten* — *Garn spinnen*; *sich etw. aus den Fingern saugen*. Таким образом, для значения «лгать» в обоих языках существуют все три способа выражения, для противоположного значения — только два. В других номинационных парадигмах могут отсутствовать в определенных позициях УСК и использоваться способ выражения соответствующих значений через лексику и (или) ПСК. Этот случай широко распространен, так как ФЕ, как известно, чрезвычайно неравномерно покрывают семантическое и номинационное пространство языка (см. Хазанович, 13); концентрируясь в одних семантических областях и отсутствуя в других (см. гл. III). Кроме того, ФЕ семантически асимметричны в оценочном плане, т. е. несут в своем подавляющем большинстве отрицательные оценочные значения (см. Ройзензон, I). Это означает, что соответствующие противоположные, положительные оценочные значения выражены менее разнообразно и получают преимущественно или даже исключительно лексическое или описательное выражение (через ПСК), ср., напр., огромный лексико-фразеологический ряд синонимов со значением «хвастать» и очень скромный набор антонимов, среди которых совсем нет настоящих фразеологизмов: *prahlen*; *protzen*; *renommieren*; *aufschneiden*; *angeben*; *den Mund voll nehmen*; *Schaum schlagen*; *große Töne spucken*; *das große Wort führen*; *sich in Szene setzen* usw. — *bescheiden sein*; *sich zurückhalten*; *Zurückhaltung üben*.

Понятно, что в разных языках конкретные способы номинации в каждом отдельном случае могут не совпадать (хотя, несомненно, действуют некоторые общие тенденции и закономерности). Наиболее наглядно это частичное несовпадение в способе выражения одного и того же содержания проявляется при структурном анализе иноязычных соответствий лексических и фразеологических единиц в любом двуязычном словаре, а также в тексте оригинала и перевода (ср. Wandruszka, 11).

Сказанное распространяется и на сферу коммуникации, осуществляемой как регулярными высказываниями, так и устойчивыми фразами.

В целом система УСК функционирует в языке как дополнительное средство, выражающее преимущественно те значения, с которыми «не справляются» основные средства номинации — лексические и структурно-синтаксические (ср. Гак, IV, 238). К таким значениям в общем относятся случаи, когда денотация, характерная для ПСК, усложнена по крайней мере в одном из следующих трех направлений (или одновременно в двух из них):

а) в д е н о т а т и в н о м, когда происходит усложнение денотативно-сигнификативной семантики словесного комплекса (приращение его семного состава = семантическая специализация) без соответствующего развертывания плана выражения; комплексы с чисто денотативным усложнением семантики — это главным образом лексические единства, а также устойчивые фразы-сигналы, команды и т. п.;

б) в коннотативном, когда семантика словесного комплекса включает оценочные, субъективные, экспрессивные и т. п. элементы значения, более сильные, чем у отдельной лексемы (благодаря сверхсловному составу ФЕ), накладывающиеся на денотативно-сигнификативное значение комплекса и подчас в большей или меньшей степени оттесняющие его на задний план; это собственно фразеологизмы (см. подробнее о взаимодействии различных аспектов фразеологической семантики в гл. II и в гл. IV, разд. 3);

в) в грамматическом, когда словесный комплекс специализируется на выражении функционально-грамматических значений, не получающих в данном языке синтетического выражения в пределах одной лексемы; это прежде всего глагольные аналитические конструкции, в которых денотативно-сигнификативное значение конкретного процесса выражается отглагольным существительным, а общее структурно-функциональное значение — сильно десемантизированным глаголом широкой семантики (ср. Виноградов, I, 414; Москальская, II, 43—44).

Таким образом, УСК обеспечивают усиление денотативных, коннотативных и функционально-грамматических возможностей языковой системы (ср. также понятие компликативности семантики ФЕ (Гаврин, I и др.) и тем самым содействуют экономии языковых средств (Гулыга).

Намеченные три основные функции УСК в языковой системе неодинаково зависят от неязыковой действительности и ее развития. Соответственно и разные классы УСК по-разному отражают экстралингвистические факты в их развитии и в их статике.

У собственно фразеологизмов, возникающих в значительной степени ради выражения дополнительных коннотаций, ради удовлетворения потребности в более экспрессивном переозначении уже известных явлений и понятий (ср. Eckert, 23), влияние объективного мира сказывается по преимуществу в выборе лексического материала для фразеологизации и в исходном содержании ПСК, а не в совокупной семантике образующихся на их базе ФЕ, которая изменяется и обновляется весьма незначительно и медленно и искони ограничена отражением объективных явлений, порождающих интенсивные коннотации, т. е. субъективно окрашенные созначения (см. подробнее в гл. III).

Если рассмотреть и сопоставить в динамике совокупность прямых и совокупность собразно-переосмысленных (фразеологических) значений в общей семантической структуре фразеологической системы, то окажется, что первая совокупность меняется несравненно быстрее второй. Другими словами, фразеологическая диахрония — это, в первую очередь, история смены мотивирующих средств, т. е. материального состава и прямого (мотивирующего) значения словесных комплексов, и лишь во вторую — совокупных значений ФЕ (ср. близкие наблюдения в работах Чернышева, II, 122—123; Мокиенко, II, 9). Сигнификативная экспансия системы собственно фразеологических единиц мало существенна по сравнению с лексикой.

Денотативно усложненные УСК (лексические

единства, устойчивые фразы-сигналы и т. п.) возникают, напротив, исключительно ради специализированного и конвенционального обозначения новых явлений (ситуаций) реальности и полностью отражают как ее развитие, так и развитие системы понятий в сознании человека. Именно поэтому лексические единства — это в основном составные термины, соотнесенные функционально-семантически с именами существительными и дополняющие их в системе номинации, т. е. выступающие главным образом там, где лексемы данного языка не в состоянии обеспечить сложно-мотивированную номинацию (ср.: Чернышева, I, 45—46). Соответственно развитие лексических единств есть прежде всего развитие их совокупных сигнификативно-денотативных значений; их компонентный (материальный) состав пополняется в среднем медленнее, так как обычно формируется путем разнообразного комбинирования уже имеющихся в языке лексем, ср., напр., ряды терминологических*, лексических единств в языкознании — «фразеологическая единица», «фразеологическое единство», «фразеологическое сочетание», «прямая речь», «косвенная речь», «внутренняя речь» и т. п. В сфере коммуникации аналогичный характер имеют устойчивые фразы-сигналы (команды, формулы профессионального общения и т. п.).

Наконец, глагольные аналитические конструкции формируются преимущественно ради структурно-грамматических функций, которые не могут полностью выполнять глагольные лексемы данного языка. Собственно денотативно-сигнификативный аспект значения глагольных аналитических конструкций обычно уже имеет в языке лексемное выражение (той же или иной основой); поэтому развитие аналитических конструкций не обусловлено непосредственно развитием объективного мира и наших знаний о нем. Однако косвенно их прогрессирующее распространение связано с растущей ролью абстрактных понятий в коммуникации и с вытекающей отсюда необходимостью их структурно-семантического транспонирования из статичных, предметных (*Einsicht; Abstand; Ordnung; Kenntnis* и т. п.) в динамичные, глагольные, всесторонне используемые в коммуникации (*zur Einsicht kommen / bringen; Abstand nehmen / gewinnen; in Ordnung sein / kommen / bringen*). Развитие этого типа УСК косвенно отражает объективные и гносеологические процессы (подобно развитию синтаксической и словообразовательной систем). Не случайно оно в первую очередь затрагивает те коммуникативные сферы, в которых особенно актуальна тенденция к абстрагизации речи (официально-деловую, научно-техническую, общественно-политическую).

Основные функции важнейших классов УСК, по-видимому, имеют универсальный характер. Межъязыковые различия проявляются там, где первичные системы неодинаково справляются с этими функциями и УСК того или иного типа оказываются соответственно развитыми в большей или меньшей степени. Так, по сравнению с рус. языком в нем. языке сильнее развиты глагольные аналитические конструкции (так как слабее представлены синтетические средства выражения соответствующих зна-

чений в рамках цельноформленных глаголов) и слабее развиты лексические единства (так как есть мощная система именного словосложения). Что же касается собственно ФЕ, то потребность в усиленной коннотации существует во всех языках, и везде переосмысленные словесные комплексы удовлетворяют ее эффективнее (ярче, интенсивнее и т. п.), чем отдельные лексемы. Вероятно, функционально обусловленное широкое развитие ФЕ во всех языках имеет более или менее сопоставимые масштабы; однако и здесь частные структурные различия могут вноситься «подстилающими» системами (см. ниже).

Если денотативное и грамматическое усложнение семантики словесных комплексов, по-видимому, имеют взаимоисключающий характер (т. е. в каждом данном УСК может наличествовать только одно из этих двух явлений), то коннотативное усложнение, в принципе, вполне способно выступать в комбинации с денотативным или грамматическим. О денотативно-коннотативном усложнении можно говорить применительно ко всем номинативно-экспрессивным ФЕ (см. гл. II, разд. 2), у которых денотативная сложность и специализация значения сочетаются с интенсивным экспрессивно-оценочным элементом. Денотативно-коннотативная усложненность характерна, в частности, для профессиональных и др. жаргонизмов сверхсловной структуры, зачастую являющихся единственным устойчивым наименованием того или иного явления, ср., напр.: *kühle Blonde mit Schuß* — „ein Glas kühles helles Bier mit einer kleinen Menge anderer Flüssigkeit“; *kleines Sturmgepäck* — „Wanderausrüstung bei Urlaubsfahrten“; *Taxi mit Blaulicht* — „Funkstreifenwagen der Polizei“ (Küpfer); *конский хвост* — «прическа с перехваченными сзади незаплетенными длинными волосами» (Новые слова и значения); *искусственная челюсть* — «ультрасовременная улица среди района старой застройки»; *раковая шейка* — «патрульная автомашина милиции» (информанты).

Подобные УСК шире представлены в нем. языке; в рус. языке аналогичные функции часто выполняют суффиксальные имена типа: *кукурузник* — «легкий учебно-тренировочный самолет, приспособленный для ночного бомбометания на бреющем полете во время Великой Отечественной войны»; *четвертак* — «самосвал грузоподъемностью в 25 тонн» (Новые слова и значения).

С другой стороны, грамматически-коннотативное усложнение имеет место в тех случаях, когда наряду с цельнообразными коннотациями, выраженными всем фразеологическим единством, глагольный компонент последнего выполняет те же грамматические функции, что и в глагольной аналитической конструкции (т. е. передает субъектно-объектные и аспектно-видовые отношения); при этом для нем. языка характерны целые ряды ФЕ, различающихся только глагольными компонентами и передающих различные виды названных отношений — так называемые *Idiom-Serien* (Burger, 38), напр.: *unter Dach und Fach bringen* — *unter Dach und Fach sein* — *unter Dach und Fach kommen*. В рус. языке подобные серии развиты слабее и несут преимущественно субъектно-объектные различия, ср.: *дать по шап-*

ке — получить по шапке; ставить на одну доску — стоять на одной доске.

Таким образом, следует констатировать, что У С К, совмещающие коннотативную усложненность значения с денотативной или с грамматической, более типичны для немецкого языка. Практически это означает более широкое развитие в нем. языке УСК, образующих промежуточные группы между ФЕ и глагольными аналитическими конструкциями или между ФЕ и лексическими единствами. Тем самым границы между основными разрядами ФЕ и нефразеологических УСК оказываются в нем. языке более подвижными и размытыми, чем в рус. языке.

5. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Последний раздел работы посвящен попытке выявить те наиболее существенные свойства сопоставляемых языков, которые составляют специфику их синтаксической, словообразовательной и лексико-семантической систем и в то же время оказывают решающее влияние на внутреннюю организацию фразеологии языка, обуславливая ее характерные фразообразовательные особенности по сравнению с фразеологией других языков.

В поисках таких наиболее общих структурных черт современного немецкого языка, определяющих его специфику, в том числе и сравнительно с русским языком, мы наталкиваемся в трудах различных авторов на две внешне противоречащие друг другу характеристики строя немецкого языка. Первая из них — *с у б с т а н т и в н о с т ь*, т. е. тенденция современного немецкого языка к номинализации, нарастающее господство имени существительного в немецком высказывании и чрезвычайная словообразовательная активность существительного, выделяющая его из всех других частей речи нем. языка*.

Вторая, часто подчеркиваемая характеристика — *г л а г о л ь н о с т ь* как обязательная черта немецкого предложения (Адмони, 45); глагол все чаще рассматривается как центр (ядро) немецкого высказывания (ср. Glinz, 38; Moskalskaja, 59; W. Schmidt, 190 и др.), как носитель его основных коммуникативных категорий — времени, модальности, лица.

Соответственно первая группа авторов отмечает снижение роли глагола в немецком предложении (стремление обойтись без глаголов конкретного значения, заменить их на обобщенно-десемантизированные глаголы, так называемые *Funktionsverben* или *Streckverben*), тогда как вторая отрицает за существительным (в частности, за подлежащим) равную с глаголом роль в формировании предложения и считает существительное лишь зависимым проводником глагола.

При ближайшем рассмотрении, однако, противоречивость при-

* Ср. типичное высказывание на эту тему: „Substantiv und substantivische Bildungen beherrschen das Sprachbild der Gegenwart“ (Möller, 124).

веденных характеристик оказывается сугубо внешней. Обе они верны, каждая для своей сферы. Немецкое существительное действительно обладает чрезвычайно мощными словообразовательными потенциями (особенно по линии словосложения), обеспечивающими наименование огромного числа предметов и явлений объективной действительности на всех уровнях сообщения и конкретизации. При этом основным средством конкретизации служат не определения в составе именного сочетания, а детерминирующие лексические основы в составе композит. Развитая система отглагольного и отадективного именного словопроизводства дает возможность выразить с помощью существительных все основное понятийное содержание высказывания. Лексическое насыщение глагола и соответственно его роль в лексическом аспекте высказывания постепенно падает, тем более что по своим словообразовательным возможностям немецкий глагол значительно отстает от имени.

Однако все это совсем не затрагивает центрального места глагола в синтаксической структуре предложения — немецкий глагол (какова бы ни была его лексическая значимость) был и остается не просто обязательным компонентом, но и носителем основных синтаксических значений высказывания, конструктивным ядром в его синтагматической организации, предопределяющим число, грамматическую форму и типовое значение окружающих глагол актантов — подлежащего, дополнений и отчасти обстоятельств. Соотношение структурной и лексической роли обеих главных частей речи в современном немецком языке хорошо сформулировано у Г. Мёллера: „Eine ganze Reihe von Verben ist heute sozusagen auf die Funktion beschränkt, überhaupt grammatisch unanfechtbare Sätze zustande zu bringen; der Inhalt liegt bei den Substantiven“ (Möller, 65—66).

Таким образом, лексико-грамматическая организация немецкого высказывания характеризуется по сравнению с русским языком гораздо более четкой специализацией и противопоставлением структурной и лексической функций его основных компонентов — существительного и глагола. В несколько упрощенной форме это противопоставление может быть сформулировано следующим образом: в лексическом аспекте немецкого высказывания господствует имя существительное, в его структурно-синтаксическом аспекте — глагол. Другими словами, немецкое имя существительное играет ведущую роль в лексической номинации, глагол — в синтаксической номинации и коммуникации.

Понятно, что это противопоставление отнюдь не абсолютно, ибо оба аспекта высказывания не изолированы и в значительной степени взаимно определяют друг друга. Однако именно оно образует главную специфику немецкого языка по сравнению с русским в интересующих нас первичных системах, а также, отраженно, во фразеологии. Рассмотрим более детально, как проявляется указанное противопоставление во фразеологической системе.

Образованию ФЕ служат, в принципе, те же основные способы, что и для словообразования:

1) структурный, т. е. формирование новых единиц путем комбинирования имеющихся структурных составляющих или изменения их состава;

2) семантический, т. е. формирование новых семем путем изменения состава сем (переосмысления);

3) заимствование, т. е. перенос структурного и (или) семного состава из другого языка (прямое заимствование или калькирование).

В развитии лексического состава нем. и рус. языков ведущее место принадлежит структурному способу; затем следуют семантическое словообразование и конкурирующее с ним (особенно в сфере научно-технической терминологии) заимствование. Иначе обстоит дело с фразообразованием. Здесь господствует семантический способ, представленный различными механизмами семантического сдвига — метафорическим, метонимическим, субъективно-модальным, суперкомпонентным и т. п. (см. Райхштейн, IV, 31—37).

Структурное фразообразование (напр.: *обивать пороги* → *обивание порогов*; *Stille Wasser sind tief* → *ein stilles Wasser*) и заимствование ФЕ (напр., англ. → нем. *Time is money*; *round the clock* → *rund um die Uhr*; *to make a fuss* → *ein Faß aufmachen*), также существующие в различных формах, являются для собственно фразеологии периферийными и второстепенными путями пополнения ее состава.

Метафорическое цельнообразное переосмысление словесных комплексов — основной путь образования фразеологических единств, т. е. ядра и основной массы фразеологии в узком смысле. Этот же семантический механизм может в качестве факультативного соучаствовать в образовании субъективно-модальных и суперкомпонентных (глобальных) УСК, усиливая их идиоматичность и устойчивость. Наконец, метафорическое переосмысление одной лексемы часто связано с единичной или узуально-ограниченной ее сочетаемостью, т. е. ведет к возникновению фразеологических сочетаний и фразеологизованных образований.

Образно-метафорическое переосмысление в лексико-семантической и во фразеологической системах языка находятся в тесном взаимодействии и определенном соответствии. Продуктивные процессы метафоризации протекают в той или иной области номинации, используя все структурные формы, в которых она осуществляется (простое, производное, сложное слово, словосочетание). Межъязыковые различия определяются как специфическим удельным весом конкурирующих форм выражения (в том числе ФЕ), так и неодинаковой продуктивностью цельнообразного метафорического переосмысления в сопоставляемых языках. Оба названных фактора — 1) структурный, т. е. место ФЕ в системе различных структурных средств экспрессивной номинации, и 2) семантический, т. е. продуктивность данного семантического механизма в целом по языку и в отдельных разрядах лексики и фразеологии, — обуславливают некоторые любопытные особенности немецкой фразеологической системы по сравнению с русской. Действие структурного фактора более заметно, так как затрагивает и ПСК: в сфере субстантивной номинации в рус. язы-

ке гораздо сильнее развиты именные словосочетания (особенно «прилагательное + существительное»), чем в нем. языке; последний компенсирует относительную бедность своих прилагательных чрезвычайно богатым словосложением существительных.

Высокопродуктивный для нем. языка способ словообразования путем сочетания (комбинирования) различных лексических основ в одной цельнооформленной единице номинации принципиально отличается от всех прочих словообразовательных механизмов, так как его семантические результаты формируются по модели «лексическое значение₁ + лексическое значение₂», а не «лексическое значение + структурное значение» (ср. деривация, конверсия).

Отсюда вытекает, во-первых, более конкретная семантика сложных слов в целом (по сравнению с производными и корневыми) и, во-вторых, потенциальная возможность образования несравненно большего числа сложных слов, чем всех остальных вместе взятых. Отметим, кстати, что эта возможность особенно наглядно реализуется в немецких терминологических подсистемах, где господствует принцип конкретизации родовых наименований и сложные слова насчитывают до 75% всего состава (Былинович, 23).

Обе эти характеристики сближают сложные слова всех видов с переменными словосочетаниями. В то же время узусальные сложные слова, как и все лексемы, обладают цельностью номинации, сближаясь в этом отношении с устойчивыми словесными комплексами номинативного характера. Так, основной массе немецких сложных слов-терминов соответствуют русские термины-УСК (лексические единства). Это типичное межъязыковое соотношение (ср., напр.: *Flüssigkeitsraketenantriebwerk* — «жидкостный реактивный двигатель») основывается, наряду с названными факторами, также на том обстоятельстве, что подавляющее большинство терминов — имена существительные, а сложение основ особенно развито именно в сфере немецкого существительного.

Преимущественно именной результат сложения основ в нем. языке накладывает отпечаток и на фразеологическую систему, с которой идиоматические сложные слова находятся в отношениях взаимодействия, взаимодополнения и частичной конкуренции. Поэтому большому числу русских субстантивных ФЕ соответствуют в нем. языке не ФЕ, а композиты (при тождественной образной организации). Это касается, в частности, многих русских ФЕ-интернационализмов, включающих притяжательные прилагательные, которых вообще нет в нем. языке, ср., напр.: *ахиллесова пята* — *Achillesferse*; *танталовы муки* — *Tantalusqualen*; *прокрустово ложе* — *Prokrustesbett*; *крокодиловы слезы* — *Krokodilstränen*.

Ср. также другие соответствия: *фиговый листок* — *Feigenblatt*; *воздушные замки* — *Luftschlösser*; *Млечный путь* — *Milchstraße*; *золотой мешок* — *Geldsack*; *синий чулок* — *Blaustrumpf*; *пушечное мясо* — *Kanonenfutter* и т. п.

Сильная конкуренция со стороны композит, казалось бы, должна вести к снижению числа субстантивных ФЕ в нем. языке (Fleischer, II, 324). Однако по общему количеству субстантивных фразеологи-

ческих единств (более 1000) нем. язык, по-видимому, почти не уступает русскому. Некоторую роль здесь играет особая структурная группа устойчивых парных сочетаний (в том числе и субстантивных), количественно более развитая в нем. языке. Однако наиболее весомым представляется упомянутый выше семантический фактор, который можно сформулировать следующим образом: образное метафорическое переосмысление как средство экспрессивной номинации в сфере немецкого существительного развито в целом сильнее, чем в сфере русского существительного.

К образованию и узуализации субстантивных метафор в роли экспрессивно-оценочных наименований в нем. языке тяготеют как слова (простые, сложные и производные), так и словосочетания (ср. Аракелян; Schirrap, 177 ff). В результате, общее количество таких экспрессивных субстантивных метафор в нем. лексике и фразеологии существенно выше, чем в русской. Однако это превосходство достигается исключительно за счет наименований конкретных лиц и предметов, ср., напр., набор нем. и рус. синонимов для слов: *Auto* — *автомашина*; *Bauch* — *живот*; *Beine* — *ноги*; *Buch* — *книга*; *Flugzeug* — *самолет*; *Geld* — *деньги*; *Haus* — *дом*; *Kleidung* — *одежда*; *Kopf* — *голова*; *Mund* — *рот*; *Schnaps* — *водка*; *Zimmer* — *комната* и др. Приведем в качестве примера первый из этих рядов: *AUTO* — *Wagen*; *Kraftwagen*; *PKW*; *LKW*; *Fahrzeug*; *Kraftfahrzeug*; *Gefährt*; *Automobil*; *Vehikel*; *Karre(n)*; *Karrete*; *Karossee*; *Kutsche*; *Benzindroschke*; *Benzinkutsche*; *Benzinesel*; *Chausseewanze*; *Straßenfloh*; *Moppel*; *Kiste*; *Ofen*; *Klapperkasten*; *Nuckelpinne*; *Schlitten*; *Kraftpaket*; *Töff*; *Töff*; *Blechgeliebte*; *Schnauferl*; *Oldtimer*; *Käfer*; *Stoppelhopser*; *Leukoplastbomber*; *Kahn*; *Kilometerfresser*; *Muckepicke*; *Klamotte*; *Klamottenkiste*; *Bruchkiste*; *Mühle*; *Brummer*; *Straßendampfer*; *Straßenkreuzer*; *Hirsch*; *großer Koffer*; *fahrbarer Untersatz*; *Hotel zur Nachtigall*; *автомашина* — *автомобиль*; *машина*; *авто*; *мотор*; *лимузин*; *легковая*; *легковушка*; *грузовая*; *грузовик*; *колымага*; *драндулет*; *тарантас*; *шарабан*; *колеса*; *тачка*; *телега*; *бибика*; *четвертак*; *козел*; *гроб на колесах*.

Бросается в глаза количественное превосходство немецкого ряда, возникающее благодаря огромному количеству образно-метафорических обозначений как автомобиля вообще, так и его различных модификаций и характеристик.

Названная закономерность отчетливо наблюдается и на материале субстантивных ФЕ — в нем. языке почти три четверти этого разряда имеет конкретно-предметную семантику, в рус. языке — чуть больше половины. Обратная сторона этого явления — в рус. языке субстантивные ФЕ существенно чаще имеют абстрактное значение.

В рус. языке экспрессивная номинация в сфере существительных (особенно конкретных) широко использует аффиксацию, ср. многочисленные разговорно-просторечные вторичные наименования типа *запасака*; *бетонка*; *неотложка*; *забегаловка*; *телик*; *таксист*; *особист*; *очкарик*; *женатик*; *телевизионщик*; *слабак*; *ЦРУшник*. Умеренная экспрессивность большинства подобных образований соответствует низкой конкретности их семантической организации («лексическое

значение + структурное значение», безобразность). Относительно более типичные для нем. языка сложение основ («лексическое значение + лексическое значение») и образное переосмысление порождают образные единицы более конкретной семантики, причем экспрессивность привносится, собственно, только образным переосмыслением (слова, в том числе сложного, или словесного комплекса) и проявляется, по-видимому, более ярко, чем у переосмысленных аффиксальных дериватов.

Упомянутое выше различие между деривацией и сложением основ (деривация создает новые лексические основы, сложение основ комбинирует имеющиеся) представляется одним из основных системообразующих факторов для нем. и рус. фразеологии.

Вероятно, с ним связана необычная «щедрость» русской лексической системы, в которой насчитывается более 1000 слов (особенно прилагательных), встречающихся вообще лишь в сочетании с 1—3 лексемами (см. гл. IV, разд. 1). Нем. языку такое «расточительное» создание и использование лексических основ свойственно в гораздо меньшей степени. Соответственно в нем. фразеологической системе слабее проявляется тенденция к лексической уникальности фразеологических компонентов, которая столь заметна в рус. языке.

В том же направлении действуют другие системообразующие факторы фразеологии, затрагивающие сферу глагола. Немецкий глагол более необходим в структурном отношении для организации высказывания и в то же время беднее по своим словообразовательным возможностям и по набору лексических и грамматических значений, формируемых словообразовательными средствами. Отсюда описанный выше контраст между повышенной глагольностью нем. фразеологической системы (около 75% всех немецких ФЕ содержит глагол, в рус. языке этот показатель составляет 55—60%) и пониженным лексическим разнообразием глагольных компонентов в составе немецких ФЕ, которое особенно ярко проявляется в наличии огромного числа ФЕ с обобщенно-абстрактными, семантически «пустыми» глаголами *sein, haben, machen, kommen, gehen, bringen, geraten, setzen, sitzen, werden* и некоторыми другими (более 30% всех ФЕ в нем. языке). Несмотря на значительную лексическую десемантизацию этих глаголов, они сохраняют в составе ФЕ свое автономное значение, тем более, что с их участием образуются целые ряды или серии ФЕ типа *ins Lot kommen — ins Lot bringen — im Lot sein* и что такое же значение эти глаголы имеют в непереосмысленных УСК — глагольных аналитических конструкциях типа *in Ordnung sein — in Ordnung bringen*.

По-видимому, образное метафорическое переосмысление в сфере немецкого глагола (и в его самостоятельном употреблении и в составе УСК) развито слабее, чем в сфере русского глагола (ср. выше противоположный вывод о субстантивных единицах). В результате среди нем. ФЕ высок удельный вес образно-нейтральных единиц (особенно типа «образное существительное + нейтральный глагол»), составляющих, в сущности, промежуточный слой между фразеологическими единствами (к которым они обычно причисляются) и глагольными аналитическими конструкциями (см. гл. IV, разд. 4).

Итак, структурно-синтаксические и словообразовательные свойства немецкого глагола также ведут к преимущественно комбинаторному способу образования нем. ФЕ с помощью различных сочетаний одних и тех же компонентов. Это, казалось бы, чисто количественное различие, подтверждаемое элементарными подсчетами (среднее число различных знаменательных компонентов на 100 ФЕ в нем. языке — 52, в рус. языке — 68), имеет далеко идущие последствия для структурно-семантической организации ФЕ в сопоставляемых языках.

Во-первых, очевидно, с ним связано отмечавшееся (см. Чернышева, II, 126 и сл.) тяготение немецкой фразеологической системы к порождению не абсолютно новых по составу ФЕ, а структурных синонимов или лексических вариантов уже существующих ФЕ, т. е. создание путем замены одного из компонентов целых рядов ФЕ, различающихся главным образом по экспрессивности, нормативно-стилистической характеристике и т. п., ср., напр.: *jmdm. geht ein Licht (ein Talglicht — ein Seifensieder — eine Laterne — eine Kerzenfabrik) auf*.

Во-вторых, с этим же фактором связано весьма продуктивное образование фразеологических серий с приведенными выше «пустыми» глаголами типа *auf die Palme geraten; auf der Palme sein; auf der Palme bleiben; jmdn. auf die Palme bringen* и т. п. Фразеологические единицы, входящие в такие серии, частично отличаются друг от друга по форме и по значению, причем это различие имеет вполне регулярный характер — чередование одних и тех же глаголов соответствует чередованию одних и тех же грамматикализованных значений состояния, начинательности, каузативности, терминативности и т. п.

В-третьих, многократное повторение компонента в составе различных ФЕ повышает вероятность его семантического обособления (семантической автономности) и соответственно — семантической членимости фразеологических единиц, в которых этот компонент участвует. Таким образом, пониженное лексическое (компонентное) разнообразие немецких ФЕ влечет за собой их повышенную семантическую членимость по сравнению с русскими ФЕ.

В свою очередь, повышенная семантическая членимость автоматически означает:

а) более низкую лексическую и структурно-синтаксическую устойчивость немецких ФЕ (поскольку семантически членимые ФЕ всегда в какой-то степени способны на компонентные замены и (или) структурно-синтаксические трансформации);

б) более низкую лексическую и структурно-синтаксическую идиоматичность немецких ФЕ (поскольку фразеологическое значение семантически членимых ФЕ может быть представлено как комбинация автономных значений компонентов);

в) более активные деривационные потенции отдельных компонентов или групп компонентов немецких ФЕ, реализующиеся в конеч-

ном счете как выделение из ФЕ новых лексем (лексико-семантических вариантов) или новых ФЕ;

г) бóльшую легкость окказиональных речевых преобразований немецких ФЕ (вычленение компонентов, их синтагматическое развертывание, замена и т. п.) и, по-видимому, более широкое использование таких окказиональных форм, чем в русском языке.

Все названные различия фразеологических систем немецкого и русского языков заложены глубоко в «подстилающих» системах и охватывают своим действием различные сферы самой фразеологии — ее компонентный состав, структурно-синтаксическую характеристику, формально-смысловые свойства и т. п. Это позволяет считать их не случайными расхождениями, а основными контрастирующими чертами сопоставляемых фразеологических систем.

В несколько упрощенном и утрированном виде сказанное на эту тему можно обобщить следующим образом:

При принципиальном, качественном сходстве основных функциональных, семантических и в значительной степени структурно-семантических характеристик, немецкая фразеологическая система отличается от русской бóльшей регулярностью своей внутренней организации; она менее склонна к уникальности и разнообразию, чаще использует комбинаторику одних и тех же компонентов, следовательно — менее «фразеологична», чем русская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги системного синхронно-сопоставительного анализа немецкой и русской фразеологии, осуществленного в настоящей работе методом двусторонней (параллельной) конфронтации конкретных фразеологизмов, фразеологических групп и целых фразеологических составов сопоставляемых языков. На данном этапе исследования не могли быть рассмотрены некоторые существенные аспекты, например, детальное сопоставительное описание отдельных нефразеологических классов УСК и структурно-семантических рядов ФЕ, валентно-дистрибутивных свойств ФЕ, их функционирования в речи и др. Тем не менее, в пределах изученного материала можно сделать определенные выводы, касающиеся немецкой и русской фразеологических систем.

Прежде всего, следует обобщить наши наблюдения за мерой сходства и различия фразеологии обоих языков. Качественная соотнесенность немецкой и русской фразеологических систем имеет функциональный, семантический, формально-смысловой и структурный характер. Основные функции обеих фразеологических систем одинаковы; это — экспрессивно-оценочное усложнение номинации (у собственно ФЕ), денотативно-сигнификативное усложнение номинации (у лексических единств и т. п.) и грамматическое усложнение номинации (у аналитических глагольных конструкций). Первая функция в принципе одинаково развита в обоих языках, вторая шире представлена у русских УСК, третья — у немецких. Одинаковы также основные семантические механизмы формирования УСК в обоих языках, обуславливающие их языковые функции и дистинктивные признаки (устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость и т. п.); это — целостное переосмысление словесных комплексов (у собственно ФЕ), семантическая специализация комплексов (у лексических единств), частичная десемантизация (у аналитических конструкций).

И в немецком, и в русском языке не все названные функции, а также семантические механизмы исключают друг друга; УСК определенной структуры часто совмещают по две различные функции и по два соответствующих семантических механизма. Тем самым размываются четкие границы между основными структурно-семантическими классами УСК и формируются промежуточные группы. Для немецкого языка такие УСК с двойственной и промежуточной характеристикой более типичны, чем для русского; это, в первую очередь, экспрессивные глагольные ФЕ, сближающиеся с аналитическими кон-

струкциями, и экспрессивные субстантивные ФЕ, сближающиеся с лексическими единствами.

Семантический способ экспрессивно-оценочной номинации, заключающийся в образном (преимущественно метафорическом) переосмыслении слов и словесных комплексов, сильнее развит у немецких существительных и у русских глаголов; структурный (словособоразовательный) способ, использующий аффиксацию, сильнее развит у русских существительных и русских глаголов, структурный способ, использующий сложение основ — у немецких существительных. В рамках собственно фразеологии этим особенностям соответствуют определенные качественные и количественные различия между сопоставляемыми фразеологическими системами. Немецкая фразеология больше тяготеет к комбинаторике одних и тех же компонентов; в ее компонентном составе меньше уникамов (некротизмов), он менее разнообразен и более унифицирован, чем русский. Поэтому в немецком фразеологическом составе шире представлены структурная синонимия, лексическая вариантность, семантическая автономность компонентов, фразеологические гнезда (серии), фразеологическая деривация, т. е. формально-смысловые отношения между немецкими ФЕ чаще имеют частичный, комбинаторный характер. Другими словами, немецкая фразеология относительно более подвижна, семантически членима, вариантна и изменчива, т. е. более регулярна, чем русская.

Большее разнообразие лексической (компонентной) базы русской фразеологии связано с тем, что между русскими ФЕ чаще имеют место не частичные, а целостные формально-смысловые различия. Соответственно в русском фразеологическом составе шире семантический «разброс» используемых образов и ниже среднее число ФЕ, варьирующих один и тот же образ. Это означает, что русские ФЕ в среднем менее регулярны по своей формально-смысловой организации.

Таким образом, формирование и функционирование обеих фразеологических систем демонстрирует сложную внутреннюю диалектику: чем интенсивнее «работает» в системе языка семантический способ экспрессивно-оценочной номинации, тем более регулярен порождаемый им набор фразеологических единиц и, наоборот, чем активнее развит собственно словсобразовательный способ экспрессивно-оценочной номинации, тем слабее выражены регулярные структурные связи внутри фразеологического состава, тем он идиоматичнее и устойчивее.

В структурном аспекте, наряду со значительным сходством фразеологических систем, обнаруживается существенный сдвиг в соотносительности немецкой и русской фразеологии, проявляющийся как типичная функционально-смысловая эквивалентность неоднородных структур — немецкого слова (компози́ты) и русского словосочетания (в том числе УСК) у субстантивных единиц, и наоборот — русского слова и немецкого словосочетания у глагольных единиц. Уже в результате этого структурного расхождения немецкая и русская фразеологические системы неполностью совпадают по своим номинативным потенциям, по выражаемому кругу значений. Опре-

деленная часть фразеологической системы каждого языка соотносится не с фразеологией, а с лексикой сопоставляемого языка (с отдельными лексемами и их регулярными сочетаниями). Поэтому всесторонняя конфронтация языков (особенно в континентальном плане) предполагает, очевидно, совокупное сопоставление лексики и фразеологии.

Далее, целесообразно систематизировать факторы, которыми обусловлена качественная и количественная соотнесенность сопоставляемых фразеологических систем, их сходства и различия.

К экстралингвистическим факторам этого рода относятся единые общечеловеческие формы отражения объективной действительности в сознании и в языке; общность основных процессов социально-экономического развития; принадлежность к одному и тому же культурно-историческому ареалу; особо активная роль мировых языков в современных международных и межнациональных контактах (факторы сходства); экстралингвистическая, т. е. производственная, культурная, политическая и т. п. специфика развития народов-носителей сопоставляемых языков (фактор частных различий).

Наибольший интерес представляют внутрилингвистические факторы, которые включают как собственно фразеологические свойства, так и более глубинные черты сопоставляемых языков. Закономерности формирования фразеологии выступают преимущественно как фактор межъязыкового сходства на уровне абстрактно-обобщенных характеристик (однотипные и, по-видимому, универсальные семантические и формально-семантические механизмы фразообразования, а также общие признаки УСК и ФЕ) и как фактор межъязыкового различия на уровне конкретных фразеологических единиц (низкая регулярность и высокая случайность материального воплощения отдельных фразеологических значений или, иначе говоря, связи между формативом и семантикой у конкретных ФЕ). Типологические свойства «подстилающих» систем немецкого и русского языков (лексической и синтаксической) обуславливают как значительные межъязыковые фразеологические сходства самого общего характера (одинаковая принципиальная соотнесенность с системой частей речи, роль в предложении, взаимодействие с системой словообразования и т. п.), так и определенные качественные и количественные фразеологические различия в рамках и на фоне этих общих тождеств. Наиболее существенные факторы различий между немецкой и русской фразеологией (т. е. те, которые оказывают влияние на основные параметры фразеологической системы, обуславливая ее структурные и функционально-семантические характеристики) имеют глубинный характер — они заложены главным образом в специфике словообразования и синтаксиса сопоставляемых языков и лишь проявляются во фразеологии как вторичной системе. В целом типологические особенности немецкой и русской фразеологии в наибольшей степени определяются специфическим характером структурного и функционального соотношения и взаимодействия основных частей речи — существительного и глагола в том и другом языке. В немецком языке имя существительное более четко противостоит глаголу; оно выделя-

ется своими высокими словообразовательными возможностями и тенденцией к конкретности значения (т. е. особой номинативной функцией в высказывании), глагол отличается столь же высокими структурно-синтаксическими потенциями и склонностью к абстрактно-отвлеченной семантике (т. е. особой строевой функцией в высказывании). С этим основным различием связана также тенденция немецких субстантивных образований к структурной цельнооформленности, а глагольных — к структурной разделяемооформленности. Названными особенностями определяются главные системные различия сопоставляемых фразеологических составов, рассмотренные выше.

Наконец, можно попытаться наметить сферы (участки, уровни и т. п.) сопоставляемых языков, в которых обнаруживается максимум или, наоборот, минимум межъязыкового фразеологического сходства, т. е., иначе говоря, установить линии, по которым увеличиваются и уменьшаются различия между немецким и русским фразеологическим составом. Судя по рассмотренному в книге материалу, нарастание межъязыковых фразеологических различий идет главным образом по следующим направлениям:

а) от центральных, наиболее массовых и частотных явлений фразеологических систем и языков в целом к их периферийным, маргинальным, редким явлениям;

б) от участков сопоставляемых фразеологических систем со сходной структурной и номинационной значимостью самих фразеологизмов, а также их составляющих к участкам, где такое сходство минимально;

в) от наиболее «контактных», интернационально влияемых коммуникативных сфер и соответствующих функциональных стилей к наиболее ограниченным и замкнутым внутри одной языковой общности;

г) от наиболее абстрактного уровня анализа (фразеологические системы в целом) к уровню конкретных фразеологизмов;

д) от семантически элементарных к семантически сложным фразеологическим единицам и разрядам;

е) от функциональных и семантических характеристик (план содержания) к структурно-семантическим и, особенно, к чисто формальным чертам (план выражения) фразеологических единиц, групп и систем.

Можно полагать, что именно в названных направлениях и проявляют себя перечисленные выше факторы, тяготеющие в общем к универсальности и одновременно создающие в своем конкретном взаимодействии сложную и специфическую картину межъязыкового соотношения немецкой и русской фразеологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретические работы

- Авалиани Ю. Ю. (I) Слово и фразеологизм в иранских языках. — В сб.: Вопросы фразеологии, III. — Самарканд, 1970.
- Авалиани Ю. Ю. (II) К семантической связи слов в самостоятельной функции и в составе фразеологических единиц. — В сб.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. — М., 1971.
- Авалиани Ю. Ю. (III) Слово — фразеологизм — контекст. — В сб.: Вопросы фразеологии. Вып. V, ч. I. — Самарканд, 1972.
- Авалиани Ю. Ю. (IV) Семантическая структура слов-компонентов и семантическая структура фразеологических единиц (на материале индоевропейских языков). — Фразеологический бюллетень, 1972, № 1 (Самарканд).
- Агус Салим. Сопоставительный анализ русской и индонезийской фразеологии. АКД. — Л., 1974.
- Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. — Л., 1973.
- Акуленко Л. Г. Семантические системы неопределенно большого и малого количеств в немецком и русском языках (сопоставительный анализ). — Вестник Харьковского гос. ун-та, № 170. Иностр. языки, вып. 11, 1978.
- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. — Л., 1963.
- Антропова Л. И. Лексико-фразеологическое поле с общим значением «порицать» в современном немецком языке. АКД. — М., 1978.
- Аракелян И. Н. Субстантивные композиты метафорического характера в современном немецком языке. АКД. — М., 1977.
- Аракин В. Д. О сопоставительном изучении языков. — Иностр. языки в школе, 1946, № 3.
- Архангельский В. Л. (I) Устойчивые фразы в современном русском языке. — Ростов н/Д, 1964.
- Архангельский В. Л. (II) Омонимические соответствия устойчивых фраз и свободных предложений. — В сб.: Вопросы истории и теории русского языка, вып. 3. — Тула, 1970.
- Бабкин А. М. (I) Лексикографическая разработка русской фразеологии. — Л., 1964.
- Бабкин А. М. (II) Русская фразеология, ее развитие и источники. — Л., 1970.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955.
- Берлизон С. Б. Международные устойчивые обороты (К вопросу интернациональной фразеологии). — Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. 222, 1972.
- Беркетова Э. В. К исследованию сочетаемости лексем в современном немецком языке. АКД. — Алма-Ата, 1967.
- Бородулина А. Я. Опыт семантического анализа многозначных фразеологических единств (на материале современного немецкого языка). АКД. — М., 1978.
- Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования. — М., 1963.
- Булаховский Л. И. Введение в языкознание. — М., 1953.
- Буторева Л. А. К вопросу об изучении семантической структуры фразеологических единиц модели «дать + имя существительное» в восточно-славянских языках. — В сб.: Вопросы фразеологии. Вып. VIII. — Самарканд, 1976.
- Бушуй А. М. (I) Лингвистическая тавтология и ее лексикографическая кодификация. АКД. — Самарканд, 1973.
- Бушуй А. М. (II) Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. IV, V. — Самарканд, 1976, 1979.

- Былинович В. Н.* Структурно-семантическая и функциональная характеристика основных частей речи в системе научно-технической терминологии. АКД. — Минск, 1976.
- Виноградов В. В.* (I) Очерки по истории русского литературного языка (XVII—XIX вв.). — М., 1938.
- Виноградов В. В.* (II) Основные типы фразеологических единиц в русском языке. — В сб.: А. А. Шахматов. — М.—Л., 1947.
- Виноградов В. В.* (III) О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка. — В сб.: Мысли о современном русском языке. — М., 1969.
- Вопросы фразеологии*, вып. III. — Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. 178, 1970.
- Вопросы фразеологии*. Вып. V, ч. 1 и 2. — Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. 219, 1972.
- Гаврин С. Г.* (I) Фразеология современного русского языка. — Пермь, 1974.
- Гаврин С. Г.* (II) Проблемы функционирования и развития фразеологического фонда русского языка в связи с общими вопросами теории фразеологии (на материале фразеологии 2-й половины XIX в. и XX в.). АДД. — Л., 1975.
- Гаврин С. Г., Крючкова Л. А.* Интернациональная фразеология и ее роль в обогащении фразеологического фонда русского языка. — Уч. зап. Пермского гос. пединститута, 1974, т. 135.
- Гак В. Г.* (I) Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. — В сб.: Семантическая структура слова. — М., 1971.
- Гак В. Г.* (II) Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология. — Рус. яз. за рубежом, 1974, № 3.
- Гак В. Г.* (III) О сопоставлении в структурном и функциональном плане. — В сб.: Иностр. языки в высшей школе. Вып. 10. — М., 1975.
- Гак В. Г.* (IV) Сравнительная типология французского и русского языков. — Л., 1977.
- Гак В. Г.* (V) Сопоставительная лексикология. — М., 1977.
- Гак В. Г., Рецкер Я. И.* О французской фразеологии и французско-русском фразеологическом словаре. Вводная статья. — Французско-русский фразеологический словарь. Под ред. Я. И. Рецкера. — М., 1963.
- Гарифулин Л. Б., Антонова Л. К.* Устойчивые сочетания с антропонимами (в сопоставительном плане). — В сб.: Фразеология. Вып. I. — Челябинск, 1973.
- Гатиатуллина З. З.* Сравнительное исследование фразеологических единиц с компонентом — глаголом движения (на материале английского, немецкого и шведского языков). АКД. — М., 1968.
- Гвоздарев Ю. А.* (I) О семантической классификации фразеологических единиц русского языка. — В сб.: Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. I. — Новгород, 1971.
- Гвоздарев Ю. А.* (II) О предмете фразеологии и ее объектах. — В сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. — Тула, 1972.
- Гвоздарев Ю. А.* (III) Фразеологические сочетания современного русского языка. — Ростов н/Д, 1973.
- Гвоздарев Ю. А.* (IV) Основы русского фразообразования. — Ростов н/Д, 1977.
- Глазырин Р. А.* Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц в современных германских языках. АКД. — М., 1972.
- Глухоз В. М.* Вопросы многозначности фразеологических единиц и их решение в «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова. — В сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. — Тула, 1968.
- Городникова М. Д.* О модусе существования фразеологизмов. — Иностр. языки в школе, 1973, № 3.
- Григорьева А. Д., Изанова Н. Н.* Поэтическая фразеология Пушкина. — М., 1969.
- Гулыга Е. В.* О тенденциях экономии языковых средств (на материале немецкого языка). — В сб.: Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. VII — М., 1977.

- Девкин В. Д. Немецкая разговорная лексика. — М., 1973.
- Долгополов Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков). АКД. — Казань, 1973.
- Доржийн Дашдаваа. Сопоставительное исследование фразеологии в русском и монгольском языках (на материале переводов М. Горького на монгольский язык). АКД. — М., 1973.
- Езиев Х. Х. Полисемия фразеологических единиц современного немецкого языка (Многозначность фразеологизмов как проблема тождества и различия значений). АКД. — М., 1969.
- Жуков В. П. (I) Фразеологизм и слово (на материале современного русского языка). АДД. — Л., 1967.
- Жуков В. П. (II) О семантической целостности фразеологизмов. — В сб.: Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. I. — Новгород, 1971.
- Жуков В. П. (III) Семантика фразеологических оборотов. — М., 1978.
- Заиченко Н. Л. Актуальные глагольные устойчивые словесные комплексы немецкого языка в прогрессивной прессе (на материале аналитических жанров газет ГДР, ФРГ и Австрии). АКД. — М., 1977.
- Зимин В. И. Основные виды лексико-семантических отношений фразеологических единиц в современном русском языке (применительно к фразеологическому словарю). АКД. — М., 1968.
- Золотова Л. М. К проблеме семантической мотивированности фразеологизмов современного немецкого языка. АКД. — М., 1978.
- Зоммерфельдт К. Е., Аудэм Г. И. Сопоставительный анализ на основе теории валентности. — Иностр. языки в школе, 1976, № 2.
- Исаев А. И. К сравнительному изучению соматической фразеологии (на материале узбекского, немецкого и английского языков). — Фразеологический бюллетень, 1972, № 1 (Самарканд).
- Калинин А. В. Лексика русского языка. — М., 1978.
- Кодухов В. И. Общее языкознание. — М., 1974.
- Колшанский Г. В., Сухова И. П. Принципы сопоставления семантических систем языков и проблема перевода. — В сб.: Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. VI. — М., 1974.
- Копыленко М. М. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. — НДВШ. Филол. науки, 1964, № 1.
- Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. — Воронеж, 1978.
- Костомаров В. Г. Мировое значение русского языка. — В сб.: Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР. — Киев, 1976.
- Котелова Н. З. Жесткоустойчивая фразеологическая сочетаемость. — В сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. — Тула, 1968.
- Краморенко Г. И. К вопросу изменчивости семантики фразеологических единиц. — Уч. зап. Смоленского гос. пединститута им. К. Маркса, вып. XI, 1962.
- Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. — М., 1961.
- Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М., 1978.
- Кунин А. В. (I) Перевод устойчивых образных словосочетаний и пословиц с русского языка на английский. — Иностр. яз. в школе, 1960, № 5.
- Кунин А. В. (II) О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре. — Тетради переводчика, вып. 2. — М., 1964.
- Кунин А. В. (III) Англо-русский фразеологический словарь. Предисловие. — М., 1967.
- Кунин А. В. (IV) Английская фразеология (теоретический курс). — М., 1970.
- Куркова Л. С. Структурно-семантические модели фразеологизмов семантического поля «мышление» в немецком и русском языках. — М., 1979. (Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР). Библиографический указатель. «Языкознание», 1979, № 6.
- Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. — М., 1956.
- Макаев Э. А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика. — Вopr. языкознания, 1964, № 1.

- Малыгин В. Т. Устойчивые словосочетания в австрийском национальном варианте современного немецкого литературного языка. АКД. — Л., 1977.
- Мелерович А. М. Семантический анализ фразеологических единиц. — НДВШ. Филол. науки, 1979, № 5.
- Милехина В. И. К типологии фразеомоделей (на материале сочинительных парных сочетаний в немецком и русском языках). АКД. — Воронеж, 1974.
- Минина Н. М. (I) Сопоставительный анализ семантики глаголов зрения русского и немецкого языков. — В сб.: Иностр. языки в высшей школе. — М., 1962.
- Минина Н. М. (II) Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка. АДД. — М., 1975.
- Митина Т. В. Фразеологический компонент и его семантическая значимость. — Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1979, т. 139.
- Мокиенко В. М. (I) Структурно-семантическое моделирование и сопоставительный анализ русской и чешской фразеологии. — В сб.: Konfrontační studium ruske a česke gramatiky a slovní zásoby. — Praha, 1974.
- Мокиенко В. М. (II) Противоречия фразеологии и ее динамика. АДД. — Л., 1976.
- Молотков А. И. (I) Фразеологизмы русского языка и принципы их лексико-графического описания. — Фразеологический словарь русского языка. — М., 1967.
- Молотков А. И. (II) Основы фразеологии русского языка. — Л., 1977.
- Мордкович Э. М. К вопросу о семантических полях соматических фразеологизмов. — В сб.: Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков. Ч. 2. — Новгород, 1972.
- Москальская О. И. (I) Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью. — Вопр. языкознания, 1961, № 5.
- Москальская О. И. (II) Устойчивые словосочетания серийного образования как объект грамматики. — Вопр. языкознания, 1972, № 4.
- Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. — М., 1976.
- Неведомская О. М. Компаративные фразеологизмы немецкого языка в сопоставлении с русскими. АКД. — Л., 1973.
- Огольцев В. М. Компаративные фразеологизмы русского языка в сопоставлении с французскими. — В сб.: Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков. Ч. 2. — Новгород, 1972.
- Ольшанский И. Г. Парные сочетания слов современного немецкого языка (семантика, структура, сочетаемость). АКД. — М., 1965.
- Ониани А. Л. Фразеологизм и слово (на материале картвельских языков). — В сб.: Вопросы фразеологии. Вып. III. — Самарканд, 1970.
- Орлова В. И. Спецкурс по русской фразеологии в условиях двуязычия. — Чебоксары, 1977.
- Пеклер М. А. Русско-немецкая идиоматичность (на материале глагольно-субстантивных сочетаний, образуемых частотными переходными глаголами). АКД. — Тбилиси, 1967.
- Пономаренко Л. А. Устойчивые лексемосцепления контактирующих языков. АДД. — Тбилиси, 1978.
- Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. — М., 1976.
- Принципы описания языков мира. — М., 1976.
- Райхштейн А. Д. (I) О переводе устойчивых фраз. — Тетради переводчика. Вып. 5. — М., 1968.
- Райхштейн А. Д. (II) О семантической структуре образных словесных комплексов. — В сб.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Ч. II. — М., 1971.
- Райхштейн А. Д. (III) О семантической членимости фразеологических единиц. — Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1972, т. 66.
- Райхштейн А. Д. (IV) Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы. АДД. — М., 1974.
- Райхштейн А. Д. (V) О семантической структуре пословиц. — В сб.: Теоретические вопросы романо-германской филологии. — Горький, 1976.
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. — М., 1955.

- Ройзензон Л. И. (I) Фразеология и страноведение. — Фразеологический бюллетень, 1972, № 1 (Самарканд).
- Ройзензон Л. И. (II) Лекции по общей и русской фразеологии. — Самарканд, 1973.
- Ройзензон Л. И. (III) Русская фразеология. — Самарканд, 1977.
- Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю. Современные аспекты изучения фразеологии. — В сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. — Вологда, 1967.
- Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. Вып. II. — Самарканд, 1970.
- Ройзензон Л. И., Бушуй А. М., Ройзензон С. И. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. III. — Самарканд, 1974.
- Ротт Э. Х. (I) Компаративные фразеологизмы в русском, немецком и французском языках. — В сб.: Вопросы романо-германского языкознания. — Челябинск, 1967.
- Ротт Э. Х. (II) Структура фразеологем. — В сб.: Некоторые вопросы романо-германской филологии. Вып. 3. — Челябинск, 1968.
- Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. — М., 1971.
- Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках (К методике сопоставительного изучения языков). — Иностр. языки в школе, 1953, № 2.
- Солнцев В. М. Типология и тип языка. — Вопр. языкознания, 1978, № 2.
- Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. — Казань, 1977.
- Сопоставительное исследование русского и украинского языков. — Киев, 1975.
- Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. — М., 1953.
- Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. — М., 1962.
- Строева Т. В. Сопоставительная статистика падежных словоформ имени существительного в немецком и русском языках. — Иностр. яз. в школе, 1968, № 5.
- Сятковский С. Основные принципы сопоставительного анализа языков. — Рус. яз. за рубежом, 1976, №№ 4, 5.
- Телия В. Н. (I) О термине «фразема» (в связи с описанием вариантности фразеологизмов). — В сб.: Проблемы лингвистического анализа. — М., 1966.
- Телия В. Н. (II) Фразеология. — Общее языкознание. Внутренняя структура языка. — М., 1972.
- Тихонов А. Н. Семантическая членимость слова и фразеологизма. — В сб.: Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. I. — Новгород, 1971.
- Толикина Е. Н. К вопросу о значении слова и значении фразеологизма. — В сб.: Вопросы фразеологии, III. — Самарканд, 1970.
- Торопцев И. С. К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц. — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1966, т. 160.
- Траутманн Ф. Сравнимое и несравнимое в немецко-русских фразеологизмах. — Рус. язык в национальной школе, 1977, № 1.
- Ульманн С. Семантические универсалии. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. V. — М., 1970.
- Умарходжаев М. И. Очерки по современной фразеографии. — Ташкент, 1977.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1968.
- Федоров А. В., Кузнецова Н. Н., Морозова Е. Н., Цыганова И. А. Немецко-русские языковые параллели. — М., 1961.
- Хазанович А. П. Синонимия в фразеологии современного немецкого языка. АКД. — Л., 1958.
- Чернышева И. И. (I) Некоторые закономерности развития фразеологической системы (на материале немецкого языка). — В сб.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. — Вологда, 1967.
- Чернышева И. И. (II) Фразеология современного немецкого языка. — М., 1970.
- Чернышева И. И. (III) Актуальные проблемы фразеологии. — Вопр. языкознания, 1977, № 5.
- Чеснокова Е. Н. О семантике субстантивных фразеологических единств немец-

- кого и русского языков (опыт сопоставительного анализа). — Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1978, т. 118.
- Чонг Донг Сан. Фразеологизмы в языке и речи (на материале русского и вьетнамского языков). АДД. — М., 1977.
- Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. — М., 1969.
- Шанский Н. М., Быстрова Е. А. О принципах составления учебного фразеологического словаря русского языка для иностранцев. — Рус. яз. за рубежом, 1977, № 3.
- Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977.
- Шумилов Н. Ф. Соотносительные фразеологические обороты в русском языке. — Рус. яз. в школе, 1975, № 3.
- Щемелева Е. Е. О сопоставлении лексических единиц в немецком и русском языках. — Иностр. яз. в школе, 1974, № 5.
- Эмирова Э. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии (опыт семантического анализа фразеологических единиц). — Самарканд, 1972.
- Языковая номинация (Общие вопросы). / Ред. Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева. — М., 1977.
- Языковая номинация (Виды наименований). / Ред. Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева. — М., 1977.
- Ярцева В. Н. (I) О сопоставительном методе изучения языков. — НДВШ. Филол. науки, 1960, № 1.
- Ярцева В. Н. (II) Сопоставительный анализ структуры слова в современных германских языках. — В сб.: Проблемы морфологического строя германских языков. — М., 1963.
- Ярцева В. Н. (III) О задачах сопоставительно-типологического изучения родственных языков. — В сб.: Вопросы общего языкознания. — М., 1964.
- Ярцева В. Н. (IV) Современная типология и ее связи с контрастивной лингвистикой. — НДВШ. Филол. науки, 1978, № 5.
- Akhmanova O., Melenčuk D. The principles of linguistic confrontation. — М., 1977.
- Beiträge zur konfrontierenden Sprachwissenschaft. — Halle, 1976.
- Burger H. (unter Mitarbeit von H. Jaksche). Idiomatik des Deutschen. — Tübingen, 1973.
- Burgschmidt E., Götz D. Kontrastive Linguistik. Theorie und Anwendung. — München, 1974.
- Crome E. Zur Konfrontation von semantischen Beziehungen bei der Aneignung fremdsprachiger Lexik. — Linguistische Arbeitsberichte, 8. — Lpz., 1973.
- Dobrowolskij D. O. Phraseologisch gebundene lexikalische Elemente der deutschen Gegenwartssprache. Diss. (A.). — Lpz., 1978.
- Eckert R. Zum Verhältnis von Phraseologie und Wortbildung. — Linguistische Arbeitsberichte, 9. — Lpz., 1974.
- Eichler E. Aufgaben der kontrastiven russisch-deutschen Wortbildungslehre. — Linguistische Arbeitsberichte, 9. — Lpz., 1974.
- Filipec J. (I) Zur Polysemie und lexikalisch-semantischen Sprachkonfrontation. — In: Travaux linguistiques de Prague, 4. — Prague, 1971.
- Filipec J. (II). Probleme der Wortschatzkonfrontation. — Linguistische Studien, 29/1. — Bln., 1976.
- Fleischer W. (I) Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. — Lpz., 1969.
- Fleischer W. (II) Zum Verhältnis von Phraseologie und Wortbildung im Deutschen. — Deutsch als Fremdsprache, 1976, H. 6.
- Glinz H. Der deutsche Satz. — Düsseldorf, 1965.
- Häusermann J. Phraseologie. Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse. — Tübingen, 1977.
- Heesch G. Zur Übersetzung von Phraseologismen. — Fremdsprachen, 1977, H. 3.
- Helbig G. Zur Rolle des kontrastiven Sprachvergleichs für den Fremdsprachenunterricht (Möglichkeiten, Voraussetzungen, Grenzen). — Deutsch als Fremdsprache, 1976, H. 1.
- Iskos A., Lenkova A. Deutsche Lexikologie. — L., 1970.
- Jäger G. (I) Übersetzungswissenschaft und vergleichende Sprachwissenschaft. —

- In: Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik. — Lpz., 1968.
- Jäger G. (II) Konfrontation und Translation. — Deutsch als Fremdsprache, 1972, H. 4.
- Kade O. Die Phraseologie als übersetzungswissenschaftliches Problem. — In: Aktuelle Probleme der Phraseologie. — Lpz., 1976.
- Koller W. Redensarten. — Tübingen, 1977.
- Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. — Heidelberg, 1953.
- Lewkowskaja K. A. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. — M., 1968.
- Möller G. Deutsch von heute. — Lpz., 1961.
- Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. — M., 1971.
- Olschanski I. G. Die konfrontative Wortschatzanalyse und die zweisprachige Lexikographie. — Deutsch als Fremdsprache, 1975, H. 6.
- Probleme des Sprachvergleichs. — Linguistische Studien, Reihe A, 29/1, 29/2. — Bln., 1976.
- Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. — M., 1963.
- Röhrich L. Einleitung zum „Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten“. — Freiburg, 1976.
- Růžička R. Vergleichende und konfrontierende Grammatik. — Linguistische Arbeitsberichte, 10. — Lpz., 1974.
- Ščemeleva E. E. Über einige Verfahrensweisen bei der lexikalisch-semantischen Konfrontation zwischen Deutsch und Russisch. — Deutsch als Fremdsprache, 1979, H. 1.
- Schade W. Zu den komparativen Phraseologismen des Deutschen und Russischen. — In: Aktuelle Probleme der Phraseologie. — Lpz., 1976.
- Schippan T. Einführung in die Semasiologie. — Lpz., 1975.
- Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. — Bln., 1965.
- Skorupka S. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza. — В сб.: Славянская филология. Вып. III. — М., 1958.
- Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. — M., 1975.
- Svešnikova G. S. Zum Problem der typologischen Untersuchung der Phraseologie. — Deutsch als Fremdsprache, 1974, H. 6.
- Trends in kontrastiver Linguistik. — Mannheim, 1974.
- Wandruszka M. Sprachen — vergleichbar und unvergleichlich. — München, 1969.

2. Лексикографические источники

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. — М., 1968.
- Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — М., 1966.
- Бабкин А. М., Шендцов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. Т. 1—2. — М. — Л., 1966.
- Большой немецко-русский словарь. Под рук. О. И. Москальской. Т. 1—2. — М., 1969. (БНРС).
- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М., 1967.
- Немецко-русский фразеологический словарь. / Сост. Э. Ф. Бинович, Н. Н. Гришин. — М., 1975 (НРФС).
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. — М., 1971.
- Обратный словарь русского языка. — М., 1974.
- Русско-немецкий словарь. Под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Лейна и Р. Эккерта. — М., 1976 (РНС).
- Словарь русского языка. Т. I—IV. АН СССР. — М., 1957 (СРЯ).
- Словарь синонимов. Ред. А. П. Евгеньева. — Л., 1975.
- Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. АН СССР. — М. — Л., 1948—1965 (ССРЛЯ).
- Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. — М., 1967 (ФСРЯ).
- Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. — М., 1977.
- Шляров В. Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. — М., 1977 (ШФС).

- Borchardt-Wustmann-Schoppe.* Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. — Lpz., 1955.
- Büchmann G.* Geflügelte Worte. — Stuttgart, 1966.
- Dornseiff F.* Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. — Bln., 1959.
- Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Bde. 1—4. — Mannheim, 1976—1978.
- Duden.* Sinn- und sachverwandte Wörter und Wendungen. — Mannheim, 1972.
- Duden.* Stilwörterbuch der deutschen Sprache. 5. Aufl. — Mannheim, 1963.
- Duden.* Stilwörterbuch der deutschen Sprache. 6. Aufl. — Mannheim, 1971 (D).
- Duden.* Vergleichendes Synonymwörterbuch. — Mannheim, 1964.
- Friederich W.* Moderne deutsche Idiomatik. — München, 1966 (FMDI).
- Graf A. E.* (I) 6000 deutsche und russische Sprichwörter. — Halle, 1956.
- Graf A. E.* (II) Russische und deutsche idiomatische Redewendungen. — Lpz., 1965.
- Hellwig G.* Kennen Sie die neuesten Wörter? — München, 1973.
- Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bde. 1—6. — Hamburg, 1965—1970 (K).
- Mackensen L.* Zitate, Redensarten, Sprichwörter. — Stuttgart, 1973 (M).
- Röhrich L.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. In 2 Bden. — Freiburg, 1976 (R).
- Synonymwörterbuch.* Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Hrsg. von H. Görner und G. Kempcke. — Lpz., 1973.
- Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. — Rheda, 1971 (W).
- Wörter und Wendungen.* Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Hrsg. von Dr. E. Agricola unter Mitwirkung von H. Görner und R. Küfner. — Lpz., 1970.
- Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache.* In 6 Bden. Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. — Bln., 1961—1977 (WdG).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- нем. — немецкий
 рус. — русский
 ПСК — переменный словесный комплекс
 УСК — устойчивый словесный комплекс
 ФЕ — фразеологическая единица
 ФСГ — фразеосемантическая группа
 (Сокращенные названия словарей см. в библиографии)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Общие вопросы сопоставительной фразеологии.	6
1. Сопоставление в лингвистическом анализе.	6
2. Сопоставительный анализ во фразеологии.	10
1. Основные направления сопоставительно-фразеологических исследований	10
2. Труды по сопоставлению немецкой и русской фразеологии. . .	13
3. Особенности сопоставительного изучения фразеологического состава	13
4. Источники сопоставительного анализа фразеологии.	18
Глава II. Сопоставление фразеологических единиц	23
1. Межъязыковая соотнесенность фразеологических единиц. . . .	23
1. Аспектная соотнесенность	24
2. Функционально-смысловая соотнесенность	25
3. Взаимодействие аспектной и функционально-смысловой соотнесенности	27
4. Количественные характеристики межъязыковой соотнесенности фразеологических единиц	31
2. Факторы межъязыковой фразеологической эквивалентности . .	35
1. Компонентный состав фразеологических единиц.	36
2. Синтаксическая структура фразеологических единиц.	38
3. Разрядная принадлежность фразеологических единиц.	39
4. Сфера коммуникации и стилистическая характеристика фразеологических единиц	41
5. Значение переменных словесных комплексов.	43
6. Формальные и формально-смысловые факторы фразеологической эквивалентности	49
7. Совокупное фразеологическое значение и фразеологическая эквивалентность	50
Глава III. Сопоставление фразеологических групп	57
1. Фразеосемантические группы в немецком и русском языках. . .	58
2. Фразообразовательные модели в немецком и русском языках. .	61
1. Понятие фразообразовательной модели	61
2. Компонентные инварианты	68
3. Ситуационные инварианты	73
4. Фразеосемантические инварианты	75
5. Фразообразовательные модели	77
Глава IV. Сопоставление фразеологических систем	87
1. Лексический аспект немецкой и русской фразеологии.	87
1. Формальная соотнесенность фразеологических компонентов с лексемами	88

2. Фразообразовательная активность компонентов	91
3. Субкатегориальная принадлежность компонентов	94
4. Словообразовательная характеристика компонентов	95
5. Тематическая принадлежность компонентов	97
6. Устойчивость лексического аспекта	98
2. Структурно-синтаксический аспект немецкой и русской фразеологии	99
1. Объем и общекатегориальный состав фразеологических единиц	99
2. Особенности синтаксической организации фразеологических единиц	102
3. Основные структурно-синтаксические схемы	104
4. Устойчивость структурно-синтаксического аспекта	107
3. Семантическая и формально-семантическая структура немецких и русских фразеологических единиц.	109
1. Семантическая структура	109
2. Формально-семантическая структура	112
4. Место устойчивых словесных комплексов в системе средств номинации немецкого и русского языков	117
5. Основные особенности немецкой и русской фразеологических систем	122
Заключение	130
Библиография	134
Список принятых сокращений	141

АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ РАЙХШТЕЙН

Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии

**(Учебное пособие для институтов
и факультетов иностранных языков)**

Редактор *И. М. Песчанская*
Издательский редактор *М. В. Королькова*
Художественный редактор *С. Г. Абелин*
Художник *Э. А. Марков*
Технический редактор *Л. А. Григорчук*
Корректор *Н. И. Сидорова*

ИБ № 2239

Изд. № Н-277. Сдано в набор 24.03.80. Подп. в печать 29.07.80. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 9 усл. печ. л. 10,29 уч.-изд. л. Тираж 8 000 экз. Зак. № 263. Цена 35 коп.

Издательство «Высшая школа»,
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.